

РУСЛАНА
ИСТРОВА

Ласкуня

ТЬМЫ

Annotation

По официальной версии юная Кая Кристина Валборг последние три года изволили путешествовать и предаваться праздности, да так увлеклись, что даже на похороны деда не явились.

По неофициальной... все было куда занимательнее. И путешествие мое мало походило на то, что все себе представляют.

Но вот пришла пора вернуться. Принять наследство, поступить в лучший столичный институт. И по возможности избегать старшекурсника Виктора Леннарта, который три года назад отказался на мне жениться — видите ли, слишком слабая у меня магия для его древнего рода.

Теперь силы во мне хоть отбавляй, только Леннарту об этом знать совсем не обязательно.

- [Поступь Тьмы](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [Эпилог](#)
-

Поступь Тьмы

Трамвай полз сквозь вечерний город медленно, с неохотой, покачиваясь на широком рельсе точно пьяный канатоходец. За последний час я раза три порывалась выйти — не исключено, что прямо на ходу, — но, едва хватаясь за поручень, тут же разжимала пальцы.

Спешить некуда. Ползем и ползем. Может, оно и к лучшему...

К тому же я была не единственной припозднившейся пассажиркой, и голоса двух девиц, щебечущих в паре сидений от меня, даже успокаивали. По крайней мере, пока они не заговорили о тьмагах.

— Маменька не нарадуется, что среди них не было женщин, — произнесла одна, и голос, до того мелодичный и убаюкивающий мои хмурые мысли, вдруг показался визгливым, противным.

— Ох, ты только представь, какие в тех краях женщины! Бой-бабы да солдатские подстилки. И чтобы вот такой досталась магия? — Вторая девица картинно всплеснула руками. — Нет уж, ИОВ и без того полон отребья.

Они сидели ко мне спиной, почти сросшись одинаково блондинистыми кудрявыми головами и закутанными в меха плечами, но после этих слов первая слегка развернулась, явив мне свой остроносый профиль и хитрую улыбку.

— Но согласись, было бы забавно. Гарнизонная шлюха — самая завидная невеста сезона! Тэры дерутся за право заделать ей одаренного ребенка!

Девицы покатались со смеху, перья на их шляпках истерично задергались, а я наконец подхватила с соседнего сидения саквояж и быстро прошагала к выходу. Заднему, чтобы подальше от этих...

Подружки мало походили на представительниц высшего света, да и на просто приближенных не тянули — с чего бы таким кататься на выдавшем виды городском трамвае в столь поздний час? Скорее, две студентки-провинциалки, вырвавшись из отчего дома, заигрались в свободу и независимость.

Я не торопилась их судить. Вряд ли хоть одна мысль, вылетающая из алых ртов, принадлежала им самим. Родители, новые столичные

друзья, даже преподаватели — любой мог оставить след в неокрепших умах. А уж о тьмагах — группе разведчиков, угодивших в аномалию и обретших небывалую силу — сейчас не высказывался только ленивый. Полагаю, девицы вполне резонно опасались прослыть немодными и неосведомленными, если не поддержат животрепещущую тему.

Так что я все понимала, но оттого желание невзначай садануть дурех саквояжем меньше не становилось. Проход узкий, саквояж тяжелый, а я такая неловкая...

Я тряхнула головой и огляделась.

Шнурок кто-то оборвал, так что пришлось потянуться к магии, послать слабый импульс, и в ту же секунду по салону разнесся перезвон колокольчиков, требуя остановки.

Водитель отреагировал не сразу. Не то задремал, не то забыл, что где-то позади все еще трясется троица пассажиров. Но наконец внизу что-то скрипнуло, крякнуло, засвистело, и трамвай, качнувшись особенно пьяно, замер.

Щит с проема тут же спал, и в лицо ударил ветер. Держась за поручень, я осторожно преодолела две хлипкие ступеньки и впервые за без малого три года — если не считать короткую прогулку в порту — ступила на столичную землю. Под ногами хрустнул снег.

Вот тебе и конец лета... аномалия на аномалии.

Трамвай застонал и неторопливо пополз дальше; головы девиц за окном даже не повернулись в мою сторону. Скатертью дорожка. Но если они действительно студентки ИОВ... мы еще встретимся.

Вышла я, как выяснилось, на проспекте Героев, почти у самой ратуши, и до городского дома тэра Валборга отсюда было рукой подать — минут десять быстрым шагом дворами и переулками. Вот только к внезапно снежному лету я не подготовилась, и еще несколько минут ушло на магическое утепление легкого пальто и обработку ботинок, чтобы не сильно скользили на обледеневших тропинках.

Столь мелкие манипуляции давались мне особенно тяжело, тем более когда нельзя было привлекать внимания. Не то чтобы вокруг бродили толпы зевак, но вечерний, полный завораживающих огней центр никогда не пустовал. По проспекту прогуливались парочки, за прозрачными витринами попивали чай и что покрепче одиночки и шумные компании, любуясь сверкающими в свете фонарей снежинками.

Я поспешно отступила в тень, закончила плетение и продолжила путь, стараясь держаться ближе к зданиям. Заметь меня сейчас кто-нибудь из знакомых, смеялся бы до колик. Но, похоже, никому не было дела до бледной, закутанной в пальто девицы с потрепанным саквояжем. Сколько их таких ежедневно штурмует столицу... и сколько исчезает без следа.

Когда-то я тоже вот так исчезла, и ни единая душа не заметила.

Родной дом темнел на благопристойной и ярко освещенной улице Моры Элс сгнившим зубом. Нет, уверена, днем он по-прежнему прекрасен: побелка не облупилась, стекла не треснули, ступеньки не обветшали. Ни хозяин, ни городские власти не допустили бы подобного непотребства, как никак, лучший район Лонгарда. Но зажигать фонари, похоже, было некому, и если кованые ворота еще умудрялись своровать немного света у соседей, то дальше подъездная дорожка убегала в крошечную тьму. В окруженном заснеженными яблонями особняке не горело ни одного окна.

Я сдула с ладони светлячка и пошла за ним, мысленно костеря себя на все лады. Ведь обещала, клялась, что не стану магичить по мелочам — на них проще всего проколоться, особенно в моей ситуации, — а поглядишь ты. Колокольчик в трамвае, утепление, а теперь еще и светляк. Третье нарушение за пятнадцать минут, что же будет дальше?

Дальше была незапертая дверь, чуть слышно скрипнувшая, когда я ее толкнула. Холодный гулкий холл с белеющими в темноте простынями, под которыми пряталась немногочисленная мебель. И худощавый прямой как кол силуэт, застывший у подножия лестницы.

— Вы вернулись, — проскрежетал он и с внезапной сноровкой бросился ко мне с объятиями. — Слава всем богам, вернулись!

А я выронила саквояж, вдохнула прогорклый запах старого сюртука, в который уткнулась носом, и совершенно неожиданно разрыдалась.

Потому что впервые за два года девять месяцев и двадцать один день меня касался живой человек.

Руки Ульфа тряслись, когда он протягивал мне чай — чашка выбивала мелкую дробь о блюдо, и по полупустой пронизанной тенями гостиной разносился фарфоровый перезвон.

— Сядь. Не нужно мне таких почестей. — Я отобрала у старика посуду и поставила на столик.

Стянуть простыни мы успели только с него да с парочки кресел.

— Что вы, тэри, морозно так на улице, согреться вам надо, — зачастил Ульф, и не думая присаживаться. — Еще и добирались в такую даль. Сообщили бы, а мы бы уж и встретили, и комнаты подготовили. Вы не подумайте, прислуга есть, выходные просто. Отпускаю иногда. А так все как хозяин велел: ждать вас, ждать до самой смерти. А перед смертью найти себе замену, и чтобы они тоже ждали, а уж вы обязательно... обязательно вернетесь.

Я горько усмехнулась и, поднявшись, взяла стиснутые руки старика в свои.

— Все в порядке, Ульф, успокойся. Отдыхают слуги, и пусть, чего им торчать в этом склепе. Мы с тобой и вдвоем управимся. Разожжем камин в какой-нибудь комнатке, устроим меня с удобствами.

Ульф судорожно закивал, пепельные, всклокоченные со сна волосы заколыхались вокруг головы точно щупальца медузы.

Он был старым, сколько я себя помню, иногда казалось, что Ульф уже родился седым и сморщенным, но за эти три года от него и вовсе осталось только бледное эхо. Разве что осанка не испортилась. Мне хотелось привстать на цыпочки, коснуться впалой щеки, поцеловать дрожащую ладонь, которая когда-то трепала меня по макушке, стаскивала с деревьев, поправляла на мне школьный блейзер... поцеловать и еще немного поплакать, но я, скрепя сердце, отстранилась.

И так наревелась на десять жизней вперед, даже там столько сырости не разводила. Теперь глаза горели, и выпить хотелось неимоверно, вот только не чая.

— Мы все сделаем, Ульф, а сейчас... присядь.

Он слышал меня. Подчинился. Наш старый добрый дворецкий, от которого я получила больше любви и тепла, чем от любого из родных по крови людей. Он никогда не годился для этой должности, слишком открытый и мягкосердечный там, где нужна непроницаемая маска (вот и сейчас серые глаза блестели от набежавших слез), но дед упрямо держал слугу при себе. Кто-то считал, что из ностальгии и благодарности, мол, Ульф был при тэре Валборге, когда тот только делал свои первые шаги, а потом сопровождал во всех опасных научных экспедициях. Но я знала правду.

Ностальгия деду была не свойственна, про остальное и говорить не стоит... Нет, он просто свято верил, что спасает дряхлого никому не нужного бедолагу. Возвышает его, доверив столь ответственное дело. И скорее ждал благодарности в ответ, чем испытывал ее сам.

Дед был ледяным монстром из моих кошмаров, и сейчас я лишь радовалась, что до моего триумфального (ну почти) возвращения дожил не он, а именно Ульф.

— Хозяин... он...

— Умер. Я знаю.

Ульф поерзал в кресле, словно смущался сидеть, пока я стою, и я поспешила устроиться напротив. И даже из чашки отпила, лишь бы стереть это беспокойное выражение с его лица, а оценив вкус чая, к которому явно добавили не одну каплю крепкой настойки, едва не рассмеялась.

Нет, правда, захохотала бы от души, если бы не забыла, как это делается.

— Спасибо. Ты знаешь, как порадовать путника.

Над нами все еще парил мой светляк, с утерей концентрации разросшийся до размеров внушительной люстры. Благо Ульф был до того растерян, что не замечал этого комнатного солнца. А может, решил, что это рассвет в окна пробрался, хотя до него еще были часы. Я мысленно выругалась и, на ходу ужимая сгусток магии до прежних объемов, запустила его в камин, где тут же занялись огнем заготовленные поленья.

— Экак вы ловко, — восхитился Ульф. — Всегда умелой были, а теперь даже без рук.

Он неуклюже повторил один из школярских жестов плетения, которые давным-давно помогал мне заучивать, и тут же погрузился.

— Значит, вышло все, как задумалось. Добился своего старый демон. — Ульф покачал головой. — Я так и решил, когда про тех мальчишек в газетах писать начали. Про этих... тьмагов. Подумал, выбрались они из бездны мрака, значит, и девочка наша скоро вернется. И сила при ней...

Умный он все-таки, хоть и слывет простаком. Оставалось надеяться, что у прочих мозгов поменьше, и мое возвращение с тьмагами никак не свяжут.

Ну право слово, какая может быть связь? Там отряд вояк, стороживших границу с Тьмой, угодивших в ловушку и чудом уцелевших. А здесь я, наследница тэра Валборга, укатившая странствовать в неполные шестнадцать и даже на похороны родного деда не явившаяся.

Единственное, что у нас с тьмагами общего, так это внезапно возросший магический потенциал. Но для них это величайший шанс в жизни, ведь прежде каждый из парней был почти пустышкой, а для меня... Для меня новые силы — секрет, который предстоит тщательно оберегать.

Нет, никто и не подумает провести параллели. И вернулись тьмаги на несколько месяцев раньше, я об этом позаботилась. И меня никто не видел близ той аномалии, зато видели на Драконьих островах, у Северного моря, в Данижских пустошах и боги знают где еще — об этом позаботился дед.

С его смертью остался только один посвященный в нашу тайну — Ульф. Но в его молчание и преданность я верила безоговорочно, хотя, конечно, не собиралась раскрывать перед ним все карты. Берегла старое слабое сердце.

— Сила при мне, — подтвердила я. — Теперь учиться надо. Понимаешь?

Ульф понимал. Вздохнул душераздирающе и выудил из-за пазухи два конверта — один чуть потрепанней другого. Наверняка прихватил их, когда за чаем ходил, провидец.

— Вот. И в том году присылали, и в этом. С месяцок назад. Зовут?

Я уже вскрыла то послание, что поновее, развернула единственный лист и кивнула:

— Зовут.

Еще бы они не позвали. Кровь не водица, и несмотря на мою прежнюю магическую ущербность, имя рода, не особо древнего, но уважаемого, служило неплохим стимулом для комиссии.

Впрочем, я не обольщалась. Будь я дочерью успешного торговца, тоже бы получила подобное письмо, сухо и не особо рьяно приглашающее пройти вступительные испытания и влиться в поток студизусов Института Осознанного Воздействия.

Всегда ненавидела это название.

Обозначенные в письме даты не особо радовали. Получалось, что бежать в институт надо уже завтра и лучше прямо с утра, иначе пропущу последний вагон с абитуриентами. А ведь так хотелось обойтись без спешки...

— Еще корреспонденция была? — спросила я, снова рассеянно пробегая глазами по ровным строчкам.

«...рады сообщить... в число избранных...»

— Стряпчий карточку оставил, чтоб, стало быть, с наследством все дела решить. Но вы не переживайте, хозяин все вам отписал, там комар носу не подточит.

«...по результатам проверки... распределение...»

— И все?

— Ну... еще соболезнования присылали.

«...выбор факультета... включая новое направление — Охрана и зачистка».

Вот оно! Я вскинула голову:

— Что? Соболезнования? И много?

Ульф смутился:

— Четыре записки и букет.

Да... дед популярностью не пользовался. Или все же я? Судя по отсутствию более личных писем, скорее второе. За три года — два приглашения на учебу, визитка поверенного и несколько отписок с соболезнованиями.

— Все же знали, что вы... в отъезде, — словно прочитал мои мысли Ульф. — Чего зазря бумагу марать.

Мы помолчали. Я аккуратно сложила приглашение обратно в конверт и залпом допила чай. А когда поднялась, намереваясь предложить Ульфу выбрать мне комнату на ночь поменьше, чтобы проще было прогреть, он вдруг подскочил и первый бросился ко мне.

— Я с вами пойду!

Я моргнула:

— Куда со мной?

— В академию эту вашу.

— Институт, — машинально поправила я и только потом поняла смысл сказанного. — Что? Зачем? Ульф, студентам не положены личные дворецкие.

— А я не дворецким. — Старик выпятил нижнюю губу и грудь. — Кем угодно пойду, лишь бы вы рядом, под присмотром. Хоть сторожем, хоть конюшим...

— Ну каким конюшим? Откуда там конюшни? Разве что гаражи и машины.

— Значит, полы мыть буду. Простыни перестилать. Или...

— Ульф, — перебила я, уже почти не соображая от усталости. — Давай я сначала поступлю, а потом мы все обсудим?

— Поступите, как же теперь-то не поступить, — пробормотал он.

Действительно, теперь я могла играючи справиться с любой возможной проверкой да так, что комиссия рукоплескать будет. Одна проблема: после рукоплесканий меня, скорее всего, запрут далеко и надолго, чтобы тщательно изучить и попробовать на зубок.

Потому задача передо мной стояла непростая: так замаскировать свои новые способности, чтобы пятерка сильнейших магов ИОВ ничего не заметила, но и не сочла меня при этом полной бездарью.

Благо я давно знала, куда и зачем возвращаюсь, так что план был готов еще пару месяцев назад.

В «последнем вагоне» оказалось тесновато.

По широкой каменной лестнице института меня буквально вознесла толпа юных магов, и она же крепко стиснула со всех сторон перед стендом с информацией для студентов и поступающих. Маги шумели, смеялись, спорили, тыкали пальцами то в один, то в другой листок и, постепенно делясь на группы, разбегались по бесконечным белым коридорам. Я даже на миг подумала, что учеба уже началась, но нет — формы ни на ком не было, да и расписание четко гласило, что приветственная лекция и первые занятия у всех курсов состоятся, как и положено, в первый день осени, через две недели.

Я предпочла не толкаться и не рваться вперед. Спокойно дождалась, когда толпа поредеет, и только потом занялась поисками нужных объявлений и указателей. Еще и порадовалась такому ажиотажу и привычке людей все откладывать на последнюю минуту — так, глядишь, и времени каждому уделят немного, и копать глубоко не будут.

Но меня ждало горькое разочарование. Большинство явившихся уже благополучно прошли испытание, а сегодня лишь воспользовались рабочим днем, чтобы решить сопутствующие проблемы. Выбор дополнительных занятий, проживание, смена факультета (эта группа оказалась самой многочисленной и шумела громче прочих). К приемной же комиссии со мной направилось лишь семь человек, и насколько я поняла из разговоров, для всех них это была уже вторая и последняя в этом году попытка впечатлить судий. Надежд никто особо не питал, но губы все поджимали одинаково упрямо и пальцы разминали, словно сложное плетение при мизерном даре что-то изменит.

Я держалась в стороне, старательно игнорируя угрюмые взгляды, и даже уселась не перед нужной аудиторией, а на пару дверей левее.

Пусть смотрят. Вряд ли хоть один из них станет моим сокурсником.

Когда дверь распахнулась и в проем высунулась огромная мужская рука, подманивая первую жертву, я начала собственную

подготовку.

Обыватель, несмотря на все просветительские программы, слабо представляет устройство мага. Все знают, что там есть какой-то резерв и какой-то потенциал, но вот как оно все работает...

Я однажды слышала, как резерв сравнивают с внутренним костром, от которого маг подпаливает лучину заклинания, только это полная чушь. Лучина вспыхнет и от слабого огонька, при чем же тут тогда размер резерва? Да и не уменьшается костер, когда к нему подносишь щепку, а резерв от мельчайшего плетения пустеет на глазах.

Я бы сравнила его, скорее, с ведром и ковшом. Чем они объемнее, тем шире возможности мага, тем больше он может зачерпнуть за раз и вложить в заклинание. А потенциал — это что-то вроде скорости и выносливости: насколько быстро и легко ты сумеешь добежать до ближайшего колодца или реки и наполнить ведро до краев.

В лекционной, куда только что шагнул один из поступающих, сейчас сидела пятерка магов, резерв каждого из которых всего на два-три пункта не дотягивал до максимально зарегистрированных в истории пятидесяти. И с потенциалом в девяносто процентов, то есть их ведра наполнялись заново за считанные минуты.

Водоносы-спринтеры.

Мой резерв не изменился — все те же неплохие тринадцать пунктов, дарованные от рождения. На них я никогда не жаловалась. А вот потенциал... его-то мне и предстояло скрыть.

Потому что с недавних пор мое ведро не нуждалось в пополнении. Оно стояло на дне полноводной реки, и, строго говоря, даже с единичкой в резерве, я бы могла не экономить силу, черпая ее напрямую из источника.

Три года назад мой несчастный потенциал едва дотягивал до семи процентов. Сегодня я планировала продемонстрировать невероятные четырнадцать, которые, конечно, заставят комиссию покривиться, но подписать документы на зачисление. Тем более маг, сумевший увеличить скорость восстановления вдвое, должен показаться им довольно перспективным.

В теории...

Резерв мне измерят стандартным артефактом, а вот на его пополнение будут смотреть на практике, предложив сплести что-

нибудь из школьной программы. Значит, надо просто ненадолго отключить себя от источника, оставив лишь небольшую лазейку для дополнительных семи процентов.

Всего-то...

Несмотря на более-менее успешные тренировки, я нервничала. Сила не любит преград, она все равно попытается прорваться и затопить меня, если комиссия затянет проверку. Или кто-то может использовать плетение высшего порядка и рассмотреть все мои внутренние процессы и выстроенные стены под микроскопом, но я надеялась, что ради слабачки вроде меня напрягаться не станут.

Главная сложность — удерживать заранее подготовленное плетение блокировки и при этом выдать на потеху публике что-нибудь простое, соответствующее заявленным способностям, но эффективное.

К этому-то я и готовилась, пока семеро моих братьев по несчастью по одному входили в аудиторию и выползали оттуда, вспотевшие и печальные. Только одна девчонка, высокая и тонкая как колосок, вернулась с озадаченной улыбкой. Шагнула в коридор, устало опустила на скамейку и, когда я проходила мимо, подняла на меня огромные черные глаза.

— Взяли, — выдохнула и повторила почти испуганно: — Взяли.

— Поздравляю, — отозвалась я и наконец сама вошла в распахнутые двери лекционной.

* * *

Величайшие маги ИОВ сидели за длинным преподавательским столом и выглядели не слишком-то радушно. Седая полная дама лет шестидесяти с эмблемой общего факультета на лацкане черного пиджака хмуро пялилась на пустые ряды парт. Слева и справа от нее возвышались мужчины чуть помоложе: широкоплечий чернокожий боевик и бледный до синевы природник. Ну и по краям стола разместились самые молодые: чем-то недовольная целительница (на вид ей не было и сорока) и равнодушный и какой-то совсем уж юный бытовик с огненно-рыжими волосами и веснушками, которые, однако, солнечности и добродушия ему не добавляли.

На меня никто даже не взглянул, только зажатые в руке документы — письмо-приглашение, школьный диплом и результаты последнего тестирования — повинаясь чужому плетению, вырвались на волю и плавно опустились перед седовласой.

Она нехотя скосила глаза на три скромных листка, нахмурилась еще сильнее и лишь затем удостоила меня вниманием:

— Тэри Кая Валборг?

Я кивнула:

— Кая Кристина Валборг, да.

Мои бумажки тут же переключались к соседям дамы-председателя.

— Вам повезло, — сухо заметил природник. — Результаты школьных экзаменов пока действительны. Подождали бы еще год, и сдавали бы всю теоретическую программу.

Я снова кивнула.

— Хотя результаты эти у вас... довольно посредственные, — добавила целительница, тоже заглянув в диплом.

«Тем не менее приглашение мне прислали», — чуть не ляпнула я, но успела прикусить язык и только кивнула в очередной раз. Такими темпами как бы голова не отвалилась.

— Что ж, поведайте же нам, что за напасть помешала вам принять первое приглашение. — Боевик скрестил на груди огромные руки, отчего ткань форменного преподавательского пиджака отчетливо затрещала.

— Не напасть, а нежелание позорить род и институт своими более чем скромными способностями, — спокойно ответила я, хотя спокойствие это давалось с трудом. Выстроенный блок содрогался под напором магии источника и грозил вот-вот пойти трещинами. — Я работала над собой. Перенимала опыт переисских отшельников.

Отборнейший бред. Все знали, что переисские практики эффективны только при полном многолетнем погружении, но лишь так я могла объяснить и свое отсутствие, и изменения в потенциале.

— Да, мы слышаны о вашем... паломничестве, — пробормотала председатель.

Я никак не могла вспомнить ее имя, но помнила лицо — она была дружна с дедом. Ну... насколько можно дружить с таким чудовищем.

— И много наработали? — без всякого интереса спросил бытовик.

— Потенциал увеличен вдвое.

Вот теперь его проняло. Рыжий распрямился, потянулся к моим документам, но тут же разочарованно фыркнул:

— Вдвое от семи... мда. Целых четырнадцать процентов.

Я сделала вид, что не услышала сарказма, пожала плечами и продолжила стоять перед комиссией как дешевый, никому не интересный экспонат на элитном аукционе.

— Все равно впечатляет, — вмешался природник. — Планируете практиковать медитации и дальше?

— Если позволит программа обучения.

— И если вас зачислят, — напомнила целительница.

— Разумеется.

Маги переглянулись, и слово снова взяла дама-председатель комиссии:

— Тэри Валборг, прежде чем мы попросим вас продемонстрировать ваши достижения, расскажите, чего вы ждете от обучения в ИОВ. По возможности кратко и емко.

Почти сочинение на тему «Как я провела последние три года и почему теперь достойна учиться под сей благословенной крышей».

Я украдкой вздохнула.

— Я жду знаний и навыков, которые помогут применять мои скромные способности с максимальной пользой.

Все. Куда уж короче.

— Вы же понимаете, что с такими данными на мой факультет ход вам закрыт? — прищурилась целительница.

Похоже, с самомнением там все в порядке, раз мои слова о «максимальной пользе» истолковали как желание стать целителем.

— Я знаю, что самое простейшее лечебное плетение требует минимум двадцати единиц в резерве, — ответила я.

— А на природном нужен потенциал... побольше, — снова ожил природник, и я в тысячный раз за утро кивнула.

Все знаю, все понимаю, выше головы не рвусь.

— И на какой же факультет вы нацелились? — с подозрением спросил боевик.

Учитывая, что большую часть времени я глазела именно на его блестящую лысую макушку, подозрения эти были вполне оправданы.

— К вам.

— Но...

— Меня интересует направление Охрана и зачистка.

Ну вот, главное озвучено. Внутри что-то тренькнуло, и я понадеялась, что это нервы от напряжения звенят, а не моя защитная стена разваливается.

Комиссия хранила молчание.

— Тэри Валборг, — наконец прокашлялась председатель, — у вас какие-то проблемы с получением наследства?

Я нахмурилась, не сразу сообразив, откуда столь странные выводы. А потом вспомнила...

«Охрану и зачистку» придумали специально для тьмагов. Ускоренный экспериментальный курс для взрослых мужчин, солдат, с вполне устоявшимся образом жизни. Не усаживать же их на шесть лет за парты, чтобы тренировались выращивать цветочки и залечивать царапины. Нет, они должны быть при деле, которое им хорошо дается. Но и без обучения такую силу не оставишь, вот и родилась идея группы, которая будет получать все необходимые знания, считаться студентами, а на практике по-прежнему ходить в рейды на границу с Тьмой.

Для пущего эффекта на курс предложили взять еще добровольцев из абитуриентов, пообещав бесплатное обучение и щедрую стипендию. А также славу и почет, если, конечно, переживешь первое практическое занятие.

Я слышала, добровольцев было много. Еще бы — требования невысокие, денег не просят, учиться всего два года, и диплом со всеми пометками грозятся выдать. Но курс на первое время предпочли все же не раздувать, и помимо двенадцати тьмагов взяли еще только десять новичков.

Я рассчитывала стать одиннадцатой. И отнюдь не потому, что с моими официальными данными стипендия не светила, а денег на оплату не было. Просто мне нужно было именно к тьмагам, иначе вся эта затея с институтом теряла всякий смысл.

Но комиссия явно решила, что Валборг оставил внучку-вертихвостку без портков.

Я с трудом подавила усмешку.

— Я в силах оплатить обучение, если это необходимо, — ответила со всей возможной серьезностью. — Охрана и зачистка — мой осознанный выбор, никак не связанный с финансовым положением. В

требованиях указан резерв не менее десяти единиц и потенциал от десяти процентов и выше. Я подхожу.

«Если только сейчас не разнесу аудиторию неконтролируемой силой, которая устала сидеть в клетке», — проскочила мысль, и я стиснула зубы.

Ну же, давайте это ваше испытание...

Боевик скривился, отчего-то злобно зыркнул на примолкшего рыжего бытовика и наконец кивнул:

— Что ж, сейчас проверим, подходишь ли. Пока профессор Друф измеряет твой резерв, изучи это плетение.

Ко мне двинулся унылый природник с синим камнем в руках, а над столом вспыхнула искрящаяся иллюзия, от одного вида которой мои внутренности свернулись узлом.

— Обычно мы не даем схем и просим повторить что-то из школьных заклинаний, — с благодушной улыбкой продолжил боевик, — но покуда тэри Валборг у нас претендует на статус боевика с мизерным потенциалом, пусть продемонстрирует умение экономно расходовать резерв на классическом щите.

Классическом, как же...

Я смотрела на монстроплетение, клубком змей зависшее между мной и комиссией, и с ужасом понимала, что даже не вижу, где у него начало, а где конец.

Я провалилась. Не с треском, но все же.

Насквозь дырявый, дребезжащий от нехватки энергии щит не выдерживал никакой критики. Мэтр Кобэ — так обращались к боевику коллеги — даже не стал испытывать его на прочность какой-нибудь пустячной атакой, и спасибо ему за это. Все мои силы и внимание уходили на удержание блока и подпитку недощита, так что я бы не успела увернуться.

Но даже сознавая неизбежный провал, я не сдавалась. Перекраивала схему снова и снова в попытке разобраться, где же все-таки спрятаны концы этого клубка. Увы, начала я плетение явно не с того, и было уже поздно что-либо менять, но я могла хотя бы залатать парочку дыр.

Руки не подключала, надеясь, что хоть это впечатлит комиссию. Да и привыкать к такой поддержке не хотелось — все эти школьные пасы все равно что страховочные колеса на детском велосипеде, а мне уже не пять лет.

По внутренним стенам ползли трещины, грозя захлестнуть меня силой; щит мерцал, будто плохонькая иллюзия первоклашки, и я ничего кроме него не видела из-за набежавшего на глаза пота. А когда мэтр Кобэ наконец скомандовал «Хватит!», просто повалилась на колени, судорожно глотая воздух.

Я знала, что комиссия по-прежнему наблюдает, потому продолжала удерживать блок еще несколько секунд. И снимала его медленно, сначала расширяя бреши, потом позволяя стенам пасть, одной за другой, чтобы попросту позорно не отключиться от переизбытка энергии. В первый раз, когда эта сила только проникла в меня, я провалялась без сознания трое суток, но сейчас, кажется, обошлось.

Если, конечно, они все еще не отслеживают мой потенциал. Тогда этот провал можно считать феерическим и окончательным...

— Профессор Алгени? — раздался голос председателя, и, подняв голову и проморгавшись, я увидела, как отступает белизна, заливавшая глаза целительницы.

Она тряхнула головой, поморщилась и произнесла:

— Боюсь, тэри Валборг ввела нас в заблуждение.

Ну вот и все...

— Ее потенциал увеличился не вдвое, а всего на шесть процентов, — продолжила профессор Алгени. — Сейчас он равен тринадцати.

Сердце пропустило пару ударов и понеслось вскачь.

Я справилась, боги, справилась! И плевать на утеранный процент, показатель «тринадцать-тринадцать» все равно выше нужного минимума. А еще он очень много говорит о моей сути...

Я соскреблась с пола, стараясь не застонать, отряхнула брюки от несуществующей грязи и снова замерла перед комиссией навытяжку. Да, в боевики меня теперь не возьмут, придется отсчитать ИОВ гору хрустящих купюр и идти на бытовой, но это лучше, чем ничего. А если и туда не возьмут, вспомню порыв Ульфа и устроюсь в институт на работу, хоть прачкой, хоть полomoйкой, но тьмаги должны быть поблизости.

Пульс постепенно замедлялся, дыхание выравнивалось, а комиссия все молчала и молчала, обмениваясь многозначительными взглядами. Я закусила губу, чтобы сдержать рвущиеся с языка вопросы, и вздрогнула, когда мэтр Кобэ с хлопком опустил засветившуюся ладонь на мое письмо-приглашение.

— Принята.

— Куд...

— Поздравляю, Валборг, теперь ты двадцать четвертый и последний студент группы Охрана и зачистка.

Двадцать четвертый? Я думала тьмагов двенадцать, плюс еще десять человек из абитуриентов — я видела внизу список.

Мысль промелькнула и исчезла. Да и не все ли равно? Хоть пятидесятая, главное — взяли, а об остальном можно подумать и потом. К примеру, о причинах моего зачисления, учитывая произошедшее только что...

Я с трудом растянула непослушные губы в улыбке и выдавила:

— Благодарю.

— Подожди за дверью, — велел мэтр Кобэ, — я выйду через минуту.

С радостью.

Кивнув членам комиссии и скомканно попрощавшись, я выползла в коридор и кулем рухнула на ближайшую скамью. Даже не сразу заметила, что на ней уже кто-то сидит.

Все та же девочка-колосок. Видимо, тоже сказали ждать.

Она окинула меня внимательным взглядом, затем покопалась в огромной сумке и, выудив оттуда белоснежный платок, молча протянула его мне.

Все-таки пошла кровь...

— Спасибо.

— Можешь не возвращать.

Мэтр Кобэ появился не через минуту, а через добрые двадцать, и за все это время мы больше не проронили ни слова. Я зажимала кровоточащий нос чужим платком, моя соседка сначала чем-то громыхала, ковыряясь в безразмерной сумке, затем расчесывала короткие пшеничные волосы. Мысли текли вяло и как-то бессвязно, и я позволила себе насладиться этой вязкой пустотой в голове после первого взятого барьера.

Сейчас... сейчас выйдет мэтр, и начнется новый забег.

Когда он наконец шагнул в коридор, мы обе подскочили как ужаленные. Что-то было в этом огромной чернокожем человеке, что заставляло вытягиваться по струнке — я б, наверное, и честь отдала, если б знала, как это правильно делать.

— Расслабьтесь, вы не на плацу, — отмахнулся Кобэ, и я повела плечами. — Другое дело... Итак, студентки. Первое, о чем вам надо забыть, это о всяких «тэри» и «тэрах». Отныне вы просто Валборг и Йенсен, усвоили?

Мы переглянулись, безмолвно отмечая знакомство, и кивнули.

— Далее, в группе других девушек нет. Изначально мы и не планировали полового разнообразия, но потом кто-то решил, что без него эксперимент будет неполным, так что вам, припозднившимся, просто повезло. Это понятно?

Понятно, как тут не понять. Полагаю, еще нам повезло с определенным соотношением резерва и потенциала. Бьюсь об заклад, у каждого из студентов оно окажется разным. Двенадцать тьмагов и двенадцать простых смертных — суть эксперимента раскусить несложно. Поставят в пары и будут проверять взаимодействие, возможность заимствования силы и так далее, и тому подобное. Я не

обольщалась, будто незаменима и кому-то тут так уж нужна, и Йенсен наверняка тоже просто радовалась возможности учиться.

— Травли я не потерплю, так что в случае проблем — не молчите. Никаких геройств и «я сама». Ясно?

Мы снова кивнули.

Кобэ потер лоб и устало вздохнул:

— Ладно, остальное уже после приветственной лекции. Расписание внизу, никаких опозданий. А сейчас дуйте в деканат, подписывайте отказ от претензий.

— Претензий? — переспросила Йенсен.

— Ты о сути группы читала? Об особых практических занятиях? Вот и не хлопай теперь ресницами. Не нужны нам тут родственники с угрозами суда, если вдруг с вами чего... — Мэтр прокашлялся. — Отказ касается только рейдов, на территории института он не действует. Вопросы?

Я помотала головой.

— И да, Валборг... Как бы близко твой дом ни был к институту, общежития не избежать. У группы особое расписание, все должны быть под боком. Вот на другом факультете... — Он прищурился. — Уверена, что не хочешь на бытовой или общую магию? Или хотя бы на стандартный курс боевого?

— Никак нет. Общежитие меня не смущает.

Общежитие мне даже на руку. Да и торчать в постылом дедовском доме все равно не было никакого желания.

— Ну смотри. Потом не жалуйся.

В груди кольнуло разочарование. Я уже привыкла, что меня с первого взгляда записывают в избалованные богатенькие девочки, но от лучших магов ИОВ ожидала большей прозорливости.

— Не буду, — спокойно пообещала я.

Кобэ еще раз напомнил не опаздывать на приветственную лекцию, общую для всех первокурсников, посоветовал заселиться за несколько дней до начала занятий и снова послал нас в деканат разбираться с бумажными формальностями.

Когда он скрылся все в той же аудитории, мы с Йенсен уставились друг на друга, заново осмысливая перспективы. В ближайшее время нам предстояло стать как минимум союзницами.

— Трин, — первая представилась она, протягивая ладонь.

Я ответила на рукопожатие не сразу, все еще не привыкла к прикосновениям, но, в конце концов, надо же с чего-то начинать.

— Кая.

— Легко не будет, да? — усмехнулась она.

Я пожала плечами.

Слово «легко» исчезло из моего лексикона вместе со всеми синонимами в тот миг, когда родной дед столкнул меня во Тьму.

Снег шел еще десять дней, а потом лето внезапно вспомнило, что по-прежнему в своем праве, и поспешило одарить нас жарой и освободить из-под сугробов обмороженную зелень. Так что вопросы с наследством я решала, кутаясь в меха, в общежитие перебиралась по грязи и слякоти, а на первую лекцию шла уже мимо шелестящих лиственной деревьев и благоухающих клумб — природники расстарались.

Эти дни были... странными.

Я почти не разговаривала, лишь кивала и оставляла в нужных местах подпись и отпечаток силы. Отказ от претензий. Студенческий пропуск. Заявление на место в общежитии. Запрос на форму и учебные материалы согласно списку. Акт о вступлении в силу завещания тэра Валборга. Банковские документы.

Во все, что подсовывал мне поверенный деда, я даже не вчитывалась.

— Обворует вас, как пить дать, — ворчал Ульф.

— И пусть.

Деньги рода меня интересовали только как средство попасть в ИОВ, но получилось справиться и без них. Если растащат — не велика потеря.

Не растащили.

Честного и доказавшего свой профессионализм поверенного я отправила в загородное поместье — пусть посмотрит, не развалилось ли там все без хозяина. И порядок наведет или наймет кого-то, если что. Лично соваться туда я не собиралась, ибо ненавидела этот помпезный дворец едва ли не больше, чем столичный дедовский склеп.

— Ульф, хочешь я тебе этот дом отпишу? — спросила я дворецкого за день до начала занятий, когда мы пили чай на кухне.

Немногочисленные свои пожитки я уже перевезла в общежитие, прислугу распустила окончательно, а мебель в доме снова накрыла простынями.

Ульф поперхнулся и забавно вытаращил глаза:

— На что он мне?

— А поместье хочешь? Покажешь тамошним разгильдяям, чего стоишь. Будешь гонять их и в хвост, и в гриву, а то Торвальд жалуется, что слуги живут как хозяева, а деревня погибает.

Поверенный звонил пару раз, докладывал обстановку. Не жаловался, нет, скорее возмущался человеческой наглостью. И пусть формально деревенские давно уже сами по себе, но зависимость от владельца поместья нарастала столетиями, и за какой-то десяток лет после изменения законов такое не вытравишь. А оставленный дедом управляющий пустил все на самотек.

Вот как старый демон умудрился одновременно нанять такого умного и преданного поверенного и такого мерзкого и ленивого управляющего?

Загадка.

— Вот пусть Торвальд и разбирается, — фыркнул Ульф. — А мне и тут есть, чем заняться.

Этого я и боялась.

Я уже предлагала ему и купить жилье, и пристроить в хорошую семью на работу, и отправить на моря — все, что его душе угодно, лишь бы Ульф оставил идею перебраться в институт следом за мной. Старик отмалчивался, но за моей спиной развернул кипучую деятельность.

Смешной, будто я могла не заметить.

В конце концов я решила не вмешиваться. Он взрослый, свободный человек, сам может распоряжаться своей судьбой и личным временем...

Нет, не так. Я просто эгоистичная дрянь и втайне надеялась, что если у него все получится, то рядом всегда будет надежное плечо. Плечо единственного дорогого мне существа в этом мире. Но я даже себе не могла в этом признаться, не то что произнести вслух: «Ульф, я не справлюсь одна, ты мне нужен, потому я делаю вид, будто не знаю о твоих попытках устроиться в ИОВ».

О том, успешны они или нет, я тоже не знала. Даже не спрашивала.

Ночевать в общежитии я осталась только перед первым учебным днем. Трин Йенсен за это время успела навести уют в выделенной нам комнате, познакомиться с парочкой первокурсниц и насобирать сплетен про всех и вся.

— Мэтр Кобэ хотел нас в мужской корпус определить, — рассказывала она, пока я, лежа на застеленной кровати, безучастно пялилась в потолок. — Там для нашей группы целый блок отвели с отдельным входом. Мол, особый распорядок, все дела. Заявился два дня назад, велел собирать вещи, но прибежала та визгливая дама — помнишь, у которой форму заказывали? — отхлестала его какой-то тряпкой, кажется, полотенцем, и сказала, что срама на своей территории не допустит. Представляешь? Ну какой срам? В каком веке живем? А там комнаты, между прочим, получше.

— Угу.

— Только страшно б, наверное, было бок о бок с тьмагами жить...

Я приподнялась на локте:

— А учиться с ними не страшно? В рейды ходить? Экспериментировать с силой?

— И это страшно, но хотя бы спать я хочу спокойно, — отмахнулась Трин и переключилась на рассказ о старшекурсницах, что живут прямо над нами и таскают в комнату парней.

Она вообще оказалась... разговорчивой. Не то чтобы я от ее болтовни сильно страдала, но предпочла бы соседку потише, вот только выбора никто не давал. Мы последние прошли испытание, последние подписали заявку и попали в последнюю свободную комнату в женском корпусе.

Впрочем, уверена, нас бы поселили вместе при любых обстоятельствах, учитывая специфику группы.

— ...все уши прожужжали, Леннарт то, Леннарт се. Как будто у них тут на весь институт один красавчик. — Трин раздраженно фыркнула, а я невольно задержала дыхание и не сразу поняла, отчего так колотится сердце.

Леннарт... Как я могла забыть, что он еще здесь?

Демоны!

Мысли закрутились как бешеные, в голове замелькали цифры. Тогда, около трех лет назад, Виктору Леннарту было двадцать, он как раз перешел на третий курс. Значит, сейчас на шестом.

И что мне стоило пересидеть в подполье еще годик?

— Эй, ты чего? — Трин, уже переодевшаяся в пижаму, замерла посреди комнаты и уставилась на меня с подозрением.

— Что?

— Спрашиваю, чего подскочила? И глаза у тебя светятся.

Я моргнула. И правда, подскочила. Не просто села на кровати, а на ноги поднялась, будто бежать куда удумала. Пришлось напрячь все силы, чтобы расслабить одеревеневшие мышцы, прогнать магию из глаз и опуститься обратно.

Проклятый Леннарт...

— Вспомнила кое-что, но ладно. Завтра займусь.

Трин недоверчиво поморщилась, но комментировать не стала, а перешла к другим историям о новых и старых студентах ИОВ — где только умудрилась столько насобирать?

Наверное, я могла бы ее заткнуть. Нагрубила бы, и всех проблем. Что-то подсказывало, что Трин Йенсен не из тех, кто навязывает свою болтовню против чужой воли. Но я молчала, сама не знаю почему.

Может, не хотела обижать хорошего, в общем-то, человека. Может, избегала конфликта. А может, понимала, что утром начнется новая сложная жизнь, и хотя бы один друг мне не повредит, раз уж про трудоустройство Ульфа пока ничего не известно.

Ну или я просто надеялась, что Трин сболтнет еще что-нибудь про Виктора Леннарта. Что-нибудь, что поможет мне подготовиться к нашей неизбежной встрече.

Приветственная речь ректора была до безобразия скучной, да и деканы факультетов, выступавшие один за другим, не сумели отвлечь новоиспеченных студентов от разглядывания друг друга. История ИОВ, наследие и традиции, успехи выпускников, разнообразные программы и дополнительные курсы — разве за этим мы здесь собрались?

Нет конечно. Куда интереснее вертеть головой, шушукаться и строить глазки старшекурсникам, небольшая группа которых устроилась в последнем ряду, чтобы оценить свежее мясо.

Мне хотелось хорошенько треснуть особо шумных и вертлявых девиц, сидевших перед нами с Трин, но выдержки пока хватало. Неудачные мы все-таки выбрали места...

Хотя удачных тут, по-моему, и не было.

Нас согнали в зал для торжеств, заставленный складными садовыми и жутко неудобными стульями, и даже не озаботились проветриванием помещения. Утреннее солнце палило нещадно, пронзая лучами панорамные окна, и уже к середине лекции, или что это там было, зал превратился в раскаленную каменную печь. Студенческую форму явно шили для более прохладных деньков.

Благо я сегодня не нацепила блейзер, ограничившись тонким жилетом поверх рубашки, и все равно за прошедший час хорошенько взопрела. Трин обмахивалась блокнотом для записей, который прихватила на всякий случай, у иных девиц обнаружили доисторические веера, но в целом страдали все. Может, потому и пытались занять себя хоть чем-нибудь, отвлечься, хотя моего раздражения это нисколько не унимало.

А еще я прекрасно знала, кого каждый второй пытается высмотреть в толпе из почти трехсот студентов.

Тьмагов.

Судя по шепоткам, многие ожидали, что те заявятся сюда боевым строем, в военной форме, и торжественно промаршируют по проходу на радость зевакам. Вот только тьмаги не были идиотами и, как ни странно, внешне мало отличались от прочего молодняка. Даже я

думала, что они окажутся... старше, хотя видела их лица, пусть и при весьма трагических обстоятельствах.

Память порой выкидывает странные шутки...

К примеру, вот тот парнишка в очках и с растрепанный русой челкой запомнился мне отважным суровым воином с рассеченной щекой. Сейчас даже шрама не осталось, а белая рубаша и студенческий пиджак превратили его в юнца.

Но я все равно его узнала. Всех их. Потому что смотрела не глазами. Всякий раз, как один из двенадцати тьмагов входил в зал и скромно усаживался в стороне от соратников, моя сила дергалась и рвалась навстречу будто верный пес. Я опасалась, что и они что-то почувствуют, но в мою сторону никто так и не посмотрел.

— Мне кажется, они хотят нас убить, — пробормотала Трин, все яростнее обмахиваясь блокнотом. — Еще и магичить запретили...

— Очередное испытание? — предположила я.

— И упавших в обморок отчислят?

— Скорее тех, кто нарушит запрет.

Мы фыркнули, переглянувшись, и попытались сосредоточиться на словах очередного оратора.

Похоже, на сей раз последнего.

Когда нас наконец выпустили на волю, наказав каждому факультету собраться в определенной точке института, гвалт поднялся до небес. В стремлении поскорее выбраться из зала народ массово опрокидывал стулья, а кто-то даже врезался в колонну, вызвав смех окружающих, а во мне пробудив искреннее сочувствие к преподавателям.

Шесть курсов, больше тысячи таких вот оболтусов... я б их тоже в печь сунула, чтоб научить смирению.

Мы с Трин плелись в самом хвосте, и когда добрались до просторного и вожделенно прохладного холла, почти весь народ уже разбежался по этажам и коридорам.

— Ну и где искать этот... — Трин заглянула в блокнот, — пятый тренировочный?

Я пожала плечами:

— За углом есть карта. Или можно...

— Валборг? Кая Валборг?!

Я вздрогнула и обернулась на смутно знакомый голос. С широкого подоконника тут же соскочила миловидная брюнетка с модной короткой стрижкой и, что-то прошептав восседавшим там же подружкам, пошагала ко мне. Разумеется, свита устремилась следом.

Проклятье...

— Здравствуй, Рони, — спокойно произнесла я.

— Вероника, — поправила бывшая одноклассница и холодно улыбнулась. — Ну надо же... ты здесь. Решила все-таки не позорить род и получить достойное образование?

— Это всегда входило в мои планы.

— Да? Я слышала другое. — Вероника Андрес смахнула с рукава несуществующую пылинку.

— И что же ты слышала?

В последнюю встречу нам было... кажется, по четырнадцать. Да, точно. Я подпалила этой заразе волосы, она заперла меня в чулане, а потом война закончилась, потому что дед забрал меня на домашнее обучение, вынудив одолеть трехлетнюю программу старшей школы за один год. Так что по итогу я не так уж сильно и отстала на данный момент — все мои одноклассники (а здесь их наверняка немало) сейчас на втором курсе.

Вероника изменилась. В прошлом она щеголяла косой до пола, кривыми зубами и угловатой фигурой. Теперь улыбка ослепляла, форменная юбка чуть выше колен открывала стройные ноги, а рубашка на груди, наверное, принципиально не застегивалась, дабы весь мир знал, что Тощая Рони отрастила грудь.

И эмблема целительского факультета на жилетке, ну конечно. Род Андресов славился сильными целителями.

— Слышала, что ты сбежала с дряхлым любовником, родила вне брака троих отпрысков и сгинула в трущобах не то Норвдальга, не то Переи.

— Как видишь, не сгинула, — ровно отозвалась я.

Трин рядом дернулась, явно собираясь отойти, и я по возможности незаметно стиснула ее запястье. Нельзя... Есть такая свора, что воспринимает бегство как сигнал к нападению.

— А за слух спасибо. Мой поверенный будет рад пополнить наши счета исковыми выплатами за клевету. Не подскажешь, кто у нас настолько расточителен?

Королевская свита зашушукалась.

— Увы. — Вероника поджала губы и, прищурившись, уставилась на мою грудь. Вряд ли размер сравнивала, скорее заинтересовалась эмблемой. — Серьезно? Боевой?

— Охрана и зачистка.

Скрывать я не собиралась, все равно рано или поздно всплывет. Лучше уж сейчас, когда я спокойна и смотрю врагу в лицо.

— Ох, детка, похоже, выплаты за клевету тебе и правда не повредят.

— Но вид растоптанного противника все равно лучшая награда, не правда ли?

Я, в отличие от Рони, не шурилась и не скалилась, просто спокойно предупреждала.

Жаль, что до нее вряд ли дойдет, и возродить школьную борьбу придется так или иначе.

— Не подскажешь, как нам попасть в пятый тренировочный? — осмелилась подать голос Трин.

Надо отдать ей должное, держалась она неплохо. Разве что сутулилась, пытаясь соответствовать росту окружающих, но я все утро наблюдала за ней эту привычку.

Глупая, разве ж это проблема? Надо, наоборот, расправить плечи и смотреть на всех свысока. Она ведь красивая, очень. Гораздо ярче той же Рони. Черные глаза гипнотизируют, пышные волосы отливают золотом, и при такой нежной хрупкости рост отнюдь не делает ее грузной. Скорее, парящей над землей. Трин похожа на фею с древних налорских гравюр.

Ну, сейчас на немного горбатую фею, и все равно рядом с ней мне хотелось привстать на цыпочки.

Вероника же окинула ее равнодушным взглядом и снова обратилась ко мне:

— Вам зачем?

Ну да, зачем боевикам тренировочный зал. Я уже собиралась еще раз указать на свою эмблему, но Рони вдруг картинно хлопнула себя по лбу:

— Ах, ну да, там же сейчас шестой курс. Решила, покажешься Леннарту на глаза, и он передумает, Валборг?

Я похолодела.

— Что?

— Ну... ты, конечно, изменилась, — продолжила она, — но отнюдь не в лучшую сторону. Серая какая-то стала. Поседела, что ли, от разгульной жизни?

Поседела. Волосы, некогда черные как смоль, в собранном виде по-прежнему казались темными, но будто припорошенными пылью. И румянец меня давно не посещал, так что «серая», наверное, неплохое определение, но сейчас меня волновало совсем другое.

— Что ты несешь, Андрес?

— Как он переживал, бедолага Вик, — не унималась Вероника. — Думал, что это его отказ жениться заставил тебя пуститься во все тяжкие. Сомневаюсь, конечно, что за три года чувство вины достигло пика, но ты рискни. Вдруг в этот раз мольбы возымеют действие.

Странно, но сердце продолжало биться ровно, уверенно. И кулаки не сжались, и голос не подвел, когда я спросила:

— Где пятый тренировочный, Андрес?

Только внутри стало как-то пусто, гулко. Больно.

Он рассказал. Ублюдок всем растрепал о том, что должно было остаться только между нами.

Вероника махнула рукой:

— По коридору до упора. Там синяя дверь, за ней тренировочные пристройки. Тропинка одна, не заблудишься.

Я кивнула и на негнущихся ногах двинулась в указанном направлении. За спиной звенел смех, рядом почти бежала Трин, и я только тогда поняла, что набрала нешуточную скорость.

— Кто это был?

Я покосилась на нее, сбавляя шаг:

— Одноклассница.

— М-м-м.

До самой синей двери мы молчали.

— Так ты правда из богатеев? — спросила Трин уже на улице.

— Вроде того.

— Вы с ней так разговаривали... как... как... — Она развела руками, не находя сравнений.

— Волчий язык, — фыркнула я. — В этой среде по-другому не понимают.

— А Леннарт? Вы правда должны были?..

— Ты же слышала, мне отказали и потом сильно страдали по этому поводу.

Тропинка петляла по небольшой рощице, и я очень надеялась, что Вероника не обманула нас из вредности. Надо было все же дойти до карты...

— Она ведь еще доставит проблем, — тихо заметила Трин, и я остановилась.

— И не только она. Как минимум десять моих одноклассников собирались поступать в ИОВ, и со всеми я ладила примерно так же, как с Рони. — Я вскинула голову и не мигая уставилась ей в глаза. — Я проблемная. Если захочешь держать дистанцию — никаких обид. Иначе и тебя зацепит.

— Что? Да как ты?.. Да я же... — Трин мотнула головой и поджала губы. — Боевики своих не бросают. И эта стерлядь еще узнает, как решаются дела у нас в портовых городках.

Я прыснула, а потом захохотала. Хрипло, неестественно и недолго с непривычки, но для первого раза сойдет. Удивительно, что вообще сумела. Трин тоже улыбнулась, стерев с лица воинственную гримасу, и мы пошли дальше. На сей раз молча, и я была благодарна ей за терпение, ведь короткая беседа с Рони наверняка породила в светлой голове феи миллион вопросов.

Вскоре из-за деревьев показался огромный полигон, окруженный длинными одноэтажными пристройками. По размеченным дорожкам уже бегали студенты, тут и там раздавались вскрики, возгласы и смех. Тренировка старших курсов шла полным ходом, а нас, наверное, уже ждали в пятом зале.

Вычислив его по ярко-алой цифре над дверью, мы свернули в нужную сторону.

В лица боевиков я старательно не всматривалась. Боялась наткнуться на одно единственное и сорваться, ведь в груди медленно, но верно восставала из пепла моя давняя и успешно похороненная ненависть к Виктору Леннарту.

— У нас есть две проблемы, — с порога объявил мэтр Кобэ.

Мы с Трин только вошли и пристроились на скамье у стены, но при его появлении тут же вскочили. Как и двадцать с лишним парней, малыми группами расположившихся по периметру пустого зала. В школьных тренировочных хотя бы маты были — мало ли куда отлетишь, не отразив чужое заклинание, — а здесь лишь тонкий тканевый настил.

— Первая — тьмаги, рожденные с такими крошечными резервом и потенциалом, что никогда не учились магии. Зато учились воевать.

Кобэ прошелся взад-вперед, окинул хмурым взглядом нашу недружную компанию и жестом велел всем выстроиться перед ним.

— И вторая, — продолжил, когда мы собрались в неровный ряд, — наши умники-разумники, без навыков боя, зато с самым разным соотношением сил и с одинаково набитыми школьными клише головами.

Я покосилась влево и вправо. Остальные делали то же самое.

— И из этих двух проблем вытекает одна задача: найти способ совместить обретенную силу и навыки первых со знаниями и навыками вторых. Это понятно?

— Так точно! — раздался хор из двенадцати голосов, в котором утонуло еще одиннадцать невнятных «да», «понятно» и даже «ага».

Я просто кивнула.

— Далее. — Кобэ наконец перестал расхаживать, точно генерал перед солдатней, и сложил руки за спиной. — Этот зал теперь ваш дом родной. Он полностью отдан в распоряжение нашей группы, посторонним вход воспрещен. Защита усилена — даже если вы себя тут взорвете, стены выстоят и снаружи никто не пострадает. Каждый ваш день будет начинаться и заканчиваться здесь. Если нужно отработать новое плетение или прием, вы не прячетесь по углам, не экспериментируете в комнатах, а идете сюда. Уяснили?

— Так точно! — На сей раз ответили уже не так стройно, но зато все вместе.

Это все Кобэ виноват. Сам говорил «расслабьтесь, не на плацу», но всем своим поведением подталкивал к армейскому подчинению. Ну и военная дрессировка тьмагов сказывалась — мы все невольно подстраивались под наиболее слаженную и многочисленную команду.

— Конфликты внутри группы исключены. Внешние, впрочем, тоже. Особенно вас касается, — обратился мэтр к тьмагам. — И не зыркайте так. Дело не в вашей агрессии, а в том, что кругом полно идиотов с завышенным самомнением. Вас будут провоцировать, проверять, прощупывать, пытаться поставить на место. Не ведитесь. Если загонят в угол, лучше дайте в морду по старинке, но магией мериться не смейте. А то отправитесь обратно в научный центр.

Сила в груди вскинулась, зашипела змеей, и это были не мои эмоции — лишь отражение того, что испытывали сейчас двенадцать хмурых парней.

Я знала, что после возвращения они угодили в лапы исследователей. И боялась представить, что с ними там делали в попытках убедиться, что полученная от Тьмы магия безопасна для общества. Судя по этой реакции, ничего хорошего, и снова оказаться в научном центре никто желанием не горел.

— Далее. — Кобэ потер лоб, словно вспоминая утерянную мысль. — Вашу группу курирую лично я. Все практические занятия — только под моим присмотром и руководством. По крайней мере, первое время. Потому с другими студентами и преподавателями вы будете встречаться только на лекциях. Программа у вас особая. Расписание, думаю, все уже получили.

Получили. Расписание было... скудным. Минимум теории — по одной-две лекции в середине дня — и максимум практики в ограниченном пространстве. Полагаю, смешивать травы, сращивать кости, выводить пятна и оживлять механизмы нам тоже предстояло в этом зале под присмотром мэтра — после прослушивания соответствующего теоретического материала, разумеется.

Трин выглядела расстроенной. Ей явно хотелось более насыщенной студенческой жизни, новых знакомств, беготни по кабинетам, записок между партами, секретов и, наверное, драм, но, в конце концов, нас же не заперли в этом сарае. Есть общага, будут лекции, найдет где разгуляться.

А я... с одной стороны опасалась пристального внимания мэтра Кобэ, с другой — радовалась нашему тесному миру. Радовалась бы еще больше, если б осталась с тьмагами один на один.

— Ну и последнее, — произнес мэтр. — Вы теперь одна команда, и если возникнут трудности, не пытайтесь решить их самостоятельно. Используйте сильные стороны друг друга и помогайте подтянуть слабые. Неважно, что вам нужно: нагнать школьную теорию, укрепить мышцы, разобраться в сложном плетении или просто найти столовую — рядом наверняка есть тот, кто знает решение. Это ясно?

— Так точно! — почти идеальным, разве что слишком громким хором отозвались мы, и Кобэ поморщился.

— Ладно, паяцы, осваивайтесь. За той дверью раздевалка и душевые. — Он указал в дальний конец пристройки. — Выберите себе личный шкафчик и форму оставляйте там. Только чистить не забывайте, а то задохнемся. Сегодня у нас день знакомств, так что я пойду, а вы не вздумайте покидать зал до обеда. Общайтесь, притирайтесь. И разбейтесь на пары маг-тьмаг. Без фанатизма только, не любовников себе выбираете. Двойки не постоянные — буду вас тасовать в зависимости от результатов совместной работы. Вопросы есть?

Я посмотрела на слегка пришибленную Трин, на двух длинноволосых и удивительно похожих парней за ее плечом (явно братья), на ближайшего ко мне тьмага (в уголке его рта притаился небольшой шрам, отчего казалось, что он усмехается). И как раз переключилась на следующего, крепкого коренастого блондина лет двадцати, когда тот подал голос:

— Есть.

— Слушаю.

— Девушки, мэтр.

— Это вопрос, Хольм? Нужно словарное определение? — Кобэ склонил голову набок. — Девушки — это почти как парни, только другие и глупых вопросов не задают.

Я с трудом подавила улыбку, а блондин покраснел.

— Нет, мэтр... я... В смысле, что нам с ними делать?

— Тебя интересуют все способы взаимодействия со всеми девушками или только с этими двумя? — Кобэ кивнул на нас с Трин.

Я чувствовала, как она мелко дрожит от сдерживаемого смеха.

Бедный тьмаг окончательно смутился:

— Нет, мэтр, простите. Вопросов нет.

— Ну и отлично. Хотя знаешь, я все же отвечу. — Кобэ снова сложил руки за спиной и строго продолжил: — Валборг и Йенсен — ваши боевые товарищи. Это не значит, что они «свои мужики» и надо вламываться к ним в душ. Это значит, что нужно учитывать их особенности, использовать их преимущества и помогать с их слабостями. И так нужно относиться к любому из команды. Еще вопросы?

— Никак нет! — гаркнули тьмаги, а мы, неподготовленные и заучившие только «так точно», позорно промолчали, мотая головами.

— Тогда все. Знакомьтесь. Завтра чтоб никто не путался в именах и каждый знал хотя бы одну сильную и одну слабую сторону своей пары.

Пока мэтр маршировал к выходу, все молчали, только косились друг на друга, оценивая, настороженно. А я еще и прислушивалась к силе, но никаких волнений, всплесков и рывков больше не ощущала. Она словно поняла, что никуда тьмаги от нас теперь не денутся, и успокоилась.

У двери Кобэ обернулся:

— Замок блокирую до обеда. Надеюсь, выживут все.

И, посмеиваясь, ушел.

На секунду зал наполнился голосами студентов с полигона, затем дверь захлопнулась, и все снова стихло.

Настоящего лидера всегда выдают взгляды. Не политические или религиозные, нет. Взгляды окружающих его людей.

Как только мэтр Кобэ скрылся, глаза всех тьмагов, точно прицельные заклятья, устремились к тому самому парню с вечной усмешкой. И еще до того, как он шагнул вперед, развернулся к нашей половине группы и представился, я уже знала, кто был их командиром до ИОВ.

— Никлас Берг.

Широкоплечий, светловолосый, сероглазый... он вызывал смешанные чувства, и так сразу и не разберешь, в чем проблема. Наверное, в диссонансе между губами, приподнятыми шрамом, и строгим взглядом под сдвинутыми бровями. Лицо казалось неправильным, собранным из кусков.

И готова спорить на что угодно, Берг прекрасно понимал, какое производит впечатление, и от шрама не избавлялся намеренно.

Он вернулся в строй, и вперед вышел следующий тьмаг. Затем еще один, и еще. А когда тьмагов не осталось, настал и наш черед, вот только кое-кто решил взбунтоваться.

— Ну и что толку? — громко произнес один из длинноволосых не то близнецов, не то просто братьев. — Представились, молодцы, но лично я ни одного имени не запомнил.

— И я, — поддакнули сбоку.

Невоенная половина группы взволнованно загудела и разрушила строй.

— Тренируйте память, — пожал плечами Никлас Берг.

— И выдержку, — добавил парнишка в очках, которого я заметила еще на лекции.

Ян Монсон. Я, в отличие от некоторых, очень постаралась запомнить все имена. Не факт, что не ошибусь, но...

— Похоже, чью-то слабую сторону мы уже выяснили, — протянул блондинистый Итен Хольм.

— Да, твою, — парировал второй из братьев. — Ты не знаешь, что делать с девушками.

Он был ниже и полнее первого, но я все же склонялась к тому, что оба вылупились из одного яйца. Если уж женщин в эксперимент включили, то и близнецов стороной не могли обойти.

А вот про девушек он зря напомнил — все головы тут же повернулись к нам. Трин еще больше ссутулилась, нервно вцепившись в сумку с формой, но дара речи, к счастью, не утратила. Я вообще заметила, что она плохо переносит внимание, зажимается, однако словно назло себе самой в такие моменты пытается говорить.

— Трин Йенсен, — представилась она, не глядя на парней.

— Кая... Кристина Валборг, — поддержала я, замявшись и испортив все впечатление от твердого голоса.

Проклятье.

Я всегда называла полное имя и поправляла тех, кто упускал «Крестину», чем невольно заслужила репутацию задаваки. Глупой девочки, которая кичится своим положением, ведь столько имен дают только в определенных кругах. На самом же деле я просто привыкла таким образом злить деда. Крестиной нарекла меня мать — чужачка, иноверка, приспешница святой Кресты, — и старика знатно перекашивало всякий раз, как я выставляла второе имя напоказ. В итоге привычка въелась под кожу, да я и не особо сопротивлялась.

А сегодня впервые задумалась, надо ли представляться целиком. Впервые захотела, чтоб меня оценили правильно, а не спешили с выводами из-за этих дурацких двух имен.

Но что сделано, то сделано. Я это я, Кая Кристина Валборг, и выкидывать слова из песни не собираюсь.

Ожидая реакции, я повыше задрала подбородок.

— Ну надо же, — буркнул кто-то из парней. — У нас тут никак цельная принцесса.

— Титулы и чины остались во внешнем мире, забыли? — произнесла я, глядя исключительно в неправильное лицо Никласа Берга. — Здесь все равны. А имя — это просто имя.

Почему-то его реакция меня волновала особенно, но считать ее не получалось.

— Ага, конечно, потому у тебя нос выше потолка, — не унимался какой-то идиот.

Я лишь радовалась, что голос доносится не со стороны тьмагов — парни стихийно разделились на две группы, зажав нас с Трин

посредине.

— Пока что излишнюю надменность демонстрируете только вы, — негромко заметил Ян Монсон, глянув на команду простых магов поверх очков.

— Да кто ты такой, чтобы...

— Хватит, — перебил Берг. Уголок рта со шрамом дернулся, будто он и правда попытался усмехнуться, а вот глаза остались все такими же строгими. — Распри в учебе не помогут, и не думаю, что мэтру Кобэ будет дело до наших дрызг, когда он решит проверить, как мы выполнили задание. Под раздачу попадут все.

— Да, но лишь вас опять отправят на опыты, — хмыкнул полный близнец. — Нам ничего не грозит.

Я тоже решила, что хватит отмалчиваться. Как-никак сама заварила кашу.

— Ничего, кроме отчисления или перевода на общий боевой курс, к более сильным и тренированным магам. Мы все здесь добровольно. Все ищем своего шанса. Так почему не дать такой же шанс другим? — И пока никто не очухался и не ответил очередной грубостью, я снова уставилась на Берга: — Возьмешь меня в пару?

Я выбрала его не из-за лидерства. Хотя и из-за него, конечно, но не потому, что остальные тьмаги смотрели Никласу в рот и ждали его действий. Просто я знала его слабую сторону и единственная из присутствующих действительно могла с ней помочь, а ведь именно такую задачу поставил перед нами мэтр Кобэ.

На словах «возьмешь меня» кто-то из идиотов, так и не назвавших свое имя, гнусно захихикал. И ведь не школьники уже, а повадки все те же...

— Занятно. — Никлас Берг по-птичьи склонил голову. — И какие у тебя сильные и слабые стороны?

Я улыбнулась:

— Вряд ли мэтр хотел, чтобы мы занимались расспросами. Задание в том, чтобы общаться, наблюдать и раскусить друг друга.

— И меня ты уже раскусила?

Я пожала плечами:

— Первые наметки есть.

— Тогда...

Договорить он не успел.

Пятый тренировочный вдруг содрогнулся, стены загудели, а потом одна из них взорвалась, брызнув во все стороны щепками и обломками. Народ бросился врассыпную, кто-то заорал «Ложись!», слева вспыхнули радугой несколько хилых щитов, и нас с Трин за шкурки, как котят, оттащили прочь.

Вовремя.

Ровно на то место, где мы только что стояли, с грохотом приземлился огромный огненный шар. Именно он пробил пристройку снаружи, пролетел через весь зал, а врезавшись в защитный купол противоположной стены, распался на два человеческих тела.

На первый взгляд безжизненных.

Наш бравый отряд, лежащий, стоящий и сидящий вокруг места крушения, ошалело переводил взгляды с вторженцев на свеженькую дыру в стене, за которой виднелся полигон и медленно собиралась толпа.

— Метко, — выдохнул Хольм, поднимаясь с колен.

— Похоже, купол не рассчитан на атаку извне, — пробормотал Монсон.

— Или как раз на то и был расчет, — добавил Берг за моей спиной.

Я же вывернулась из его хватки и осторожно приблизилась к телам.

Они определенно были студентами. На тлеющей тренировочной форме виднелись нашивки боевого факультета. Обоим явно за двадцать, старшекурсники. А еще мне не нужны были никакие подсказки, чтобы сделать выводы, потому что одного из них я прекрасно знала и только сегодня поминала добрым словом.

Конечно, он изменился. Раньше вечно собранные в нелепый хвост светлые волосы были стрижены, а виски и вовсе выбриты; черты огрубели... Но это надменное даже в бессознательном состоянии лицо я могла бы узнать из тысячи.

Виктор, мать его, Леннарт собственной персоной.

Не сдержавшись, я все же ткнула его под ребра мыском туфли. Несильно, правда. Потом подошла к его попутчику, высокому и темнокожему, и для маскировки своих низменных мотивов повторила маневр.

— Что? — оглянулась на остальных. — Вдруг мертвы.

Но мертвыми они не были. Потому что в следующий миг оба застонали, а Виктор Леннарт еще и распахнул свои наглые синие глаза.

Я только и успела отступить за спины парней, когда оба боевика на удивление бодро и без всяких усилий вскочили на ноги. Будто и не валялись секунду назад почти бездыханные после безумного огненного полета, а прилегли отдохнуть и теперь готовы к новым свершениям.

Мне не почудилось, второй старшекурсник в вертикальном положении и впрямь оказался очень высоким — выше немаленького Леннарта минимум на полголовы. А еще он походил на молодую и кудрявую копию мэтра Кобэ, и когда студенты, собравшиеся у дыры, заулюлюкали и завопили «Да! Лен и Коб лучшие!», я почти на сто процентов уверилась в их родстве.

Сын?

Скорее всего.

Толпа неистово аплодировала. Напирала на разломанные доски, просовывала в проем головы, но зайти внутрь отчего-то никто не спешил.

— В яблочко! — кричали вразнобой.

— Гони деньги, ты продул!

— Эй, они сжульничали! Двойной силой и я бы прошиб.

— На бис!

— Да, давайте еще раз!

— Благодарю, благодарю, друзья! — Кобэ-младший по-шутовски раскланялся, и гомон постепенно стих. — Это был незабываемый полет, и мы бы не справились без вашей поддержки. Также спасибо моим родителям, все мои победы — безусловная заслуга их воспитания и привитого ими стремления к совершенству.

Студенты захохотали, и даже на лицах некоторых ребят из нашей группы промелькнули улыбки, а вот Леннарт заметно скривился и толкнул приятеля плечом:

— Завязывай, клоун.

— Простите за этого брюзгу, друзья. Старость, знаете ли, она такая. Скучная.

Слова Кобэ-младшего снова поддержали гоготом и выкриками:

— Не брюзжи, Лен!
— Отлично же полетали!
— Вперед, шестой!

Я закатила глаза. Очень хотелось верить, что где-то там, за спинами студентов, к нам уже пробираются преподаватели, дабы разогнать этот цирк, но верилось с трудом. Не такие уж тут огромные расстояния. А значит, либо никого поблизости нет, либо они предпочитают наблюдать. В рамках эксперимента, разумеется.

И мэтр Кобэ так удачно ушел...

Надо было пинать сильнее — таких бугаев все равно бы не покалечила, но хоть душу бы отвела и не злилась бы теперь до красных кругов перед глазами.

Я не могла вмешаться, не привлекая к себе внимания, отчего раздражение только усиливалось, но и стоять за спинами мне быстро надоело. Шагнув в сторону, я замерла между Монсоном и Хольмом и скрестила руки на груди. Пусть видят, что не все тут в восторге от представления.

— Может, закончите шоу на улице? — предложил Никлас Берг без всякого выражения.

Я не видела его лица, но Кобэ-младший, повернувшись к нему, сразу посерьезнел.

Правда, продлилось это состояние недолго, и через мгновение перед нами снова расшаркивался бывалый шут.

— Простите за вторжение, господа... и дамы. Мы, кажется, прервали какое-то важное собрание. Что на повестке дня? Голодающие дети? Ужесточение наказаний за магпреступления? Цены на мобили?

— Коб, уймись. Ты получил, что хотел, — снова вмешался Виктор Леннарт.

Все это время я наблюдала за ним и никак не могла понять, что меня смущает. Он казался все таким же надменным и самоуверенным, как и три года назад, но... взгляд изменился. Новый Леннарт смотрел вокруг с печатью усталого снисхождения на лице, и я поспешила добавить к списку его грехов еще и лицемерие.

Он ведь поучаствовал в забаве старшекурсников. Вломился в защищенный зал, причем вломился эффектно, с помпой, а теперь взирал на друзей как на неразумных детей, которые страдают ерундой.

— Я хотел? — переспросил Кобэ-младший и повысил голос, воздев к потолку указательный палец: — Нет, мой друг, мы все хотели! Хотели взглянуть на тех, кого от нас так тщательно скрывают. Ну и как вам увиденное, господа? Впечатляет? Готовы вы доверить защиту границы с Тьмой вот этой кучке задохликов и... — он нашел глазами нас с Трин, — раз, два... двум девицам?

— Заткнись. — Леннарт сжал плечо приятеля, но затем проследил за его взглядом, тоже заметил меня и... резко отступил, отвернувшись.

И что это такое было? Испуг? Раздражение? Стыд? Ненависть?

Я не успела оценить эмоцию и нахмурилась. Сила дернулась было в бой, требуя сплести заклинание читки, но я не собиралась рисковать при таком количестве народу. Как-нибудь обойдусь без копания в чувствах Виктора Леннарта. Мне вообще все равно, что у него внутри...

— Заткнись? Вот и преподы так. Заткнись, Коб! Заткнитесь все несогласные! Но мы же не будем молчать, да?

— Да! — поддержала оратора толпа.

Мне казалось, что по ту сторону дыры покачиваются уже не десятки — сотни голов.

— Мы взглянем в глаза этих... защитничков и потребуем ответа! — Кобэ-младший снова повернулся к Бергу: — Что вы умеете? Вы, о чьей силе столько говорят, но кого никто никогда не видел в деле? И вы... — Он обвел рукой остальных. — Малосилки, которые недостаточно хороши для других факультетов, но при этом достойны оберегать наших родных от Тьмы и черни. Давайте. Покажите, на что способны!

Показать хотелось. Очень. Вышвырнуть его из пристройки пинком под зад и залатать дыру. Без необходимости скрывать свой потенциал мне бы даже шевелиться не пришлось — полетел бы этот шут как миленький. И Леннарт следом. И вся толпа.

Я опустила руки и стиснула кулаки, до боли впившись отросшими ногтями в ладони.

— Да, да! Покажите! — вопили студенты.

Тьмаги на провокацию не велись. То ли внушение мэтра Кобэ подействовало, то ли сказала военная выучка. А вот за сдержанность простых магов я переживала. Они уже пытались обострить конфликт в нашем тесном и мирном кругу, а тут такое давление, обвинения в

слабости... И самое главное, пока что им действительно нечего противопоставить боевику-шестикурснику.

Нет, этот идиот всерьез вздумал подбивать на демонстрацию силы неофитов в первый день учебы?

Я стиснула зубы так, что чуть крошка изо рта не посыпалась.

Но парни молчали. Стояли бледные, как привидения, сутулили плечи и жевали языки. Словно разделяли эту веру в нашу никчемность и стыдились ее.

— А в ответ тишина... — Кобэ-младший снова вскинул руку с оттопыренным пальцем. — И вот этих людей наша славная Империя прочит в защитники народа. Нас, долгие годы оттачивающих мастерство, отказываются отправить на границу, а у «особой группы» рейды запланированы, знаете когда? Знаете? Уже через месяц!

Толпа неразборчиво, но крайне возмущенно загалдела.

Боги, бедняжкам не дают сдохнуть на границе. Срочно исправьте это недоразумение, и всем станет легче дышать.

Я посмотрела на Трин, незаметно отступившую в тень и присевшую на скамью: глаза ее были закрыты, губы поджаты. На Леннарта: руки в карманах, но спина напряжена, словно в ожидании удара. Затем обвела взглядом тьмагов — эти не сутулились и не бледнели, а провокационные речи слушали будто бы даже с предвкушением.

И только это предвкушение на их лицах удержало меня от необдуманных поступков. Значит, без ответа старшекурсники не останутся, раз уж так его жаждут, что даже имущество института не побоялись разгромить.

— Все сказал? — наконец заговорил Никлас Берг.

Кобэ-младший сложил руки за спиной, сейчас особо напоминая старшего родственника:

— Допустим.

— Еще желающие высказаться есть? — Берг повернулся к толпе, заполнившей проем.

Желающие не объявились, но глазели на него с интересом. Даже Леннарт соизволил обернуться, но так, чтобы я невольно не попала в поле зрения.

— Не стесняйтесь, это ваш редкий и последний шанс, — подбадривал Берг. — Больше вломиться к нам на занятие и устроить

цирк ни у кого не получится.

Кобэ захохотал, запрокинув голову, а вот Леннарт явно ощутил колебания силы.

— Твою мать, — пробормотал он и за долю секунды выстроил такой щит, что я бы умерла от зависти, если б не была занята другим.

— Ну, нет так нет, — пожал плечами Берг и... махнул рукой.

Толпа из проема просто исчезла, будто и не было там никого, лишь доносившиеся издалека вопли и ругательства доказывали обратное. А вот Кобэ-младший покидал пристройку красиво и медленно, мычащий и неподвижный, опутанный невидимыми нитями, что оставляли на темной коже яркие следы ожогов. Я слышала, что в таком виде доставляли в тюрьму предателей и дезертиров, но только пару веков назад.

Впрочем, порой давние традиции оказываются крайне полезны.

Леннарта, увы, не зацепило ни первое заклинание, ни второе. Щит его дрожал и искажался, но не пустил ни одной трещинки, и когда тело Кобэ уплыло к полигону, Леннарт сам сбросил плетение и распрямился.

— Эффектно, — произнес он, снова убирая руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок.

— Надеюсь, — кивнул Берг. — Тебя тоже проводить?

— Нет, благодарю. — Леннарт поморщился. — За спектакль извиняться не буду. Лучше уж одним мощным ударом удовлетворить всеобщее любопытство, чем весь год страдать от придирок и мелких атак.

— Может, тебе еще и спасибо сказать? — хмыкнул Хольм.

— Не нужно. По лицам вижу всю глубину вашей признательности.

Он еще и ерничает...

Я шагнула вперед, и Леннарт вздрогнул и чуть повернул голову, чтобы, не дай боги, не зацепить меня хоть краем глаза.

— Мы тебя не задерживаем, — холодно произнесла я, хотя внутри все клокотало.

«Посмотри на меня, ублюдок. Посмотри!»

— Желание дамы — закон, — невозмутимо откликнулся он и, кивнув всем сразу и никому конкретно, пошагал к дыре в стене.

— Валборг, — позвал Никлас Берг, пока я напряженным взглядом провожала широкую спину.

— М?

— Я согласен. Буду твоей парой.

Леннарт едва не запнулся, плечи его напряглись... но тут же расслабились, и вскоре он скрылся из виду.

А я повернулась к Бергу, на лице которого играла широкая улыбка, и задумалась. Он собирался согласиться сразу, но не успел? Или принял решение, потому что... почувствовал?

Почувствовал, как я направляю его неотесанную грубую силу, чтобы мы не остались без крыши над головой и ни один из отброшенных прочь студентов не покалечился.

У вторжения старшекурсников был один несомненный плюс: назревавший внутренний конфликт потерял остроту. На тьмагов, особенно на Берга, теперь смотрели с уважением, ну а про мое двойное имя и задранный нос и вовсе будто позабыли.

Парни споро сгребли обломки в угол, заполнили дыру в стене какой-то мутной дымкой, через которую полигон и силуэты бродящих вокруг студентов едва просматривались, и продолжили знакомство.

На сей раз представились все. И на пары разбились быстро, особо не заморачиваясь с выбором — мэтр же сказал, что все равно будет нас тасовать. Трин успела отхватить себе болезненно худого и флегматичного, зато высокого тьмага, рядом с которым явно чувствовала себя уютно и не пыталась сторбиться. Уже хорошо.

Никто из преподавателей или руководства института так и не появился, и поскольку в подобное наплевательское отношение с их стороны верилось слабо, выводы было сделать несложно. Нас проверяли — а может, и старших боевиков заодно, — но вот как в итоге оценили наше поведение... кто знает?

Гадать и переживать раньше времени я не собиралась.

Оставшиеся полтора часа все так и общались попарно, чтобы завтра не ударить в грязь лицом. Расспрашивали друг друга про резерв и потенциал, особые таланты и слабости, кто-то даже попробовал смешать силу — разумеется, безрезультатно, только задницы отбили, когда их отбросило, да на полу появилась небольшая подпалина, впрочем, совершенно незаметная на фоне разрушенной стены.

Я же осталась при своем. То, что мы сами считаем своим главным недостатком, в глазах смотрящего может оказаться величайшим достоинством, потому я считала бессмысленным все эти «я импульсивный, но добрый», «а я выносливый, но замкнутый». Лучше б на отвлеченные темы болтали — вот где раскрывается суть.

В итоге мы с Бергом просто сидели бок о бок и молчали, уставившись на залатанный проем.

Ну... в основном молчали.

— Починить бы, — отрешенно заметил Берг.

Я покосилась на него:

— Не мы ломали, не нам чинить.

— Спорная логика.

— Ладно, чини, — пожала плечами я. — А завтра скажут, что никто ничего не ломал, а злобный тьмаг просто вышел на полигон и расшвырял там бедных боевиков как ясельников.

Берг рассмеялся:

— Думаешь, преподы не в курсе, что здесь произошло?

— Не думаю. Но истина и официальная версия, выгодная большинству, зачастую отличаются. Доказательства не повредят.

Он не ответил, только хмыкнул тихонько и откинулся назад, устраиваясь поудобнее.

Я все ждала, когда он заговорит про мое вмешательство в его плетение, но Берг делал вид, будто ничего не заметил. А может, и правда не заметил, но настолько мне еще никогда не везло.

— Что-то с тобой не так, — произнес он через минуту, прикрыв глаза.

— Тут со всеми что-то не так, иначе бы мы не рисковали жизнью в этой команде самоубийц.

— Возможно. Но девять из десяти парней здесь ради обещанных денег. Десятый мнит себя героем. — Берг не глядя кивнул на напарника Хольма, грузного рыжего парня лет семнадцати. — А твоя провинциальная подружка хочет учиться и познать все радости студенчества.

— Ну а я?

— В том-то и вопрос. Зачем здесь ты? Не по наши же темные души. — Он приоткрыл правый глаз, оценил мою скептическую улыбку и снова закрыл. — Вот и говорю... что-то с тобой не так, Валборг.

«Очень многое, — хотелось признаться мне. — И я здесь действительно по ваши темные души. Мы уже встречались, просто ты не помнишь, потому что потерял много крови и почти умер. Я нашла ваш отряд во Тьме. Я тащила каждого к границе чуть ли не на своем горбу. Я вливала в вас силы, пока не начала падать от усталости, и, кажется, перестаралась. Я — ваша аномалия, Берг. Я причина, по которой вас три месяца держали в научном центре, а потом отправили сюда. И я та, кто нуждается в вашей помощи, потому что иначе Тьма

расползется во все стороны, и никакой Великий Купол ее не сдержит. Чернь выйдет на улицы. Монстры, которых вы мельком видели во Тьме, завоюют мир».

Разумеется, ничего такого я не сказала. А ровно в половине первого раздался щелчок замка, ознаменовавший окончание нашего первого, укороченного учебного дня.

— Мы знаем, где столовая! — хором объявили близнецы, Аарон и Дарен Сворт.

Остальные согласно загудели и устремились на выход, только мы с Трин решили задержаться и оставить так и не пригодившуюся форму в раздевалке.

— Эй, Валборг! — оглянулся возле двери Берг. — Спасибо.

Щеки опалило жаром, и я через силу кивнула:

— Сочтемся.

— За что он благодарил? — спросила Трин, когда чуть позже мы шли в обход основного корпуса к зданиям общежития.

Она то и дело зыркала по сторонам, то ли кого-то выглядывая, то ли опасаясь атаки униженных старшекурсников.

— За глубокий анализ его личности, — пробормотала я.

— О, вы разобрались со всеми этими слабостями? С Лукасом сложно. По-моему его слабость в том, что ему на все плевать.

— А твоя?

Трин зарделась:

— Он говорит, сентиментальность.

Ну это вряд ли.

Я хмыкнула:

— Его право. Завтра посмотрим, как оценит наши выводы мэтр Кобэ.

— Слушай, а этот кудрявый... Коб... Он ему не сын случайно?

— Сын, племянник, брат, демон их разберет. Но что родня — даже не сомневайся.

— Нам конец, — тяжело вздохнула Трин.

— С чего это?

— Так если сын, а его вот так... еще и магией, а ведь мэтр запретил, сказал, лучше уж по морде.

Я об этом уже размышляла и пришла к выводу, что наказывать нас не за что, но мэтр вполне мог решить иначе. В любом случае, назад

уже ничего не вернуть, а изводиться волнениями остаток дня — бессмысленно.

— Все будет хорошо, — заверила я. — Иди лучше перекуси. Где столовая, знаешь?

Трин остановилась и кивнула:

— Да. А ты не пойдешь?

Есть не хотелось совершенно, как и наткнуться на очередного знакомого. Встреча с прошлым в трех лицах — Рони, тьмаги и Леннарт — и так чересчур для одного дня. И хотя я понимала, что спрятаться совсем не получится, могла хотя бы отсрочить новые испытания.

— Нет, хочу подремать. И почитать. Завтра лекции по общей магии, не помню уже ничего со школы, освежить бы.

Трин смотрела с недоверием. Может, решила, что я трушу и не хочу показываться на людях после утренней стычки, и я знала, что многие подумают так же. Потому парни и отправились сразу в столовую. Показать, что не боятся и готовы к противостоянию.

И я буду готова. Завтра. Обязательно буду.

— Как знаешь... — с сомнением протянула Трин и, махнув на прощание, свернула обратно к учебному корпусу.

За ее безопасность я не переживала. Найдут парней, вместе они справятся с чем угодно.

А вот я, похоже, переоценила свои силы, когда сочиняла этот дурацкий план с поступлением. Ведь если нервы уже сейчас натянуты до предела, что будет дальше?

* * *

Трин вернулась только под вечер. Вздвинченная, бледная. Тут же начала перебирать гору барахла, которую постоянно таскала с собой в огромной сумке.

Устав нервничать, я действительно на пару часов погрузилась в учебник по основам магии и неожиданно увлеклась, но, когда с соседней кровати донеслись тихие ругательства, отложила книгу.

— Рассказывай.

— Что? — Трин вскинула голову.

— Все рассказывай.

Она закусила губу и промолчала.

— Да ладно, Трин, я крепче, чем выгляжу.

— О тебе... — она прокашлялась, — о тебе говорят. Всякое.

Вот уж удивила.

— Что именно?

— Ну... про твоего деда. И что ты сбежала. А теперь в нашей группе. И про вас с Леннартом.

Ясно. Две сплетни нашли друг друга и сплелись. Чего-то подобного я и ожидала, но не думала, что стану объектом внимания в первый же день. Наверняка ведь Рони-язык-без-костей постаралась. Бедняжка, умаялась поди бегать по коридорам и разносить горячую весть о вернувшейся из небытия непутевой наследнице тэра Валборга.

Я передернула плечами:

— Тебя это тревожит?

— Нет! — вскинулась Трин. — Нет, я же говорила, но... В столовой был Кобэ, который молодой. Я думала, поднимет шум, а он ничего такой, веселый, будто даже не обиделся. Немного подначивал парней, но в рамках. А потом начал Леннарта подкалывать. Мол, что ж он не рассказал сразу, что маньячка за ним в институт явилась. И, дескать, если он боится, то зря, ведь боевики всегда защитят друга от навязчивой девицы. Кобэ на всю столовую заявил, что ты умоляла Леннарта на тебе жениться. В ногах валялась, а он кремень...

Ну, допустим, не валялась, хотя в остальном все верно. Я взяла с тумбочки стакан и отхлебнула воды:

— И?

— И... Монсон сломал Кобэ нос.

Я поперхнулась, но сглотнуть успела, а то бы все вокруг забрызгала.

— Серьезно?

— Ага, по старинке, кулаком. Как предлагал мэтр. А с виду такой тихий...

Это да. Наверное, меня бы не так удивил даже Хольм, бросившийся защищать мою честь. Или любой другой тьмаг. Но Ян Монсон и впрямь выглядел самым тихим, сдержанным и безобидным.

— И что дальше?

Трин через силу улыбнулась:

— Прибежала та дама с полотенцем, но без полотенца, конечно. Тэри Клорим. Она вообще какая-то вездесущая. Сказала, что с нарушителями разберутся кураторы, и всех разогнала.

Отлично. Я вызываю споры, драки и наказания, даже не выходя из комнаты.

Я поставила стакан, убрала с кровати книгу и легла, уставившись в потолок.

— И вы так долго были в столовой? — спросила отрешенно.

— Нет, прогулялись, тут парк такой огромный, почти целый лес... — Трин помолчала. — Кая?

— Что?

— Леннарт просто встал и ушел. Слова не сказал. Почему? Я думала, вы были помолвлены, а потом...

— Нет. — Я повернула к ней голову и усмехнулась, до того Трин казалась расстроенной. — Кобэ не соврал. Я умоляла, а Леннарт не поддался, вот и все.

Поразительно неприглядная картина, если не знать контекста и того, что личность Виктора Леннарта не играла никакой роли в той давней истории. Мы с ним и виделись до этого всего пару раз на каких-то приемах. Я была слишком юна, а он — слишком заносчив, чтобы нас что-то связывало, но дети избранных семей не могли не пересекаться. И семей этих не так много, чтобы мне предоставили выбор...

Я упрашивала деда о шансе. О крошечном шансе на жизнь.

— Я ведь могу... могу по-другому, — рыдала я. — Я не бесполезна.

— Если бы, — жестко отозвался дед.

Наверное, мне никогда не забыть его скрюченный сухой силуэт в огромном кожаном кресле. С того дня я ни разу не заглядывала в темный кабинет, ставший отправной точкой всех моих несчастий. Боялась встречи с призраком...

— Ты позор. Даже замуж тебя не выдать...

— Выдай! — ухватила я за идею. — За кого угодно выдай, я пойду!

Замужество — это ведь нестрашно. По крайней мере, не так страшно, как...

— Да кому ты нужна, малосилка!

— Но ты ведь даже не попытался! Выбери, выбери кого угодно. Я выйду за того, кто увеличит влияние рода.

На самом деле, в тот момент моя голова была забита несбыточными мечтами. Что жених окажется молодым. Или хотя бы понимающим. Что мы сможем договориться, затащим помолвку до моего совершеннолетия и разойдемся, когда с меня спадет дедовский поводок. Я строила планы и надеялась.

Зря.

Дед поддался и следующим же утром отправил меня в оранжерею, на встречу с отобранным женихом.

— Уговаривай, — хмыкнул напоследок. — Другого шанса не будет.

Я не шла — летела по мрачным коридорам дома. И мне было плевать, кто ждет за дверью, даже надменная физиономия Виктора Леннарта меня не испугала. Я все еще верила, что смогу...

Его не предупредили о цели приглашения. И когда я, краснея и заикаясь, попросила на мне жениться, Леннарт просто расхохотался.

— Это какой-то розыгрыш?

— Нет-нет... я... умоляю, я не выживу, если не выйду за тебя.

Не лучшее из моих высказываний. Потом я пыталась объяснить суть, что было сложно, учитывая клятву о неразглашении. Я предлагала и фиктивную помолвку, а если нет, то уверяла, что буду послушной тихой женой, не стану лезть в его дела и мешать увлечениям. Пусть только спасет меня.

Глупая, наивная девочка, которая очень не хотела умирать и хваталась за любую соломинку.

— Детка. — Виктор Леннарт грубо приподнял мое зареванное лицо за подбородок. — Ты, конечно, мила, но мой род никогда не опустится до смешения со слабой кровью. А деду передай, что он глупец, раз рассчитывал пронять меня слезливой историей о мнимой опасности.

Тогда я ненавидела Леннарта. Потом поняла, что он и не обязан был меня спасать. С какой стати? Сколько таких дурех вешалось на него ежедневно? Потом снова ненавидела, потому что должна была хоть кого-то ненавидеть, но в конце концов... перегорела.

Виктор Леннарт остался в прошлом. Значительный, но позабытый эпизод из несчастной юности. Он не захотел прислушаться, не увидел

на мне магического ошейника, что мешал дышать, но он и сам был молод. И я бы спокойно ходила мимо его горделивой фигуры по коридорам института, если бы ублюдок не растрепал о моем унижении всем желающим.

— Дед был сволочью, я хотела сбежать и думала, что Леннарт поможет, — сказала я Трин полуправду. — Но пришлось спасаться самой.

Вот только спастись я так и не сумела.

— Но зачем он... — Она осеклась.

— Волчий язык, помнишь? На нем говорит волчья стая. Наверное, ему было выгодно выставить меня идиоткой. Так что не лезь к нему, Трин. Ни к кому из подобных. Держись наших парней, и все у тебя будет хорошо.

Завтрак я пропустила, но знала, что на обед идти придется. В-первых, желудок уже сводило от голода, несмотря на подпитку магией, а во-вторых, прятаться я не собиралась.

Трин с утра была преувеличенно бодра и весела, но настороженные взгляды на каждого встреченного по пути в тренировочный зал студента ее выдавали. Соседка ждала новых атак и насмешек, но на нас никто даже не смотрел. Очевидно, все, кто мог узнать меня в лицо, либо еще спали, либо находились в других частях института.

Меня же больше беспокоила реакция парней. Специфика группы и так доставляла им немало проблем, а тут еще за меня пришлось отдуваться. Однако, когда мы миновали пустой в этот ранний час полигон и вошли в пристройку, бури не случилось. Все спокойно поздоровались, разве что один придурок из простых магов, уступая нам с Трин раздевалку, начал что-то вроде «если тебе так срочно надо замуж, может...», но его тут же утащили прочь.

Когда мы присоединились к остальным, мэтр Кобэ был уже на месте и, привычно заложив руки за спину, задумчиво рассматривал живописно проломленную стену.

— Мы не покидали зал до обеда, — поспешил отчитаться Итен Хольм.

— Не сомневаюсь, — отозвался мэтр, не оборачиваясь.

— И посторонних...

— Я все знаю, Хольм, не трать дышалку, пригодится. — Кобэ наконец крутанулся на пятках и окинул нас оценивающим взглядом. — Десять минут разминки, потом тридцать кругов по залу. Проверим, в какой вы форме. Начали.

Мы не шелохнулись.

— Вопросы?

— Да. — Вперед выступил Берг. — Мы ждем наказания.

— Ах, точно. — Мэтр нашел глазами Яна Монсона. — Вечерняя отработка. Где — узнаешь позже.

Тот невозмутимо кивнул, а мы продолжили стоять с Бергом во главе.

— Еще что-то?

— Вы наказываете одного, мэтр?

— За драку вне тренировки по уставу положена отработка. Или кто-то еще успел кулаками помахать?

— Вы же сами велели давать в морду! — возмутился Аарон Сворт.

Мэтр Кобэ растянул губы в плотоядной улыбке и шагнул к нам ближе:

— Я сказал, что лучше в морду, чем магией, но не призывал к этому и не утверждал, что наказания не будет.

— А за то, что случилось здесь... — начал Берг, но мэтр его перебил:

— Здесь случилась тренировка сильных необученный магов. Старшие курсы были предупреждены, что посторонним вход воспрещен, но не сдержали любопытства, за что и поплатились. К вам никаких претензий. Еще вопросы?

Кажется, парни выдохнули. И на Монсона все покосились с сочувствием, только вряд ли он заметил.

— Ну раз нет, то бегом разминаться!

В былые времена перспектива пробежать тридцать далеко не маленьких кругов вызвала бы у меня ужас. Отжалась бы я от силы раза два, присела бы... ну, чуть побольше. И единственное, в чем могла бы показать хоть сколько-нибудь впечатляющие результаты, — это танцы. Я почти не пользовалась силой и не собиралась становиться не то что боевиком — даже просто практикующим магом. Если честно, я уже не помню, чему планировала посвятить свою жизнь в пятнадцать лет.

Вот только во имя спасения этой жизни бегать пришлось регулярно, как и тренировать изнеженное девичье тело. Нет, я не стала великой спортсменкой, однако, начиная сегодня разминку, а потом постепенно набирая скорость наравне с парнями, я не испытывала никаких трудностей.

Хотя справились все. Они ведь готовились поступать. И знали, что без крепких мышц магия сожрет кого угодно, даже захудалого бытовика.

— Йенсен, ноги слабые, — комментировал наши передвижения мэтр Кобэ. — Сворты, отлепитесь уже друг от друга, вы ж не сросшиеся. Валлин, хватит изображать мельницу, зашибешь кого-нибудь. Хедлунд, что со спиной?

Когда мы наконец одолели последний круг и выстроились перед мэтром покачивающейся и местами пыхтящей шеренгой, он покачал головой:

— Плохо. Даже тьмагов умудрились откормить и разленить эти ваши ученые. Ладно... фронт работ определили. Теперь к сути. — Кобэ указал на скамьи у стены. — Все сели, на ногах осталась Йенсен и ее напарник. Слушаю.

Начались наши парные выступления. Сам мэтр расположился на стуле, который по взмаху руки прилетел из смежной с раздевалкой кладовой вместе с пачкой бумажек, и делал в этих бумажках пометки. Не комментируя, не перебивая вопросами, вообще никак не реагируя. Только один раз его бровь дернулась, когда Берг назвал моей слабостью излишнюю самостоятельность, основанную на скрытности.

— С этим могут быть проблемы, — заявил он, — если Валборг не осознает, что не держит мир на плечах в одиночку, и не научится обращаться за помощью.

Я только губы поджала. Обращалась уже, благодарю покорно. Не слишком-то помогло. Ну и, в конце концов, я же пришла сюда как раз за поддержкой тьмагов. А то, что не вывалила им все сразу — это разумная предосторожность. Сначала надо понять, с кем имеешь дело.

Впрочем, я в долгу не осталась, и в следующую секунду уже Берг недовольно кривил рот.

— Он не принял новую силу. То ли считает себя недостойным, то ли ее — причиной всех бед, но итог один. Берг не способен на тонкие плетения, только на грубые удары, и склонен к выбросам.

За спиной зашептались, видимо, недоумевая, чего мы друг на друга взъелись, но мэтр Кобэ только поставил очередную галочку и черкнул пару слов.

— Следующие. Хедлунд... и кто там с тобой.

Опрос долго не продлился, а после мэтр велел парами рассредоточиться по залу и прикрикнул, когда мы замешкались:

— Да что с вами такое?

— Вы... не будете оценивать наши выводы? — робко спросила Трин.

— Как оценивать? Печеньки вам выдать за старание? Мне плевать, кто из вас трусоват, а кто импульсивен. Это все нужно только вам. Запоминайте, корректируйте, исправляйте, используйте. Как маленькие, чернь вам в глотку. Быстро разбежались по залу!

Я вздрогнула, и Берг рядом тоже.

Чернью... не ругаются. Особенно те, кто много времени провел на границе и ходил во Тьму. Мифические демоны или безобидные и легко излечимые проклятья — это на здоровье, но поминать монстров, загубивших столько жизней?

А мэтр Кобэ точно бывал во Тьме, я видела в нем ее отпечаток. Так в чем дело? Хотел посмотреть на нашу реакцию? Или я искала тайные проверки и испытания там, где их нет?

— Вчера вы знакомились на словах, — продолжил мэтр, — сегодня представите друг другу свою магию. Лучшие и худшие ее проявления...

* * *

Второй этап знакомства прошел без особых удач и поражений. Мы демонстрировали давно заученные плетения, охали и ахали над безразмерной силой тьмагов, которую те умудрялись вбухивать в простейшие заклинания, и делали первые попытки к этой силе прильнуть.

Ну, все делали, а я изображала, ибо вчера уже убедилась, что мы вполне совместимы.

Поболтать во время этой тренировки возможности не было, чему я только радовалась, чувствуя на себе многообещающие взгляды Никласа Берга. А потом и вовсе благополучно первой проскользнула в раздевалку и первая же покинула зал, прихватив с собой Трин.

Бегство? Возможно, но я предпочитала думать, что просто хочу явиться в столовую без свиты из двадцати двух парней.

— Зря ты так, — бормотала Трин, пока я стремительным мобилем волокла ее по тропинкам и коридорам. — Сама их волками называешь, сожрут ведь. А при ребятах не посмели бы...

— Вчера же посмели, и теперь Монсону отрабатывать мое спокойствие. Так что следующий нос я сломаю самолично.

Трин моя решительность явно пугала.

Влившись в поток студентов, спешащих в столовую, я добавила:

— Можем войти и сесть отдельно...

— Да хватит уже! — неожиданно рявкнула Трин. — Да, мы знакомы всего пару дней, почти ничего друг о друге не знаем, но нам еще жить и учиться вместе. Вместе ходить в рейды. И ты мне куда симпатичнее, чем вся эта свора. Так что если еще раз предложишь мне отвалиться, я сама начну махать кулаками.

Я фыркнула, маскируя подкативший к горлу ком. Похоже, это моей слабостью надо было назвать сентиментальность — слишком остро отзывались внутри любые проявления симпатии и привязанности от чужих по сути людей. Наверное, потому что самые близкие меня подобным никогда не баловали.

Народу в столовую уже набилось полно. Непрактичные круглые столики были плотно облеплены большими и маленькими компаниями, а очередь на раздачу змеилась через весь зал. Нам все же пришлось разделиться: Трин отправилась за едой, а я заняла только что освободившийся стол у стены и с интересом осмотрелась.

Не знаю, чего я ждала. Что при моем появлении резко наступит тишина, и на мне сосредоточатся все взгляды? Ничего подобного не произошло. Как и в коридорах и на улице, здесь все были заняты исключительно собой. Студенты болтали, смеялись, ели, и если и останавливали на мне взгляд, то случайно.

По крайней мере, поначалу.

А вот когда от раздачи отделилась фигура, гордо прошествовала через зал и бухнула полный поднос на мой столик, ситуация изменилась.

И тишина наступила, густая, вязкая. И всеобщее внимание мне было обеспечено.

— Так вот ты какая, — протянул Кобэ-младший, задумчиво покачивая десертной ложкой. — Я заинтригован.

— Здесь занято, — произнесла я, когда он бесцеремонно уселся напротив.

Как ни странно, волнения не было. Улыбался Коб вполне благодушно, а если б даже злобно скалился — видала я чудовищ и пострашнее. На мое заявление он только склонил голову и зачерпнул из прозрачной миски какой-то взбитый крем, начисто игнорируя салат, мясо и бульон, имевшиеся на подносе.

Вот это уже настораживало. Кто начинает обед с десерта? Парень явно псих.

— Все столики заняты. По правилам ты не можешь удерживать место, если кому-то негде сесть. К тому же... сюда еще пяток человек вместится помимо твоей подружки.

Коб облизнул ложку и махнул рукой себе за спину, на раздачу. Я видела встревоженную Трин почти в самом конце очереди. Она переминалась с ноги на ноги, что-то для себя решая, а когда сделала шаг в нашу сторону, я покачала головой.

Ни к чему радовать гаденыша еще одной жертвой.

— Что ж, тогда приятного аппетита, — искренне пожелала я и, откинувшись на спинку стула, скрестила руки на груди.

Коб снова улыбнулся:

— А по виду и не скажешь, что ты такая забавная.

Я знала, как выгляжу. Обычно. Блеклые волосы собраны в пучок, стандартная черно-белая форма, ни грамма косметики. И лицо самое что ни на есть незапоминающееся, наверное, потому на меня и не обращали внимания, пока самопровозглашенный властитель всея института не плюхнулся рядом.

Я все ждала, когда он перейдет к делу, а пока прислушивалась к шепоткам вокруг и разглядывала самого Коба.

— Хорошие здесь целители, — сделала вывод.

Ожогов от магической сети на темной коже не осталось, да и нос будто и не встречался с кулаком Монсона. Если честно, выглядел Коб прекрасно и просто излучал здоровье и оптимизм. Даже мое замечание его не задело.

— Это да, — кивнул он, выскребая из миски остатки крема. — Соберут, даже если вернешься из рейда по кускам, так что можешь не переживать из-за своего малосилия.

Очень хотелось закатить глаза, но я сдержалась. Скромным даром меня пытались подколоть еще в младших классах, но, видимо, у подобных людей достаточно ограниченный запас издевок, и с возрастом это не проходит.

— Спасибо, успокоил.

Есть хотелось зверски. Я снова глянула на бесконечную очередь, на бледную Трин, медленно продвигавшуюся к середине, и, вздохнув, взяла с подноса Коба тарелку с салатом и вилку.

— И за это спасибо.

Он замер на мгновение и вдруг оглушительно расхохотался:

— Вот демоны! И почему он на тебе не женился?

— У некоторых нет чувства прекрасного, — пожала я плечами, приступая к еде.

Надо было действовать быстро. В любую минуту могли заявиться тьмаги, и вот тогда...

Чужие взгляды и нарастающий гул голосов мешали. Я старательно пялилась в тарелку, но прямо затылком ощущала воцарившееся в столовой напряжение и понимала, что после сегодняшнего точно не смогу ходить по коридорам невидимкой.

— Хочешь знать, почему к тебе никто не лезет? — вдруг спросил Коб, заговорщицки склоняясь ко мне через стол.

Я хмыкнула:

— Ты лезешь.

— Я не в счет. На меня приказы не действуют.

Я вскинула голову и моргнула:

— Ты о чем?

— А вот других впечатлить несложно, — продолжил Коб, игнорируя вопрос. — Так что, может, ты и не права насчет чувства прекрасного.

Вот теперь он начал раздражать.

— Ладно, — сказала я, с тоской отложив вилку. — О заступничестве Леннарта ты сообщил, даже завуалировать попытался. Молодец. Что дальше?

— В каком смысле?

— Ну, чего ты хочешь? Чего сейчас добиваешься? Давай же, — я тоже подалась вперед и накрыла сложенные на столе ладони Коба своими, — Расскажи мне обо всех своих надеждах и чаяниях.

На сей раз он завис надолго. Уставился на наши руки, потом на меня и прошипел:

— Ты что творишь?

— Даю пищу для новых сплетен. Ты же их так любишь. — Я мечтательно возвела глаза к потолку: — Только представь, как все выглядит со стороны. Ты принес мне еду, смеялся над моими шутками, а потом мы так мило ворковали...

Коб отшатнулся, испортив такую замечательную картинку, но я не расстроилась и снова вернулась к салату.

— А так все хорошо начиналось...

— Ты точно маньячка.

— Кто спорит.

Мы замолчали. Я ела, поглядывала то на вход в столовую, то на очередь, и вяло размышляла о человеческой натуре. Некоторым отчего-то скучно жить без страстей, причем лучше чужих. Чтобы наблюдать, обсуждать, подкидывать дровишек в огонь и снова наблюдать, наслаждаясь страданиями жертвы.

Студенты вокруг сейчас напоминали жадную до драмы толпу на общественной казни. Наверное, достань Коб меч и снеси мне голову, они бы разразились восторженными воплями. А через несколько минут уже искали бы новый объект внимания. И так до бесконечности...

Интересно, кто бы стал первой звездой местных сплетен, не вздумай я столь опрометчиво поступить в институт?

— Я ведь тебе не интересна, — озвучила я догадку. — Ты даже не знаешь, что сказать или как уколоть побольнее.

Коб скептически изогнул бровь:

— И что же я здесь делаю?

— Пытаешься достать Леннарта. Друзья-соперники, да? Вчера тебе дали в морду вроде бы из-за меня, но по факту изводил ты его. Бедный Леннарт, жертва маньячки, мы тебя защитим, малыш. — Я усмехнулась. — А на меня тебе плевать.

— Какая пронизательность, — скривился Коб.

— Но в следующий раз, прежде чем подсаживаться к кому-то, продумай план. — Я встала, стащила с подноса булочку и хлопнула Коба по плечу. — Потому что Леннарту на меня тоже плевать.

И махнув Трин и понадеявшись, что она простит меня, пошагала к выходу.

Некрасиво вот так бросать человека, но парни наверняка уже на подходе, а я просто не могла больше выносить эти разъедающие душу взгляды.

Во Тьме было куда проще.

Может, зря я оттуда выползла?

Парк действительно оказался почти лесом. Если не приглядываться, то вполне можно было решить, что все эти заросли, художественно вспоровшие землю корни и звериные тропы возникли сами по себе. Но я чувствовала от деревьев такой мощный магический фон, что волоски на руках становились дыбом, а значит, потрудились природники.

Может, им хотелось кусочка диких земель под боком, а может, это вообще их тренировочная площадка. В любом случае, получилось красиво.

Пользуясь почти часовым перерывом перед лекцией, я неспешно бродила по дорожкам, любовалась солнечными лучами, пробивавшими себе путь сквозь густые и все еще зеленые кроны, и старательно ни о чем не думала.

Навык без остатка вытряхивать из головы все умные и не очень мысли я освоила в совершенстве. Помогает, знаете ли, когда долго, слишком долго живешь во Тьме и можешь додуматься до непоправимого. В такие минуты я начинала петь. Беззвучно, иногда слегка шевеля губами, а главное не какие-нибудь глубокие баллады, а что-нибудь простое и до жути навязчивое.

Когда все только началось... когда я «исчезла», была популярна песенка «Тьма по городу идет», и за эти годы я успела исполнить ее на все лады. И выла, и бормотала, и орала. Но беззвучный вариант оказался самым действенным.

Сейчас я тоже вспомнила именно о ней, затем подумала, что надо бы обновить репертуар, но быстро прогнала и эту мысль.

Тьма по городу идет
Поступью царицы.
Тьма по городу плывет,
Вглядываясь в лица.
Ни к чему бояться Тьмы,
Человек страшнее.
Тьма такая же, как мы, —

Подружитесь с нею.

Как я и сказала, просто и навязчиво, а еще глупо и спасительно. Не знаю, кем был автор песни и почему она всем так нравилась, но я зацепилась за нее из-за второго катрена и, похоже, не могла отцепиться до сих пор. Его-то я и крутила в голове, пока бесцельно бродила по парку и скармливала кобовскую булку птицам в обнаруженном на задворках озере.

Шум и голоса привлекли мое внимание уже на обратном пути, когда до лекции оставалось минут пятнадцать. И я бы обязательно свернула прочь и обошла эту компанию десятой дорогой, если бы не агрессивный тон некоторых из них. И если бы сердце не дернулось, узнавая самый тихий и неуверенный голос.

Я побежала. Ломанулась коротким путем сквозь деревья и кусты с такой скоростью, и не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви, что перед говорившими наверняка предстала в образе всклокоченной ведьмы из сказок. Но мне это было только на руку.

— Отошли от него! — рявкнула я, даже не пытаясь разобраться, что здесь происходит.

Мне хватило увиденного.

На земле в окружении разбросанных табличек на длинных шестах сидел мой милый Ульф, а над ним нависала четверка стервятников в студенческой форме.

Они инстинктивно отшатнулись — мало ли кто тут раздает приказы, — а значит явно творили нехорошее. Магия в груди ощерилась и готовыми к атаке змеями перетекла в руки. Но я держалась.

Пока.

— Я сказала. Отошли. От него, — повторила отдельно.

— Только гляньте, кто здесь, — ухмыльнулся смутно знакомый тип, первым оправившийся от моего внезапного появления.

Я честно попыталась вспомнить, откуда его знаю, но в голове всплыла лишь эта же наглая физиономия в антураже какого-то званого вечера. Впрочем, большего и не надо.

— Твоя хозяйка, а, старик? — продолжил потенциальный мертвец. — Что, и на учебе без слуг не обойтись, Кая? Притащила с собой дворецкого?

— Точно! — воскликнул его дружок. — Дворецкий! Видал его на приеме у Валборга. «Никчемный старик», так он его называл.

Ульф попытался подняться, но третий смертник наступил ему на руку, и на этом мое желание вести переговоры иссякло.

— Пять, — начала я отсчет.

Идиоты все, как один, усмехнулись.

— Четыре.

Магии в руках скопилось столько, что я могла весь парк с землей сравнять, так что пришлось слегка перекрыть краны.

— Три.

Внезапно довольные лица студентов вытянулись, улыбки исчезли, глаза испуганно округлились. Они реагировали до того одинаково, что даже смешно.

— Два.

В следующий миг все четверо ринулись прочь и вскоре скрылись за деревьями.

Я не обольщалась.

Это я знала о собственной силе, для других все было не столь очевидно. Значит, спугнул их кто-то еще. Кто-то, замерший за моей спиной, но оборачиваться я не собиралась.

Вместо этого шагнула к Ульфу и опустилась перед ним на колени.

— Привет, — улыбнулась искренне, помогая засуетившемуся старику собрать разбросанные таблички.

Указатели — вот что это было. Он расставлял по парку указатели.

— Тэри, простите, я... — Ульф глянул мне за плечо, сгреб все шесты в охапку и неуклюже поднялся.

Я придержала его за руку.

— Ты почему не сказал, что устроился? — пожурела мягко.

— Так первый день, вот и... — Он запнулся, явно встревоженный присутствием свидетеля, потом по-детски шмыгнул носом и опустил голову. — Простите. Правильно вы не хотели, чтобы я тут работал. Позорю вас...

— Не смей, — перебила я. — Опозорились только эти ублюдки, но они свое еще получают. Чего они хотели?

— Я... и не понял толком. Сказали, что если маг не в силах найти дорогу, то пусть и поддыхает здесь, а указатели — это глупость. Но я ж не сам это... велели...

Я на миг прикрыла глаза. Судя по болтовне этих тварей, Ульф просто узнали. По крайней мере, один из них узнал. И нашел повод поглумиться — чем не развлечение, особенно на фоне гуляющих вокруг меня слухов, и когда меня саму трогать запретили. Так что это мне следовало извиняться, но язык намертво прилип к небу.

— Ульф...

— Я смотритель тут, — внезапно счастливо улыбнулся он. — Целого парка, представляете. И домик свой. За озером. Вы... забегайте в гости, как будет перерыв в учебе. У меня там... — Ульф снова зыркнул мне за спину и заговорщицки закончил: —...и телефон имеется.

Значит, есть новости от Торвальда, и он не прочь поболтать.

— Спасибо. Зайду при первой же возможности.

— А на мальчишек вы не сердитесь, тэри, — добавил Ульф. — Я ж Бенгта еще вот такусеньким помню, милейший ребенок. А как отец умер... тяжело это для юнца.

«Ага, ты помнишь его вот такусеньким, наверняка таскал ему молоко с печеньем, трепал по макушке, а теперь ублюдок зажимает тебя в парке и позволяет друзьям топтаться по твоим заботливым рукам.

Нет, дорогой Ульф, я не настолько добрая».

Вслух я, конечно, ничего такого не сказала, улыбнулась только, но имя запомнила.

Мы скоро увидимся, Бенгт.

Когда Ульф, громыхая указателями, медленно ушел вглубь парка, за спиной покашляли. Как будто я хоть на миг могла забыть, что там кто-то стоит. Жаль, поспорить не с кем, а то б я озолотилась, угадав, кто именно.

— Простудился? — спросила, не оборачиваясь и все так же провожая взглядом Ульфа.

Но вот тропинка свернула, и он вместе с ней.

— От твоего холодного приема? Еще бы.

Вздохнув и запихнув бурлящую магию поглубже, чтоб невзначай не сорваться, я наконец повернулась.

Виктор Эйнар Леннарт стоял, прислонившись плечом к ближайшему дереву, и очень внимательно меня рассматривал. Так рассматривают досадную помеху на дороге, когда решают, снести ее, обойти или переступить.

— Нам надо поговорить.

— Я опаздываю на лекцию, — выдавила я, ненавидя себя за внезапный ком в горле.

Когда Леннарт не смотрел, было лучше. Тогда я ненавидела его. И вообще, с чего вдруг такие перемены? Мое лицо больше не вызывает желания отвернуться?

— Уже опоздала, — сказал Леннарт, мельком глянув на наручные часы. — Даже если побежишь, не успеешь. Если не ошибаюсь, у вас сейчас общая магия, а Ироссен всегда запечатывает дверь после звонка.

Отлично. Первая лекция и первый прогул. Не то чтобы я жалела о своем порыве пройтись по парку, встреча с Ульфом все искупала, но вот отсутствие поводов уйти смущало. Как и похолодевшие ладони и заикающийся пульс.

Некстати, очень некстати подобная слабость, и поддаваться ей в присутствии Леннарта я не собиралась. Впрочем, как и убегать, раз уж причины меня лишили и спешить теперь некуда.

Я пару раз стиснула и разжала кулаки, разгоняя кровь и магию, и усмехнулась:

— Ну тогда говори.

А Леннарт решил не тратить время на сантименты. Сунул руки в карманы и попросил... нет, приказал:

— Уезжай.

— Что, прости?

— Ты слышала. — Он поморщился. — Уезжай туда, где ты там развлекалась все это время. Или хотя бы из института уйди. Знаю, тебе на репутацию давно плевать, но род Леннартов полощут заодно с твоим. У меня есть заботы поважнее, чем затыкать всем рты. А тебе вряд ли так уж интересна учеба.

Раз, два, три, четыре, пять...

На сей раз я не вела обратный отсчет, а выжидала секунды до возвращения голоса. Горло сдавило так, что даже воздух проходил с трудом, перед глазами потемнело. Я отрешенно пялилась на жилку,

бьющуюся под расстегнутым воротом леннартовской рубашки, и продолжала считать.

Шесть, семь, восемь...

«Ну а чего ты ожидала? — ухмыльнулся бы дед, если б был здесь. — Сама ведь думаешь, что лучше б не выползала из своей норы, и мальчишка с тобой согласен. Ничего личного».

Ничего.

— ...гих полно, — пробивались сквозь гул в ушах откровения Леннарта. — Выбери любой, я оплачу, раз с этим у тебя проблемы.

— Проблемы? — зацепилась я за последнее слово.

Голос звучал хрипло, глухо.

— Валборг, из тебя боевик, как из меня балерина. Группу тьмагов ты явно выбрала из-за стесненных обстоятельств, но я помогу все решить. Только переведись. В первую неделю это проще всего, даже дополнительных проверок не будет...

Леннарт все говорил и говорил. Я перестала слушать, но зачем-то пару раз кивнула. А потом и вовсе прервала его, кажется, на середине фразы:

— Я поняла.

Леннарт захлопнул рот, помолчал и с подозрением уточнил:

— Ты согласна? Переведешься?

— Нет, — ответила я и, развернувшись, быстро пошла в сторону учебного корпуса.

Сердце все еще заикалось, но теперь скорее от ярости, чем от растерянности. Хватило десяти шагов, чтобы эта ярость вскипела, забурлила и взяла верх. Я крутанулась на пятках и практически впечаталась в увязавшегося следом Леннарта. Пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в его наглые глаза.

— Что я тебе сделала?

Похоже, я опять его прервала. До этого его губы шевелились, а теперь застыли, некрасиво искривившись.

— Что я тебе сделала? — повторила я, начиная задыхаться. — Попросила о помощи? Посмела претендовать на твое драгоценное имя? Намочила слезами дорогой пиджак? Что. Я. Тебе. Сделала?!

Он отшатнулся и уставился на меня сверху вниз как на насекомое:

— Ты издеваешься?

Я тяжело дышала, из последних сил сдерживая магию. Сегодня для нас с ней сложный день. День испытаний на прочность. Даже вступительный тест дался мне гораздо легче.

— Ты правда не понимаешь или решила в невинность тут поиграть? — С каждым словом голос Леннарта звучал все злее. — Из-за твоих игр я выставил себя идиотом! Поднял шум, когда ты исчезла, на полном серьезе уверял законников, что старик Валборг вероятно убил внучку. Я потащился за тобой в Норвдальг, демоны побери! Ну и не будем забывать эпохальную драку с твоим любовником. По-твоему, этого мало?

Я молчала, пытаюсь уложить в голове новую информацию.

Нет, я знала, что дед позаботился об алиби для себя и достойной замене для меня. Я даже мельком видела ту девушку, что должна была отправиться в путешествие под моим именем и раствориться на просторах мира. Мы были похожи. Для тех, кто встречался со мной лишь пару раз — поразительно похожи. Ну а легкая иллюзия довершала картину.

Также я знала, что девушки этой уже нет в живых. Ее поиски стали первым, чем я занялась по возвращении. Судя по всему, замена оказалась не такой уж достойной и отрывалась на всю катушку, так что деду, который пекся о репутации рода не меньше Леннарта, пришлось запачкать руки.

Хотя чистотой они и прежде не отличались...

А вот весть о законниках и о Викторе Леннарте, бросившемся меня спасать, я как-то упустила.

— Было расследование? — быстро переспросила я.

— Что?

— Ты сказал, что обращался к законникам. Было расследование?

Он хмыкнул:

— Расследовать оказалось нечего. Единственный подтвердившийся факт — моя доверчивость. — Затем шагнул ближе, снова нависая надо мной. — Ты уйдешь из института. Если согласишься на мое предложение — уйдешь тихо и с комфортом, получив шанс на хорошее образование где-нибудь в другом месте. Если нет... все равно уйдешь. Даю время до...

— Нет. — Я все же отступила.

Плевать, как это выглядело со стороны, но стоять рядом с Леннартом, в его тени, в окружении его запахов, его силы, его злости, я не могла физически.

— Не глупи. Тебе со мной не тягаться. И я не знаю, какую цель ты преследуешь, но...

— Учиться, Леннарт. Моя единственная цель — учиться. А если тебя не устраивают слухи, попробуй в следующий раз держать рот на замке и не трепать о несчастных маленьких дурочках на всех углах. — Я попятилась еще немного и развела руками. — Это все твоя заслуга.

— Я не трепал. Я ошибся, доверившись не тому человеку. — Он криво улыбнулся. — Не в первый, но в последний раз.

— Что ж... тогда просто смирись. Не затыкай никого, я как-нибудь переживу. А ты... примкни к врагу. Высмеивай меня вместе со всеми, и славный род Леннартов пройдет это испытание без потерь. Тебе еще и завидовать будут — целая личная маньячка, это вам не шутки.

— Валборг...

— Или, — повысила я голос, не давая Леннарту озвучить очередную угрозу, — потерпи до первого рейда. Сам же сказал, из меня паршивый боевик, вдруг тебе повезет и проблему устраним зубастая чернь. Верь в лучшее. Разве что я чего-то о тебе не знаю, и ты невероятно хорош в балетной пачке...

Меня откровенно несло, и пора было убираться. В душе царил такой кавардак, что я не могла ощутить ни одной чистой эмоции. К ярости примешивалось веселье, к скорби — недоумение, а к ненависти... благодарность.

Отчего-то весть о том, что меня искали, согревала. Да, слишком поздно. Да, все равно не нашли и не спасли. Да, это ничего не меняло. Но на миг почудилось, будто я не одна в этом мире.

Всего на миг.

— Время до вечера, — не сдавался Леннарт, глядя на меня исподлобья. — Завтра предложение аннулируется, и пеняй на себя.

Почему же он воротил морду в тренировочном зале? Растерялся? Не ожидал встречи? А теперь собрался с мыслями и пошел войной? Что произошло между ним и моей распушенной копией?

Ну, помимо драки с любовником. Хотела бы я на это хоть одним глазком...

— Не жди понапрасну, Леннарт, — посоветовала я и, развернувшись, помахала ему через плечо. — Примкни к насмешникам, начни боевые действия, спасай свой родовитый зад.

Он даже ничего не крикнул в спину и следом не пошел. А я до самого поворота чувствовала на себе обжигающий взгляд и боролась с желанием обернуться.

— Доверие! — провозгласил мэтр Кобэ, красочно замерев посреди тренировочного зала. — Точнее его отсутствие. Вот наша основная проблема.

Мы попарно сидели за расставленными вокруг него столиками, вцепившись обеими руками в расположенные между нами глиняные горшки с землей. Внутри каждого горшка вроде как лежало семечко, которое нам полагалось прорастить.

— И сейчас речь не о том, что вы должны были за несколько дней проникнуться к напарнику всем, чем только можно, — продолжил Кобэ. — Нет. Вы не доверяете сами себе. Своей силе. Своим навыкам.

Сидящий напротив Берг укоризненно зыркнул на меня исподлобья, явно решив, что это мои рассуждения о его слабостях натолкнули мэтра на подобные выводы.

Чушь. За почти неделю наших тренировок только слепой бы не заметил неуверенности и озлобленности, с которой тьмаги относятся к новообретенной силе. Да и остальные были не лучше, не то теряясь перед могуществом партнеров, не то по-прежнему сомневаясь, что им место в этой экспериментальной группе.

Как результат — мы все еще топтались на месте, и меня это раздражало, наверное, еще сильнее, чем мэтра.

Я не могла первая показать даже мизерный прогресс — а вдруг ни у кого больше не получится? Так что приходилось стискивать зубы, сдерживаться и ждать, когда хоть одна пара справится со слиянием или обменом.

В итоге по утрам мы тренировали скорость и выносливость, после обеда присоединялись на лекциях то к одному, то к другому курсу, а остаток дня торчали в пятом тренировочном, пытаюсь совместными усилиями применить теорию на практике. Безуспешно.

Сегодня была лекция по природной магии, и вот теперь передо мной горшок, в горшке земля и семечко, а напротив недовольный Берг, и наши руки почти соприкасаются на глиняном ободе.

— Сейчас я не прошу вас взаимодействовать друг с другом — только со своим внутренним Я. Не пытайтесь объединить энергию.

Влейте в землю самую мельчайшую каплю, на которую способны. Без плетений и схем, просто крупца чистой силы от каждого. Договоритесь уже с собой и своей магией. Росток проклюнется от двух капель...

Едва мэтр договорил, как за спиной раздался треск, грохот и короткий вскрик. Мне в затылок что-то врезалось, и за ворот осыпалась горсть земли.

Прелестно.

— Не отвлекаемся! — рявкнул Кобэ на кого-то. Я и не думала шевелиться, хотя ощущения под рубашкой были не из приятных. — Хольм, у тебя комплексы? Это, по-твоему, капля силы? Приберись и возьми новый горшок.

Мы с Бергом молча сверлили друг друга взглядами.

За эту неделю общение как-то не продвинулось. Он не поднимал тему моего вмешательства в его плетение или обвинений в нестабильности и, как и я, старательно ничего не делал для успешного выполнения заданий мэтра. Только изображал.

Потому что тоже знал, что мы можем. Что я могу. И, вероятно, ждал, когда я решусь продемонстрировать свои умения.

Я же до сих пор... присматривалась. И к Бергу, и к остальным тьмагам. Пыталась понять, насколько хорошо сила прижилась, как глубоко срослась с природными данными. И получится ли безболезненно ее отделить.

Не то чтобы это был единственный путь, скорее самый-самый крайний вариант, но я не могла не готовиться к худшему.

Где-то сбоку взорвался еще один цветочный горшок.

— Норвиг, дурной пример заразителен? Приберись и возьми замену, — скомандовал мэтр.

Я только вздохнула.

Я понимала парней. Сама долго мучилась, прежде чем хоть немного освоила мелкие манипуляции, и то по-прежнему упускала нить силы, стоило только отвлечься. А у них и вовсе не было на это времени, да и желания, наверное, тоже. Зачем вояке возиться с каплями, когда можно зарядить во врага мощным потоком?

— Не торопитесь. Загляните внутрь себя, прочувствуйте энергию, прежде чем выпускать ее.

Мэтр прокашлялся. Ему явно было неловко и непривычно вещать все эти прописные медитативные истины, и он бы с радостью уступил эту честь кому угодно, но подпустить к опасной группе неподготовленного преподавателя не мог. Не удивлюсь, если речи для сегодняшнего занятия ему заранее написали.

— Валборг, Берг! «Не торопитесь» — не значит «спите и ничего не делайте».

Я встрепенулась, Берг подавил зевок.

— Ну и? — спросил он наконец, весьма недурственным плетением не давая звуку разлететься по гулкому залу.

Я даже брови вскинула. И когда только научился?

— Что?

— Это не взаимодействие, — напомнил Берг. — Можешь не бояться привлечь к себе внимание. Давай вырастим уже эту хрень, а то руки затекли.

Цепляться за горшок и правда поднадоело.

Я украдкой огляделась. На столах большинства пар уже что-то шевелилось и зеленело, перед Трин и ее тьмагом и вовсе распускались какие-то ядовито-оранжевые цветы, Хольм и Норвиг с постными лицами вручную, совками и вениками, собирали грязь и глиняные осколки, и только мы и еще одна двойка неудачников никак не отличились.

— Давай, — кивнула я. — Справишься с каплей?

Берг закатил глаза.

Когда напитанный нашей магией из земли медленно показался крошечный росток, я невольно улыбнулась. Все-таки это было взаимодействие. Они не стали ждать, когда тьмаги научатся делиться, а мы — принимать, и встроили в семечко структуру, которая перемешала силу. Простейшая схема, но теперь не останется сомнений, что мы совместимы, и все препятствия и проблемы только у нас в головах.

В основном...

— Ты много гуляешь в последнее время, — вдруг заметил Берг, и я вскинула голову.

Зелень в горшке ему была неинтересна. По крайней мере, не так интересна, как я.

— Это плохо?

— Нет, просто парк здесь не настолько выдающийся, чтобы бежать туда при первой же возможности.

С этим я бы поспорила, но да, привлекали меня отнюдь не местные красоты, а Ульф.

Поначалу я переживала, что вслед за одними гаденышами к нему прицепятся другие, но вопрос решился, как только Ульфу выдали форму смотрителя. Казалось бы, ничем не примечательная блеклая почти роба, но на студентов она действовала отрезвляюще. Едва завидев вдалеке тощую и прямую фигуру в сером, парочки рассаживались на разные концы скамеек, шумные компании снижали голоса до шепота, а хулиганы разбегались. И ведь не то чтобы добряк Ульф успел как-то себя проявить — просто здесь так было принято.

Хотя некоторые все же пытались напакостить по мелочи: к примеру, разворачивали все те же злосчастные указатели. Пришлось уже мне пройти по парку и намертво их замагичить, чтоб даже ураганом не сдвинуло ни влево, ни вправо.

Оставалось надеяться, что поразительная устойчивость деревянных шестов не вызовет ни у кого подозрений.

По факту же, мы с Ульфом не так много времени провели вместе — лишь пару раз прогулялись, болтая ни о чем и вспоминая мое недолгое и местами счастливое детство. Но завтра предстоял первый и единственный на неделе выходной, который я планировала провести в домике смотрителя, куда пока еще не успела добраться.

Берг вроде ни о чем таком не спрашивал, но я открыла рот, чтобы честно рассказать про Ульфа... И закрыла, заподозрив неладное. Слишком уж внимательным был его взгляд.

Я прищурилась:

— Очередной слух?

— В смысле?

— Ой, да ладно. Дай угадаю... А чего это маньячка Валборг зачастила в лес? Уж не ловушки ли там на свою жертву расставляет? Или тайные ритуалы проводит? Ох, или она просто окончательно свихнулась и реши...

— Кая, — перебил Берг, внезапно вспомнив мое имя, — никто про тебя уже не говорит.

— Угу.

— Правда. Ну... по крайней мере я не слышал.

Да и я тоже не слышала, но взгляды чувствовала. Что старшие девицы в общежитии, что встреченные на днях в коридоре бывшие одноклассники, что совершенно незнакомые студенты на лекциях и в столовой — глазели все. Хотя пока что этим все и ограничивалось. Даже Кобэ-младший затаился, и Леннарт, обещавший так или иначе вытравить меня из института, никаких поползновений в мою сторону не делал.

Я считала это затишьем перед бурей и не расслаблялась.

— Мне просто интересно, вдруг ты с кем-то... ну, вдруг кто-то...

Я, разинув рот, наблюдала за краснеющим и бледнеющим Бергом, а потом он ругнулся себе под нос и спросил в лоб:

— Тебя уже кто-то позвал на бал первокурсников?

От необходимости отвечать меня спасли прилетевшие в лицо комья земли и свежесобранной зелени.

Надо было все же убрать руки с треклятого горшка.

— Берг! — прогремел над ухом голос мэтра Кобэ, когда я отплевывалась. — У вас же уже все росло. Зачем добавил?

— Простите, задумался.

— Дело хорошее, — хмыкнул мэтр, — но не всегда уместное. Приберись, и начинайте заново.

Он снова двинулся в обход по залу, а я только теперь поняла, что все время их короткого диалога не дышала и пялилась на Берга, гадая, сдаст-не-сдаст.

Нет, конечно, при желании и с моими официальными показателями можно что-нибудь расколотить, но судя по тому, что во всех взрывах Кобэ без разбора обвинял тьмагов, был здесь какой-то подвох. Защита, работавшая только до определенного уровня воздействия? Проверить бы, но под пристальным взглядом Берга я не решалась даже пошевелиться, не то что магичить.

Проклятье.

Он не дурак и тоже мог сложить два и два. И если способность управляться с его силой я (почти открыто) продемонстрировала в первый же день, давая понять, что могу помочь, то собственную мощь планировала придержать в секрете хотя бы до ближайшего рейда. А лучше — до часа икс, когда и если иного выхода не останется.

Берг опять промолчал и спокойно принялся за уборку, и эта его сдержанность уже жутко раздражала. Я даже невольно подумала, не преувеличиваю ли прозорливость тьмага. Легко показаться умным и догадливым, просто многозначительно щурясь, усмехаясь и ничего не говоря. Мол, сама решай, что я знаю, а чего нет, и изводись сомнениями.

Когда он уселся напротив с новым горшком, я уже вдоволь себя накрутила и произнесла только:

— Я не иду на бал.

Какие, к демонам, балы? Я здесь не за этим.

Берг кивнул, и остаток урока мы провели в тишине. И цветок у нас вырос бледный и вялый, ничуть не похожий на красочный куст, расцветший в паре Трин.

Благо хоть вырос.

* * *

Ужинала я поздно, в компании только Монсона и близнецов Сворт.

Трин и ее Лукас, вдохновленные успехом, выпросили у мэтра Кобэ разрешение еще немного позаниматься в тренировочном зале. Мэтр был только рад такому рвению.

Еще пятеро из нашей группы отправились на отработку в зверинец, о существовании которого я только узнала, и на сей раз я даже была не виновата. Просто предсказание мэтра сбылось: тьмагов испытывали и провоцировали, а заодно и их невольных соратников, вот вчера эта пятерка и ввязалась в драку. Впрочем, восприняли они наказание философски и вряд ли после него перестанут махать кулаками.

Главное, что магией никто пока не воспользовался — все-таки угроза возвращения в научный центр оказалась действенной.

Ну а остальные... остальные решили, что эксперименты экспериментами, а жизнь никто не отменял. Тем более устоять перед напором институтских барышень, падких на легендарную силу тьмагов, было непросто.

Как там говорили те девицы из трамвая? Что-то про гарнизонную шлюху, за которую дерутся благородные тэры. Так все и случилось, только вместо шлюхи имелись рядовые солдаты, а вместо тэров — почти все женское население института.

Парней атаковали призывными взглядами, стратегически расстегнутыми пуговичками, выставленными на показ ногами, и в конце концов некоторые сдались. Зачем отказываться, раз так настойчиво предлагают? Тем более после долгих месяцев на границе, а потом и в лапах ученых.

Конечно, мне бы было обидно стать объектом интереса только из-за этой демоновой силы, но, полагаю, мужчины думают иначе. И вряд ли их намерения столь уж серьезны, так что переживать стоило скорее за охотниц, чем за дичь. Кстати, подружек из трамвая я тоже видела

среди фанаток, но им повезло только с обычными магами из нашей группы. Наверное, для кого-то и это успех.

В итоге наш не особо дружный коллектив теперь не держался обороняющейся плотной кучкой, а практически растворился в студенческом море.

Всего за несколько дней...

Я вяло жевала резиновое мясо и вполуха слушала болтовню близнецов. Монсон на их реплики почти не реагировал словесно, только кивал, усмехался или пожимал плечами.

— ...и чего тебе не понравилось? — возмущался Аарон. — Она ж чуть из штанов не выпрыгивала. Мне бы так...

— Нам с тобой так не светит, братишка, — преувеличено печально вздохнул Дарен. — Разве что смотаемся на границу и поищем эту их аномалию. М?

Они захохотали, и даже Монсон улыбнулся, а я закатила глаза.

Идиоты непуганые.

— Вообще, Монс правильно ее отшил, — продолжил Дарен. — Там же и посмотреть не на что. А вот брюнеточка, которая окучивает Берга... ох, вот где отвал всего. Слышь, Валборг, ты-то не против?

Я нахмурилась:

— Ты о чем?

— Да о Берге. Он пока держится, но будешь и дальше нос воротить, так и упустишь.

Я проследила за взглядами близнецов до углового столика, за которым расположилась часть наших тьмагов и какие-то девушки. Берг и правда был там, хотя я думала, что он не пошел на ужин. Но нет... пошел и вполне неплохо проводил время рядом с экзотично смуглой незнакомкой.

Я прислушалась к себе. Сила возмущенно шипела, но в остальном...

— Зря держится, — пожала я плечами и вернулась к еде. — Девушка потрясающе красивая.

— Тьфу на тебя. — Аарон скривился. — Порадовала бы парня, а мы бы к ней подкатили...

— Сразу вдвоем? — внезапно подал голос Монсон.

— Больше выбор — больше шансов.

Точно идиоты.

Доела я быстро и так же быстро попыталась покинуть институтские стены. В груди трепыхалась какая-то смутная тревога, и передвигаться одной по полутемным пустым коридорам было неуютно. И я уже почти свернула к двери, за которой ждала улица и короткий путь до общежития, когда дурное предчувствие сбылось.

К стене меня прижали крепко, но аккуратно, и только это помогло сдержаться и не зарядить в нападавшего сырой силой. Ну или как минимум коленом куда дотянусь.

— Руки убрал, — строго велела я.

— Тише, тише, тигрица. Ты просто слишком быстро ходишь, боялся упустить.

Кобэ-младший послушно от меня отлепился и, видимо, впечатленный моим грозным видом, для верности еще и отступил на пару шагов.

— Зачем догонял? — без всякого интереса спросила я.

И так знала — ни за чем хорошим.

— Сразу к главному, а? Ты во всем такая резвая? — Коб широко улыбнулся. — Ладно, чокнутая, не сверкай зеньками. У меня деловое предложение.

Очень хотелось зажмуриться и открыть глаза уже в своей комнате. В висках медленно, но верно зарождалась пульсирующая боль.

Не дождавшись от меня ответа, Коб продолжил:

— Пойдешь со мной на бал?

Это заговор?

Я все-таки зажмурилась и прислонилась к стене.

— Это бал первокурсников, — напомнила устало.

— И что? Это просто название, мол, приветствуем новичков, но идут туда все желающие.

— Я не иду.

— Не пригласили? — сочувственно цокнул Коб. — Так вот он я.

— Я просто не иду. А с тобой не иду тем более — я, может, и чокнутая, но не настолько.

— Не торопись, ты не знаешь, от чего отказываешься.

Я наконец посмотрела на него: на гордо выпяченную грудь, на все еще не увядшую улыбку, на одухотворенное собственной значимостью лицо.

— Пожалуй, и знать не хочу.

— Эй! Я же сказал, что предложение деловое. Тебе понравится.

— Мне нравится, когда ты держишься от меня подальше. Давай все так и оставим.

Я распрямилась и, не встретив сопротивления, спокойно обошла Коба по дуге. Он продолжал скалиться:

— Ты все-таки подумай. Впереди еще неделя. Я не стану никого больше звать, верю в твое благоразумие.

«Лучше б ты сам его проявил», — подумала я, а вслух обронила только:

— Не жди.

И почти побежала к вождеденной двери, внутренне закипая.

Нет, серьезно, на что он рассчитывал? Что хотел извлечь из этого и что собирался предложить мне? Не то чтобы мне было так уж любопытно, но...

Демоны, да, любопытно! И этого засранец и добивался. Я оглянулась на дверь, из которой только что выскользнула, и выругалась сквозь зубы. Скопление людей пагубно сказывалось на моем самоконтроле, и чем дольше я оставалась в институте, тем проще меня было зацепить. Вот уже и Коб парой фраз чуть не заставил меня вернуться и выслушать его дурацкое предложение.

Не такая уж я непробиваемая, как привыкла считать...

— Не бывать этому, — пробормотала я и поспешила в гущу сумерек, к женским жилым корпусам.

Так что во всем, что случилось дальше, я искренне виню Коба. И Берга. И глупый бал, на который всем вдруг приспичило пойти. Я думала не о том, забыла, кто я и где нахожусь, и внутренне страдала, потому что где-то в глубине души хотела и бала, и приглашений. Точнее, этого хотела пятнадцатилетняя Кая, когда-то готовившаяся к дебюту, но так на него и не попавшая. Я даже удивилась, что эта слабая наивная девочка все еще жива во мне...

Именно ее чувства я пыталась оценить и разложить по полочкам, когда в спину ударили. Ударили грубо, не заботясь о мастерстве плетения. Практически пронзили меня насквозь чуждой силой, выворачивая внутренности и ломая кости. Я даже закричать не могла.

Просто застыла, изогнувшись на полушаге, точно припиленная к холсту бабочка. И сквозь слезы наблюдала, как тает перед глазами мир.

В детстве мне казалось, что дед временами даже похож на живого и чувствующего человека. На человека в принципе.

Нет, ко мне он теплоты не проявлял, но вот к своему сыну — моему отцу — Бьерну Валборгу явно питал если не любовь, то как минимум искреннюю привязанность. Они оба были натурами увлекающимися, оба грезили непокоренными вершинами и одинаково, до фанатизма, бредили наукой. Особенно если эта наука могла принести им лично огромный кусок власти и могущества.

Так что, может, в сыне дед видел лишь свое отражение, и запомнившиеся мне из детства проявления добрых чувств — не что иное как себялюбие, но не все ли равно? Итог один: они вдвоем додумались до того, до чего додумались. А мама, как преданная жена и ассистентка, отправилась на поиски небывалой силы вместе с отцом.

Там-то они и сгинули в компании тщательно отобранных исследователей-фанатиков. И мало кто знает, что именно от места, когда-то ставшего целью их путешествия, вскоре расползлась во все стороны кишащая чернью Тьма.

Но сейчас не об этом, а о деде и его гипотетической человечности.

Я помню первые дни и месяцы после исчезновения родителей и помню, как постепенно вера на его лице сменялась сомнениями, а потом и чем-то похожим на скорбь. И наконец, отчетливо помню тот миг, когда и на меня дед стал смотреть иначе: не как на маленькое ничемное существо, которое надо сохранить в целости, чтобы сын по возвращении не расстроился, а... как на полезную в хозяйстве вещь. Он уже тогда, тринадцать лет назад, знал, что со мной сделает. И только я пребывала в блаженном неведении, пока под горлом не защелкнулся невидимый ошейник.

Я и сейчас его ощущала. Он сжимался все туже и туже, до хруста позвонков, до хрипов в легких, а я не могла пошевелить даже пальцем, чтобы хоть как-то ослабить давление.

— Я же предупреждал, что никто не должен знать, — сетовал вполне себе человеческий дед из далекого прошлого, умеющий

сопереживать. Глаза его, выпуклые и слезящиеся, как у больного пса, лучились пониманием. — На вот, выпей.

И мне в губы ткнулся стеклянный край стакана. Противно звякнул о зубы, наклонился, заливая в глотку что-то густое, кисло-сладкое.

— Не работает, — произнес... совсем не старческий голос, и морщинистое лицо деда подернулось дымкой.

— Не мельтеши, Леннарт, — ответил кто-то еще, — она пока даже не проглотила. Спазм какой-то жуткий, аж вены вздулись...

— Так помоги ей, кретин!

— Не ори на меня! Я тут на добровольных началах...

Второй продолжал ворчать, но, кажется, все-таки помогал, потому что вскоре горло расслабилось, пропуская и густую жижу, и живительный воздух. Я особо яростно захрипела и выгнулась, чувствуя, как хрустят свежесрощенные кости.

Хорошо же меня поломало...

Боли не было, а проглоченное пойло очень быстро прояснило разум, окончательно развеяв невесть откуда взявшийся образ деда. Я попыталась открыть глаза... и не смогла.

— Вроде все, — с сомнением протянул мой целитель. — Теперь проспит часов пятнадцать и будет как новенькая. Даже странно... это точно была Выжималка?

— Да.

— А ты видел, кто?..

— Нет.

— Ну значит, повезло, и он что-то напутал. Выгоранием тут и не пахнет.

— Угу, напутал. — Теперь я узнавала голос Леннарта, и веры в путаницу в нем не было от слова «совсем».

Если б я могла двигаться и говорить, то всячески бы его поддержала. Да, это была Выжималка, и нет, нападавший ничего не напутал, и окажись на моем месте кто-то другой, его бы выжгло досуха.

Вот только вряд ли на кого-то другого могли напасть в стенах института, еще и так нагло воспользовавшись полузаконным плетением из арсенала военных. Незнакомый знал, что я не пострадаю — по крайней мере, магически? Или, наоборот, рассчитывал на летальный исход? Проверка или убийство?

Мыслить становилось все сложнее, и чем проще было дышать, тем глубже я проваливалась в туманную мглу. И голоса теперь звучали как сквозь вату, теряя по дороге половину слов.

— ...оставил... утром выпьет...

— ...клятву...

— ...чтоб тебя, Леннарт, я не треплю...

Потом сила в груди встрепенулась, откликаясь на вспыхнувшую рядом магию, и снова улеглась уютным клубком.

— Доволен?

— Спасибо... отплачу...

— Ну тебя...

Шаги прогремели будто прямо в моей голове. Там же хлопнула дверь, и все стихло. Я уже решила, что осталась одна, когда щеки вдруг что-то коснулось, и окончательно уплывая в сон, я успела услышать:

— Во что же ты вляпалась?

Вот и мне интересно. Во что?

Проснулась я в собственной кровати и минут десять просто сидела, прислушиваясь к себе и пытаюсь понять: было или не было?

С одной стороны, рубцы от целительских плетений присутствовали, ребра ныли, как после хорошего такого ушиба, а на тумбочке стоял прозрачный стакан с мутной жижей, в которой я, приняв хавшись, опознала вчерашнее «лекарство».

С другой... с чего Леннарту мне помогать? Куда вероятнее, что подлатали меня в институтском лазарете, а голоса и прочее были лишь вывертами сознания, как и почудившийся мне дед и ощущения от ошейника. Я ведь давно его сорвала. Сорвала же? Захотелось поднять руку, проверить, убедиться...

Вот только, если все так, как-то быстро меня выписали. Прямо настолько не хватает палат, что бессознательную пациентку приволокли в комнату общаги? И что-то не видно рядом желающих задать вопросы о случившемся, а не возникнуть их просто не могло.

Голова болела невыносимо. Решив, что хуже точно не будет, я залпом осушила стакан, с трудом сглотнула вязкое пойло и медленно опустила обратно на подушку.

Думать не получалось.

— Ну ты горазда спать!

Голос Трин прозвучал будто над самым ухом, но, поморщившись и повернув голову, я увидела соседку у двери.

Судя по мокрым волосам, она только вернулась из душа.

— Который час? — спросила я.

Получилось хрипло и очень тихо.

— Так полдень уже. Я думала, ты так весь выходной и продрыхнешь.

— Угу. — Я прикрыла глаза, слезившиеся от слишком яркого солнечного света. Кто вообще раздвинул шторы? — А вернулась я вчера во сколько?

— Эм... не знаю. Я пришла около десяти, и ты уже спала. — Трин, похоже, приблизилась и нависла сверху. Мне на лицо упала пара капель. — Ты пила, что ли?

Ну, что-то я определенно выпила. И вчера, и сегодня.

— Угу.

— Ого. А с кем?

— Кто б знал...

— Мда, а я-то переживала, что ты ни с кем не общаешься и тухнешь в комнате.

Что-то странное послышалось в ее голосе, настолько непривычное, что я, невзирая на боль, распахнула глаза. Но Трин уже отвернулась и отошла, вытирая волосы полотенцем.

— Трин...

Не знаю, что собиралась сказать, но она меня перебила:

— Мы с Лукасом хотим прогуляться по городу. Кто-то еще из парней собирался. Ну и прилипали с ними, наверное. Весело будет вряд ли, но... пойдешь?

Надо было согласиться. Вырваться с территории института, показать мои любимые места в столице, доказать, что я часть команды. Но вряд ли моя искривленная болью и усталостью физиономия добавит кому-то веселья. Сил притворяться не было. Как и концентрации, чтобы держать себя в руках и следить за обстановкой, а значит, стоило отложить даже прогулку до жилища Ульфа, не то что полноценный выход в город.

— Прости, я... пожалуй, лучше отдохну.

— Как хочешь, — отчеканила Трин и следующие полчаса сборов молчала.

Ушла тоже молча, да и я не нашла слов, чтобы что-то объяснить — сама еще ничего не понимала.

Боль отступила только около трех. За это время я предприняла несколько безуспешных попыток подняться, пару раз проваливалась в сон, стравила в ведро для бумаг остатки вчерашнего ужина и целительского пойла и, наконец, поняла, что могу шевелиться без барабанного боя в висках.

Дальше двигалась на одних инстинктах — думалось все еще плохо — и очнулась уже на полпути к мужским корпусам общаги. Благо хоть очнулась и успела затормозить.

Да что на меня нашло?

Нет, ясно, что подсознательное желание найти Леннарта и узнать подробности вчерашних событий (и убедиться в их реальности) взяло

верх, но я ведь даже не знала не то что номер его комнаты, а даже живет ли он на территории института! Это у нашей группы особые условия, но боевик-старшекурсник еще и из обеспеченной семьи с вероятностью девяносто девять процентов не пожелал бы ограничивать себя правилами общежития.

Очень хотелось треснуть себя по лбу, но я лишь резко развернулась и углубилась в парк, где на днях заметила скрытую зарослями беседку. Редкие попадающиеся на пути студенты и сотрудники смотрели на меня косо, но скорее из-за помятого внешнего вида, чем из-за сплетен. Физических сил хватало только на то, чтобы умыться лицо, заплести кривую косу и натянуть спортивный костюм. Зато магических... с ними все было более чем в порядке, и за время прогулки я выстроила вокруг себя такой щит, что если еще какая тварь осмелится напасть — ее попросту размажет по земле.

Оставалось только не потерять контроль, чтобы щит не распался и никто его не заметил.

Схему, скрывающую большинство плетений, я зубрила три месяца. Она была экспериментальной, как и большинство заклинаний, которые я нашла на базе родителей и их команды, и кое-что пришлось дорабатывать самой. Но когда торчишь в бункере под землей, охваченной Тьмой и чернью, времени на опыты хватает. Я даже полевые испытания устраивала, и нескольким монстрам не поздоровилось, но в основном старалась запихнуть в себя максимальный объем теоретических знаний, ибо не представляла, как скоро смогу вернуться домой.

И было среди этих залежей еще одно занятное плетение, которым я не преминула воспользоваться, едва добравшись до беседки.

Сначала просканировала окрестности, убедилась, что все нормальные люди предпочли провести выходной подальше отсюда, а затем запустила поисковик. Силу Леннарта я запомнила еще в первый день, когда он магичил в нашем тренировочном зале, и теперь искала этот яркий отпечаток в радиусе нескольких километров.

Как ни странно, знакомый сгусток энергии обнаружился в районе общаги. Или я ошиблась насчет его предпочтений, или он просто в гостях...

И вот настал черед того самого плетения, в которое я добавила пару узлов из шуточных школьных схем. Ничего экстраординарного —

наоборот, все настолько просто, что даже если у Леннарта возникнут вопросы, я без зазрения совести сдам эти нехитрые наработки. Рано или поздно до них все равно кто-нибудь додумается.

Ждать пришлось долго. Меня даже снова потянуло в сон, но я упрямо держала глаза открытыми, а спину до боли прямой, чтобы позорно не отключиться на скамейке. Через полчаса и вовсе встала и поприседала — отличный способ разогнать кровь. Так что когда кусты зашуршали и в беседку ввалился слегка взбешенный Леннарт, я, конечно, не лучилась бодростью, но уже и не зевала.

При виде меня злость его на миг угасла, а потом вспыхнула с новой силой.

— Эта хрень ужалила меня в задницу! — Леннарт ткнул пальцем в крошечного светлячка, который и привел его на эту встречу. Тот в ответ мигнул и погас. — Что за шутки, Валборг?

— Всего лишь слегка усовершенствованный путеводитель, — пожалала я плечами. — Не надо было игнорировать, он просто пытался привлечь твоё внимание.

— Всего лишь путево... — Леннарт осекся и поджал губы. — Ладно. Зачем он тебе понадобился?

— А ты не догадываешься? — Я все-таки снова села, ноги еще подрагивали от слабости. — Рассказывай.

Я ждала чего угодно: гневной отповеди, молчаливого ухода, ведра презрения и оскорблений. Но не того, что Леннарт рассмеется. Громко, от души, всем телом.

— Да-а-а, — протянул он, отдышавшись. — Так меня на свидания еще не зазывали.

— Это не свидание.

— А место выбрала как раз любимое парочками. — Он фыркнул и плюхнулся рядом, вытянув длинные ноги. — Скрытое от посторонних глаз, и о приближении чужака всегда узнаешь, если, конечно, сильно не увлекаться и не заглушать шорох кустов более интересными звуками.

— Не пытайся меня заболтать, — пробормотала я, не то чтобы смутившись, но... не желая обсуждать подобное с Леннартом. — Расскажи, что произошло вчера.

— Ты могла просто прийти в общагу, — будто и не услышал он.

— Ага, и спросить, в какой комнате живет Виктор Леннарт, а то о нас ведь так мало говорят в последнее время.

— Ну, ты же не вняла предупреждению и не перевелась, так что говорить все равно бу...

— Так это был ты? — перебила я.

Он распрямился:

— Что?

— Вчера. Ты пытался меня иссушить?

Наши встречи с Леннартом можно пересчитать по пальцам, но я успела повидать его разным и сейчас добавила в коллекцию еще одно, самое жуткое выражение породистого лица. Он заледенел и, казалось, был готов ударить. И предсказуемо ударил словами:

— Я не сражаюсь с малосилками. Не нападаю на девиц. И не бью в спину. — Леннарт поднялся и, развернувшись ко мне, навис сверху мрачной тенью. — Еще вопросы есть?

— Ты говорил, что я пожалею, если не уйду по-хорошему. Логично предположить... Я должна была спросить.

— И вот так запросто поверишь моему «нет, это был не я»?

Я уже размышляла об этом. Поверила бы я в его невиновность, если б не слышала их с целителем? Не подумала бы первым делом именно на Леннарта, очнувшись на той тропе в одиночестве? Да и разве подслушанный разговор что-то доказывал? Он мог напасть, понять, что цели не достиг, и замести следы.

Вот только...

Обвинить его не получалось даже гипотетически. Даже после недавних угроз.

— Поверю, — твердо ответила я, глядя на Леннарта снизу вверх. — Я слышала вас с тем парнем...

Он изучал меня еще пару мгновений, затем криво усмехнулся и снова сел рядом, только теперь подавшись вперед и упершись локтями в колени. Словно не хотел больше на меня смотреть.

— Ответы за ответы, Валборг. На каждый твой вопрос я задам свой. Или давай прощаться...

— Идет, — быстро согласилась я. — В смысле, ответы за ответы. Запросто.

У меня, конечно, немало тайн, но вряд ли Леннарт сможет нащупать нужную ниточку, чтобы за нее потянуть. А если и сможет...

ложь и полуправду еще никто не отменял. Тем более он и сам наверняка откровенничать не собирался.

— Начинай, — произнес Леннарт, не оборачиваясь.

— Ты сказал своему... другу, что не видел нападавшего. Но знаешь, что ударили в спину, и что это точно была Выжималка. Значит, что-то все же видел. Что?

— Я почувствовал выброс. Мощный. Сразу говорю, не знаю, почему только я отреагировал. Может, был ближе всех. Когда добрался до тебя, ублюдок уже ушел, а плетение почти растаяло — лишь несколько самых крепких узлов осталось, и они вытягивали из тебя силу. На такое только Выжималка способна. Ну а про спину — ты лежала лицом в землю. Нетрудно догадаться, откуда пришел удар.

Я нахмурилась. Нет, я примерно этого и ожидала, кроме одного нюанса. Нападавший сбежал, а силу из меня все еще выкачивало... Леннарт вряд ли знал такие подробности о военном плетении, но я изучила каждый его изгиб, и вот в чем загвоздка: маг должен оставаться возле жертвы до самого конца и буквально переваривать чужую силу, без всякой пользы для собственного резерва, иначе схема попросту развалится. Была теория, что при определенном — очень высоком — уровне дара можно увеличить расстояние до сотни метров, но доказать ее не смогли. Не нашли такое дарование.

В те времена еще не было тьмагов из моей группы. Ну и меня.

Выводы напрашивались неутешительные. Либо на меня напал кто-то из своих, либо в институте обитает еще один неучтенный талант, либо Выжималку усовершенствовали. Очень хотелось верить в последнее, но...

— Моя очередь, — вернул меня в реальность голос Леннарта. — Какие у тебя показатели?

Я напряглась, хотя не сомневалась, что именно об этом он спросит в первую очередь.

— Тринадцать-тринадцать, — выдала я свои официальные резерв и потенциал.

Леннарт даже повернул ко мне голову и скептически изогнул бровь, но комментировать не стал.

— Кто меня лечил? — продолжила я наш обмен.

— Аспирант с целительского. Имя не назову, тебе ни к чему, а он никому не расскажет.

Да, про клятву я слышала урывками, но суть уловила.

— Что у тебя с Бергом? — внезапно спросил Леннарт, и хорошо, что при этом снова на меня не смотрел, а то бы наслаждался приоткрытым от удивления ртом. — Вы вместе? Я слышал тогда, как он согласился быть твоей парой. Если ты все еще сама уговариваешь парней...

— Речь о боевой двойке, придурок, — процедила я, с трудом удерживаясь от рукоприкладства.

Я понимала, что злят меня намеренно, но легче от этого не становилось.

— Это не ответ.

— У нас с Бергом учеба. Все. — Я шумно выдохнула и на миг прикрыла глаза. — Почему ты никому не рассказал о нападении, не отнес меня в лазарет, взял с целителя клятву о неразглашении?

— Подумал, что ты не обрадуешься расследованию и вопросам о том, каким чудом ты не выгорела.

— Тебя так волнует моя радость?

— Сейчас не твоя очередь, — хмыкнул Леннарт и на сей раз повернулся ко мне всем корпусом. — Пойдешь со мной на бал?

Первым делом мне захотелось оглядеться, ибо после предыдущего подобного предложения меня огрели Выжималкой. Вторым — рассмеяться. Третьим — потрогать Леннарту лоб, а ну как там жар вовсю. А еще я почувствовала, как затрещал и развалился мой щит, благо хоть маскирующее плетение удержалось, и его я снесла сама секундой позже.

Леннарт нахмурился:

— Что ты сделала? Я не вижу, но...

— Ты уже задал вопрос, — хрипло ответила я, все еще пытаюсь собраться с мыслями.

Какого демона всем приспичило идти на этот бал со мной? И как хранить концентрацию, если каждый так и норовит вывести меня из равновесия? Во Тьме я таскала этот щит неделями без усталости и сбоев, а здесь и часа не продержалась.

Надо было оставаться в комнате, как и собиралась изначально. Или идти к Ульфу. Или...

— Ну так?

— Я думаю, Леннарт. Пытаюсь решить, то ли ты свихнулся, то ли с кем-то поспорил, то ли совсем не умеешь шутить.

— Я просто следую твоему совету, — спокойно и серьезно отозвался Леннарт. — Примыкаю к врагу.

— Я тебе не враг. И это очень плохая идея...

— Отнюдь. Становиться на сторону сплетников я точно не хочу, а вот показать им, что между нами все улажено, было бы неплохо.

— Совместным явлением на бал мы только покажем твоим фанаткам, что маньячное упорство дает плоды, и тебя можно взять измором, — заметила я.

— Много ты знаешь о моих фанатках. — Он улыбнулся. Искренне и как-то неожиданно тепло. — Расслабься, Валборг. Мы не будем изображать влюбленную парочку. Придем вместе как... добрые знакомые. Станцуем пару танцев. А потом я провожу тебя и даже приставать не стану. Поверь, это свяжет сплетникам руки.

— И развяжет языки, — пробормотала я. — Все равно не убедил. Я не понимаю твоих мотивов и чую подвох.

Леннарт душераздирающе вздохнул:

— Ладно. Если я скажу, что спор есть, но я в нем не участвую, просто хочу поломать этим идиотам игру, тебе полегчает?

Как ни странно, да, полегчало. Это, конечно, не снимало всех вопросов и не объясняло столь резких перемен в его поведении и отношении ко мне, но все же. Похоже, корень проблемы опять стоило искать в их противостоянии с Кобэ-младшим.

— Кобу я уже отказала, — призналась я. — И остальным откажу, если появятся. Так что не переживай.

— Ты же не пойдешь туда одна. Так не принято.

— Я вообще не пойду.

Леннарт хохотнул:

— Плохие новости, Валборг. Для первокурсников посещение первого бала обязательно. Вас там по головам пересчитают. Так что выбирать все равно придется.

Почему я об этом не слышала? Хотя я и про сам бал узнала поздновато, просто не интересовалась этой стороной студенческой жизни.

Надо было принимать предложение Берга, он-то наверняка ни в каких спорах не участвует, а сейчас уже, наверное, поздно.

Проклятье!

Я потерла лоб и покосилась на Леннарта. Тот смотрел с выжидающей улыбкой.

— Если пойдешь одна, станешь мишенью для новых издевок. Знаю-знаю, ты со всем справишься, но это ведь так утомительно. А я... могу поклясться, что не замышляю ничего дурного. Два танца, Валборг, и я от тебя отстану. Потом будем кивать друг другу в коридорах и вежливо здороваться в столовой.

— Не надо клясться.

Я зажмурилась.

В висках снова нарастала боль, и уверена, только из-за нее я сказала следующее:

— Хорошо. Я согласна.

Все-таки надо было остаться в комнате...

О своем опрометчивом согласии я пожалела сразу же, но шанса выпасть, что передумала, мне не дали.

— Отлично. — Леннарт поднялся одним плавным, но молниеносным движением, будто пружина распрямилась. — Значит, через неделю в семь. Я зайду. И не спорь, так тоже принято. Форма одежды парадная, настроение боевое. Сейчас, извини, не провожаю, дела. Но...

И этот... наглый тип выудил из кармана булавку и, пока я ошалело хлопала глазами, прицепил мне ее на воротник.

— Я не знаю, кому ты мешаешь, но это поможет, раз уж ты так любишь в одиночку болтаться по кустам и темным тропинкам.

После чего развернулся и, не прощаясь, скрылся в упомянутых кустах.

А я только теперь вспомнила, что нужно дышать. И что я вообще-то не все вопросы задала. Например, как они с целителем незаметно протащили меня в женское общежитие? Как ушли? Кто меня раздевал (проснулась-то я в одном белье)? И когда этот демонов Леннарт бывает настоящим, потому что с его перепадами я уже совсем ничего не понимаю!

Я сидела, вросшая в скамью, с отчетливым ощущением, что получила от этой встречи гораздо меньше, чем он. Будто это меня сюда заманили озорным путевым светлячком. Будто это Леннарт всем управлял...

Ощущение зрело и укоренялось в сознании, пока я брела к заозерному домику Ульфа, пока ждала его на крыльце, пока молча сидела в светлой, но скудно обставленной гостиной и пила чай. После пятого глотка я окончательно уверилась, что меня обдурили, но злости отчего-то не было. Только недоумение.

— Ульф, — наконец отмерла я и обвела комнату рукой, — у тебя тут совсем пусто. Можешь брать все необходимое из городского дома.

— Да что вы, тэри, — всполошился старик, — мне всего хватает.

Я скептически вскинула брови:

— Только давай без скромности. Домик хороший, правда, но стола и трех стульев для гостиной маловато. А из особняка я все равно все вынесу к демонам, если тебе не надо.

Мне действительно нравилось в этом небольшом коттедже. Даже с минимумом мебели Ульф умудрился навести уют, и я бы сама с радостью предпочла одноэтажный кирпичный домик у озера дедовскому холодному склепу. Даже камин здесь горел как-то иначе. Добрее и теплее.

Ульф пробормотал что-то невнятное, явно не желая развивать тему, и я устыдилась. Вечно я ставлю его в неудобное положение.

— А я ведь заходил туда вчера, — вдруг улыбнулся он. — Как знал, что вы заглянете. И что, собираясь на учебу, о самом главном-то и позабудете. Я сейчас!

В дальнюю комнату он ускакал весьма бодро для своего возраста, а вернулся уже с... длинным чехлом для одежды.

— О нет...

— О да! — Ульф потянул за молнию. — Так ведь и не надели ни разу, а тут и повод есть. Все только про этот бал и говорят...

— Ульф... — Я закрыла лицо руками, не желая смотреть на содержимое чехла, но через минуту напряженной тишины осторожно раздвинула пальцы.

Так и есть. Платье для моего несостоявшегося дебюта. Пышная многослойная юбка, прикрывающая колени, открытые плечи, тонкий пояс, нежный голубой цвет... Когда-то я чуть не визжала, настолько оно мне нравилось, а теперь... испытывала весьма смешанные чувства.

Улыбка на лице Ульфа сменилась растерянностью, а затем и грустью.

— Вы ж и не изменились почти... я подумал, впору будет. А если где чего, так магией подправите. Но... наверное, уже немодно, да?

— Нет! — Я подбежала к нему и взялась за чехол поверх старых морщинистых ладоней. — Оно все так же прелестно. Спасибо, я как раз переживала, что совсем нечего надеть.

— Врете ведь, — вздохнул Ульф.

Вру. О наряде я не задумалась даже после слов Леннарта, но платье действительно пришлось кстати. А мои чувства... ну их к демонам. И моды туда же. Если честно, даже три года назад такой

фасон сочли бы жутко устаревшим, ведь я ориентировалась на мамину фотографию двадцатилетней давности, где она позировала в подобном платье.

К тому же я не собиралась блистать на этом балу. Так что все очень удачно.

— Ты меня спас, — заверила я. — Иначе пришлось бы идти в студенческой форме.

— Вы бы и в форме были краше всех, — гордо заявил Ульф, и ведь на полном серьезе.

Глаза защипало, и я мысленно поклялась никогда больше не жаловаться на детство без родителей и на жестокость деда. Потому что, невзирая на все это, у меня было главное, чего лишены многие. Искренняя любовь и забота не кровника, но самого прекрасного человека на свете.

Он сохранил платье. Он сохранил демоново платье!

В общежитие я возвращалась засветло, дабы не искушать судьбу. И чехол свернула в рулон и сунула под мышку — потом разглажу, а сейчас лишнее внимание мне точно ни к чему.

Мысли нет-нет да и возвращались к разговору с Леннартом. И хотела бы я сказать, что анализировала новые сведения, пыталась вычислить нападавшего, который все еще где-то рядом, и накидывала план действий, но, увы. Я думала только о том, как все закончилось. И нервно трогала золотую булавку, мягко фонившую обережной магией, словно боялась ее потерять.

Кисель в голове раздражал. Я оправдывалась гормонами и утраченной юностью, убеждала себя, что ничуть не изменилась и по-прежнему верна главной цели. Но правда заключалась в том, что мир людей нещадно на меня влиял. И мне хотелось, до ужаса, до дрожи в коленках хотелось пожить немного как самая обычная студентка.

Вот только поддаваться этой слабости я не собиралась. И уже у двери в комнату знала, что сейчас уберу платье в дальний угол и не посмотрю на него до самого бала.

Пора было вспомнить, кто я, и заняться тем, что и привело меня в ИОВ.

Я никогда не интересовалась бытием богов и даже не знала поименно всех упомянутых в Книге Вечности, но, похоже, кто-то из них все же впечатлился моей решимостью и помог. Потому что уже на следующий день в группе наметились первые успехи.

Нас все же перетасовали, хоть и не всех — к примеру, Трин с Лукасом не разлучили, да и Берг остался со мной, — и в одной из новых пар дело пошло, да еще как. Ян Монсон и Аарон Сворт успели подружиться и, оказавшись в связке, моментально выдали результат, будто тренировались. Монсон ровным потоком передал напарнику силу, минуя его крошечный резерв, а тот успешно влил ее в филигранно выстроенную схему. Вот только когда осознал, что все получилось, растерялся, пережал два узла, и наш многострадальный зал обзавелся еще одной подпалиной на стене.

Никогда еще ИОВ не видел столь разрушительных бытовых плетений.

А дальше... плотину прорвало.

К вечеру еще две пары продемонстрировали уверенное слияние, и у трех наметился пусть не такой активный, но прогресс. Теперь и мне можно было выйти на свет, так что в последние десять минут занятия я тоже подхватила магический поток Берга и влила в выстроенный боевой щит.

Тот самый, что мэтр Кобэ требовал от меня при поступлении.

Получилось не то чтобы идеально, я неуклюже расплескала кучу драгоценной энергии, но щит выдержал удар мэтра, и мы удостоились скупой похвалы.

Берг на это только хмыкнул — он-то видел, как тяжело мне давались все эти махинации, и знал, что мы могли отличиться давным-давно. А я... пыталась понять, почему Кобэ не проявляет особой радости.

Конечно, он в принципе не слишком эмоционален, но сейчас складывалось впечатление, что наш успех его скорее угнетает, чем наоборот.

— Мало, — пробормотал он, прежде чем махнуть на нас рукой и скрыться за дверью.

И я была вынуждена согласиться.

Всего этого мало, если нас и впрямь хотят бросить на границу уже через три недели.

Терпение тьмагов тоже немного удивляло, и я морально готовилась к моменту, когда оно иссякнет и начнутся вопросы. Как минимум у Берга их уже наверняка накопилось немало, но я предпочитала думать, что он просто, как и я, пока присматривается, а не знает обо мне больше необходимого, ибо второй вариант делал его неплохим кандидатом в таинственные выжиматели.

Впрочем, им мог оказаться не то что любой из нашей группы, а вообще кто угодно, и это нервировало. Я не расставалась с булавкой Леннарта, цепляя ее даже на пижаму. Не то чтобы оберег отличался особой мощностью, но он мог подарить мне драгоценные секунды для концентрации и защиты.

Ну и маячок, ловко спрятанный среди стандартных узлов, я трогать не стала. Хочется кое-кому следить за моими передвижениями — милости просим. Никаких тайных вылазок я в ближайшее время не планировала, а вот снова оказаться на темной тропе без сознания или при смерти вполне могла, так что даже неплохо, что Леннарт при желании сумеет быстро меня найти.

Было бы это желание...

Его слова про обязательное присутствие первокурсников на балу подтвердили преподаватели, напоминая нам об этом на каждой лекции, а вот в реальности спора я еще сомневалась, так как приглашения отнюдь не сыпались на меня со всех сторон. Правда, Кобэ-младший при встрече в столовой показательно кривился и бросал многозначительные взгляды, так что, вероятно, Леннарт просто уже порадовал спорщиков радостной вестью, но... все могло быть совсем иначе.

Из разговоров парней я поняла, что Берг все же пригласил свою красотку, и успокоилась. Хотя для очистки совести стоило рассказать, при каких обстоятельствах у меня появилась пара на бал, но я вдруг вспомнила, что от него приглашения так и не прозвучало. Он просто поинтересовался, иду ли я с кем-нибудь, так что любые оправдания сейчас могли показаться глупыми — вдруг я надумала, чего нет. В

общем, эту тему я тоже решила не поднимать. В конце концов, Берг, как и все, слышал предупреждение преподавателей, значит должен знать, что мне придется идти.

В итоге я, как и собиралась, благополучно задвинула все посторонние мысли подальше и сосредоточилась на изучении силы тьмагов.

Пока мэтр Кобэ с особым остервенением гонял нас по залу и требовал теперь уже обязательных успехов в магическом взаимодействии, я потихоньку сливалась с каждым из двенадцати невольных подопечных и следила за реакцией.

Сила одних поддавалась легко и незаметно для владельца, будто чувствовала родственную связь и спешила навстречу. Так я помогла сдвинуться с мертвой точки Хольму с напарником и сдержала близкий срыв Валлина.

Другие же явно чувствовали вмешательство и сопротивлялись. Вероятно, даже неосознанно, но с ними могли возникнуть проблемы, когда мы окажемся на границе.

Я знала, что их потянет во Тьму, и должна была не только суметь удержать всех в здравом уме, но и показать, как можно навсегда избавиться от этой зоны отчуждения.

Избавиться от черни.

Когда-то я обдумывала вариант рассказать обо всем заранее, но это было до того, как увидела, насколько все тьмаги молоды. Нет, окончательно я эту идею не отринула, но, прежде чем открывать рот, надо понять, как они относятся к неожиданной силе.

И те, кто сопротивлялся, кто вцепился в нее намертво, как в спасательный круг, внушали опасения.

Сложнее всего было с напарником Трин, Лукасом Лайне.

Он болезненно вздрагивал, стоило к нему только потянуться — даже не дотронуться, — будто я ему операцию наживую делала. Полное слияние и принятие.

Великая любовь к обретенной магии.

Это куда хуже, чем ситуация Берга и еще пары парней, ненавидящих свою новую суть. Хотя в их случае я тоже ждала неприятностей — отвергнутая магия может обернуться самым лютым врагом. Нужна была золотая середина. Об этом я и говорила в самом начале, в этом и стремилась помочь.

В общем, почву для размышлений, терзаний и волнений мне подкинули благодатную, да и озверевший мэтр драл с нас по три шкуры, так что времени на всякие глупости не оставалось. И не только у меня. За шесть дней никто не влез ни в одну драку и не получил отработку. К концу недели каждый наш слабенький маг, пользуясь мощью напарника, мог удерживать сложные плетения, о которых раньше не смел даже мечтать. Еще мы с горем пополам сдали промежуточные нормативы по физподготовке, провели неудачный эксперимент со скрещенными потоками (один маг и два тьмага), удачный — с разделением потока (один тьмаг и два мага) и получили от мэтра обещание, что со следующей недели «займемся наконец настоящим делом».

Его суровый взгляд напугал бы даже меня, если бы не внезапное осознание, что бал, мысли о котором я так старательно гнала, уже завтра. И он куда страшнее.

Признаться, за усиленными тренировками я даже не заметила, насколько отдалилась Трин, и только утром перед балом поняла, что она со мной почти не разговаривает. То ли все еще хранит обиду за мою выдуманную гулянку с неизвестными студентами, то ли я еще в чем-то успела провиниться. Не то чтобы за первые несколько дней общения мы стали лучшими подружками — я вообще сомневалась, что способна на такую степень близости, — но ведь именно Трин еще совсем недавно поддерживала меня и твердила, что боевики своих не бросают.

И теперь, наблюдая, как она хмуро ходит по комнате и готовится к празднику, я откровенно не знала, как все исправить. Неуклюжие вопросы о нарядах и прическах, в которых я не разбираюсь, были встречены равнодушными взглядами и скупыми ответами в стиле «платье в шкафу», «прическа будет обычная». И предложение помочь друг другу в сборах восторга не вызвало.

Наверное, я трусиха или просто не умею даже приятельствовать, не то что дружить, но напирать не стала. Все к лучшему. Всегда держи дистанцию. Тогда не придется врать и переживать о чьих-то чувствах. Одной ведь проще.

В конце концов Трин просто сгребла все необходимое и, милостиво сообщив, что будет с какими-то девчонками со второго, ушла. А я осталась, не представляя, чем убить целый день нервного ожидания.

Неужели кому-то и правда нужно восемь-десять часов на сборы?

Примерно до трех я читала замаскированный под учебник отцовский дневник — единственное, что смогла вынести из бункера во Тьме, — в тысячный раз повторяя нужные схемы. Они и так были сложные и многослойные, а мне еще предстояло вывернуть все наизнанку, обернуть вспять, и любая ошибка могла стать фатальной. Не для меня — для мира.

Затем не то пообедала, не то поужинала в пустой столовой (видимо, к балу все и впрямь готовились как к аудиенции у императора, чтоб волосок к волоску и ни единой лишней складки на

одежде) и немного побродила по парку. Напряжение копилось, и если честно, я бы предпочла еще одну тренировку у мэтра всему этому безделью и в какой-то момент даже наострила стопы в сторону пятого зала, но вовремя опомнилась.

Не сегодня. И отдых порой важнее тренировок, особенно когда внутри дребезжат натянутые струны. В итоге я краем глаза зацепилась за озерную гладь, вспомнила об уюте и тепле домика Ульфа, и решила, что Леннарту все равно, откуда меня забирать. Зря, что ли, маячок ставил. Пусть пользуется.

В общагу я возвращалась бегом. Так же быстро влезла в платье, которое даже подправлять не пришлось, распустила и расчесала волосы, сунула ноги в повседневные туфли на небольшом каблучке и накинула пальто. Осень уже вступала в свои права, даже листва местами пожелтела, и ветра вокруг ИОВ гуляли холодные.

В зеркало смотреться не стала. Ни к чему провоцировать на новые эмоции мою внутреннюю наивную девочку Каю, ее и так ждет непростой вечер.

Общежитие гудело десятком ульев: хлопали двери, звенели взволнованным голоса, по коридорам носились студентки с вешалками, шкатулками и щипцами. Я поплотнее запахнула пальто и попыталась проскочить незамеченной, но одна из девиц вдруг преградила мне путь.

— Валборг, ты на бал не идешь, что ли?

Высокая, рыжая. Я не помнила, чтобы нас познакомили, но... кажется, мы пересекались на паре лекций. Целительница с четвертого. Имени я, разумеется, не знала.

— Смотри, первакам за прогул отработка. Оправданий нет. Разве что в лазарет угодишь.

— А ты? — спросила я.

— Конечно. Я каждый год хожу. — Девчонка тряхнула волосами. — Не то чтобы такое уж веселье, но в этой рутине хоть что-то.

Веселье меня волновало мало, а вот количество народу... Это ж какая там соберется толпа? Все новички плюс как минимум треть остальных курсов. Зал, конечно, огромный, но чувствовать себя фасолью в банке не хотелось. А вот в лазарет — очень. Почему я раньше до этого не додумалась?

— Я пойду, — пробормотала я и попыталась протиснуться мимо, но целительница снова заступила дорогу, еще и за руку меня схватила.

— А с кем?

— Да так...

И почему отшивать наглецов вроде Кобэ-младшего мне в разы проще, чем поддерживать или пресекать вот такую девчачью болтовню?

— Ну, надеюсь, твой Да Так любит естественность и простоту. — Рыжая окинула меня многозначительным взглядом и наконец отступила. — А то, знаешь ли, на твоего Да Так много желающих...

По лестнице я спускалась злая как тысяча демонов бездны, только не понимала, с чего вдруг. Конечно, этот странный разговор не оставил сомнений, что уже каждая собака знает, с кем я иду, только никак не может в подобную нелепицу поверить, но мне-то какая разница?

Хотя я ведь говорила Леннарту, что этот глупый план лишь взбудоражит его фанаток и усилит сплетни, но нет, благородный тэр знает лучше, благородный тэр самый умный! А мне теперь терпеть нападки чокнутых девиц. И ладно если словесные, но они ведь могут и на что похуже отважиться.

Та же Выжималка — кто сказал, что это не месть какой-нибудь влюбленной идиотки, услышавшей наши с Леннартом имена в одном предложении? У них, у влюбленных, вообще мозги набекрень, и нет никого страшнее отвергнутой женщины. Да, тогда он меня еще не пригласил, а я не согласилась, но слухи ходили разные, я, наверное, и половины не слышала.

Еще этот спор дурацкий. Если он действительно существует, то Кая Валборг опять у всех на устах — тот еще раздражитель для чувствительных особ. Если какая-то...

Боль прострелила плечо раскаленной стрелой, обрывая и выбивая из головы истеричные, несвойственные мне мысли. Я вскрикнула, дернулась и, не удержав равновесие, упала... в воду.

Что за?..

Я моргнула и огляделась. Так и есть, парковое озеро. И я на берегу, точнее уже успела зайти по колено в воду, прежде чем плюхнулась на задницу. Плечо саднило, и я, распахнув пальто, устала на постепенно бледнеющее красное пятно на коже над

линией декольте, по форме подозрительно напоминающее леннартовскую булавку.

Точно, я ведь машинально прицепила ее на подкладку...

Я с трудом поднялась и, не рискуя сушиться магией на улице, кое-как руками отжала потяжелевшую одежду и побрела вдоль озера к коттеджу Ульфа. Мысли уже прояснились, но не радовали, потому что, во-первых, я не заметила — не заметила! — ментального воздействия, а во-вторых, одна рыжая и не в меру талантливая целительница на него отважилась. Это ведь она, больше некому. Вряд ли девчонка хотела меня утопить, скорее, окунуть разок-другой, тем более если разглядела под пальто бальное платье, но утешительного все равно мало.

Слишком уж легко ей удалось завести меня до предела и отправить по нужному маршруту...

Что ж, теперь сами боги велели узнать ее имя. И поблагодарить за отрезвляющие водные процедуры.

Ульф у я соврала, что задумалась и оступилась у кромки озера, и вскоре уже наслаждалась его заботой, теплом камина и горячим чаем. И одежду без необходимости скрывать потенциал привела в порядок довольно быстро, хотя бытовые плетения отнюдь не мой конек, но у прежней Каи на такую глобальную сушку и чистку и вовсе бы не хватило сил. Полагаю, на то и был расчет. Бедная несчастная обделенная магией неудачница после купания в озере отказывается идти на бал и рыдает в углу.

Наверное, для нормальной восемнадцатилетней девчонки это и впрямь стало бы горем, да и злопыхательница наверняка сейчас мнила себя коварной интриганкой, провернувшей грандиозную пакость. А мне было почти смешно от этих надуманных проблем и трагедий.

«Почти», потому что, как я ни искала следы ментального воздействия, ничего не находила.

А ведь должно было остаться хоть что-то. Манипуляции с разумом — это магия целителей, и она тоже оставляет если не рубцы, как работа с телом, то как минимум фон. Но на мне не было ни единой искры чужой силы.

Я бы даже решила, что действительно сама себя накрутила, увлеклась и забрела в воду, и булавка Леннарта отреагировала не на чье-то плетение, а на непосредственную опасность утопления. Оберег был настроен и на подобные случаи тоже. Вот только... я могла плохо разбираться в людях, не всегда понимать их мотивы и потребности, но себя за последние годы изучила основательно.

И это были не мои мысли и не мои чувства.

Ладно, чувства, может, и мои. Самую малость. Менталист всегда берет за основу эмоции пациента. Но одно дело легкое раздражение обстоятельствами, которое я не сумела подавить, а рыжая зараза подогрела наглыми вопросами, а другое — звенящая злость, до сих пор эхом отдающаяся в висках.

Вот как надо взбеситься, чтобы случайно зайти в воду и не почувствовать этого?

Очень, очень сильно. Не мой случай.

В итоге получалось, что за неделю меня атаковал уже второй неучтенный талант. Какова вероятность? Или я слишком мало знаю о менталистике? Этот раздел целительства довольно ограничен сам по себе, и в записях родителей ему не уделялось достаточно внимания, так может, рыжая просто умело замела следы?

Голова пухла от вопросов, и за час размышлений я приняла только одно решение. С целительницей надо поговорить. А еще оценить ее реакцию, когда я все же явлюсь на бал. Мысль обратиться за помощью к Леннарту и лечившему меня аспиранту, как знатоку, я безжалостно отмела. Ни к чему вовлекать других, пока не попробовала разобраться сама. Вот если не справлюсь...

Ульф наверняка заметил мою отрешенность и не лез с вопросами, просто ненавязчиво делился впечатлениями о жизни на территории ИОВ. Работа ему нравилась, но сегодняшний вечер немного пугал: следить, чтобы веселящиеся студенты не разнесли парк и не угробились, — большая ответственность. Правда, в помощь ему выделили старшекурсников с природного, которые должны будут патрулировать все уголки, но в случае чего все шишки все равно посыплются на зрителя.

— Я же даже не маг, — вздохнул он. — И они говорили, что для этой должности сила и не нужна, лишь внимательность. Вот только как мне успокаивать одаренных детишек?

— Точно не магией, — фыркнула я. — Это запрещено в любом случае. Тебе же выдали сигналку? — Ульф ткнула пальцем в нагрудный значок, и я кивнула: — Вот и вызовешь подмогу, если кто-то распоясается. Не переживай, сегодня все преподаватели будут настороже. Это ты новичок, а у них такие празднества дважды в год.

Не думаю, что мои речи подействовали, но Ульф через силу улыбнулся и сменил тему. Я уже не нервничала так, как утром — за одно это стоило сказать рыжей «спасибо», — и время ожидания пробежало быстро и безболезненно. Мы обсудили мою учебу и доклады Торвальда, которому я так и не удосужилась перезвонить. Надо не забыть сделать это до рейда... А еще Ульф настоял на необходимости прически и заплел мне сложную пышную косу из множества прядок, как в детстве. Горничным я никогда не давалась, а вот этим сморщенным рукам доверяла...

Ну и в зеркало все же пришлось заглянуть, благо в тот миг, когда я увидела себя в полный рост, в дверь постучали, и я не успела позорно разреваться. Нет, выглядела я более чем прилично, но благодаря платью сходство с мамой стало слишком заметным.

Открывать я бросилась сама, чем немало удивила и Ульфа, и Леннарта, застывшего на пороге. Вряд ли он ожидал, что его встретят с облегчением и даже радостью.

Когда я затащила его в дом, Леннарт даже дверь до конца закрывать не стал, словно на всякий случай готовил путь к отступлению. А внутри с подозрением огляделся, поздоровался со смущенным Ульфом и снова посмотрел на меня:

— Кажется, тэри Валборг сегодня в прекрасном расположении духа. Так рада балу? Или мне?

— Кажется, у тэра Леннарта завышенная самооценка, — в тон отозвалась я. — За мое прекрасное настроение ответственен только один мужчина в этой комнате. И это не ты.

Леннарт улыбнулся:

— Вот теперь все на своих местах. — И вдруг взял меня за руку. — Позволишь?

Я растеряно кивнула, не представляя, что он собирается делать, а через мгновение уже любовалась цветочным браслетом на своем запястье.

— Традиции, — пояснил Леннарт, но голос звучал напряженно.

Я оторвала взгляд от цветов. Выглядел Леннарт тоже напряженным и донельзя сосредоточенным и так внимательно меня рассматривал, словно чего-то ждал.

— Эм... спасибо, — пробормотала я. — Люблю миддлемисты.

Он расслабился и хмыкнул:

— Ну конечно.

Я нахмурилась, все еще ничего не понимая:

— Что-то не так?

— Нет, наоборот. Теперь все так, — снова разулыбался Леннарт. — Ты сегодня особенно прелестна. Идем?

Я взяла заботливо протянутое Ульфом пальто, поцеловала его в щеку и, дождавшись, когда мужчины обменяются суровыми кивками, вслед за Леннартом вышла на улицу.

Парк медленно, но верно погружался в сумерки, вдоль тропинок уже горели золотистые фонари, а в пожелтевших кронах мерцали разноцветные праздничные светлячки. Впрочем, ими украшение территории и ограничивалось.

Я осторожно взялась за оттопыренный локоть Леннарта, и мы чинно двинулись к главному учебному корпусу ИОВ.

Будто и впрямь пара на прогулке.

— Чудесная погода, — произнес Леннарт.

Я зябко передернула плечами и покосилась на него:

— Серьезно? Хочешь обсудить погоду?

— Необязательно. Можем выбрать тему поинтереснее. Например, что за напасть с тобой стряслась пару часов назад и ополовинила резерв оберега?

Свободная рука сама собой метнулась к груди, где под плотной тканью пальто все еще грела сердце подаренная булавка.

— Ты... что-то почувствовал? — спросила я.

— Твое состояние он не отслеживает, не волнуйся. Просто вижу, что заряд ослаб. Это же моя сила.

— А время как определил?

Леннарт глянул на меня насмешливо:

— По степени восстановления. Теперь уже твоей силой.

Значит, оберег снова накапливает энергию, это хорошо. И что мой истеричный всплеск останется втайне — тоже. А вот необходимость выдумывать правдоподобную историю не радовала.

— Я просто... оступилась, — все же ответила я, почти не солгав.

— Угу, — «поверил» Леннарт. — Значит, возвращаемся к погоде. Говорят, опять чуть снег не пошел, но повелением императора природники отогнали метель от столицы. Так что можем считать, что этот промозглый вечер и впрямь прекрасен.

Я улыбнулась его светскому тону, стараясь не думать об истинных причинах всех этих аномалий. То есть обо мне и тьмагах, одним своим существованием вне Тьмы нарушающих баланс. И ведь погода — только цветочки. Я даже предположить боялась, что будет дальше, если не исправить ошибку.

— Я люблю снег. В положенное ему время года, разумеется.

— А ты, оказывается, любвеобильна. Миддлемисты, снег... что еще удостоилось ваших светлых чувств, тэри Валборг?

— Копченая рыба и клюква в шоколаде.

Леннарт многозначительно кивнул:

— Отличный переход. От погоды к гастрономии, я так и планировал.

— Подготовил список тем? — хмыкнула я.

— Конечно. Как истинный тэр на случай неловких пауз.

Я все-таки рассмеялась, но скорее от неожиданности. Я и не знала, что он может быть... таким. Хотя что я вообще знала о Викторе Леннарте помимо своих старых обид и наших не совсем удачных

столкновений в ИОВ? Рядом со мной шел незнакомец. Безумно привлекательный незнакомец. Пожалуй, встретить я его впервые, залюбовалась бы резковатыми чертами и разворотом плеч и несомненно оценила бы, насколько ему идет темно-синий парадный костюм.

Да, так бы и было, если б не последние три неполных года, но сейчас... любоваться я немножко разучилась.

— Почему ты меня пригласил на самом деле? — вдруг вырвался вопрос.

Внезапно даже для меня самой.

Я, конечно, помнила про заклятого друга-соперника, про спорщиков, которым Леннарт решил поломать игру, про якобы удачный способ утихомирить сплетников. Но все это годилось для первых, наспех состряпанных отговорок, слишком поверхностных, чтобы быть правдой. А мне хотелось узнать истинную причину, и когда Леннарт не ответил сразу, а смерил меня задумчивым взглядом, появился шанс, что я ее все же услышу.

— Я... пытаюсь понять, — наконец произнес он.

— Что понять?

Леннарт снова помолчал.

— Насколько сильно я облажался.

Пальцы невольно сжались на его локте, хотя впору было отшатнуться. Я стиснула зубы и следующие несколько минут пути смотрела строго перед собой, выдохнув, только когда из-за деревьев показался учебный корпус.

Леннарт тоже не спешил разорвать напряженную тишину, и мне захотелось отвесить нам обоим затрецины. Себе — за вопрос, ему — за ответ, которые разрушили хрупкое перемирие.

Вверх по каменному крыльцу стекался разряженный народ и исчезал в распахнутых дверях. После будней, наполненных монохромной студенческой формой, видеть на этих ступенях такое разноцветье было немного странно. Мы влились в поток и вскоре, избавившись от верхней одежды, стояли под искрящимися праздничными сферами в том самом зале, где две недели назад преподаватели приветствовали новичков.

Только на сей раз не было складных стульев и удушливой жары, и людей собралось не настолько много, как я думала. Будто даже

первокурсники не все пришли.

Я нахмурилась.

— Хочешь фокус?

Не дожидаясь ответа, Леннарт взяла меня за руку и потащил за собой меж колоннами, а в следующую секунду воздух пошел рябью, словно от сильного жара, и... что-то изменилось. Нет, мы по-прежнему находились все в том же зале, над головой мерцали все те же магические сферы, на сцене играли все те же музыканты, даже полустершаяся надпись на ближайшей колонне никуда не делась. Но люди, которых я разглядывала мгновение назад, сменились другими.

Дыхание перехватило.

— Это?..

— Многослойное пространство, — понял мое восхищение Леннарт. — Есть общие зоны — сцена, например. И фиксированные переходы, чтобы танцующие случайно не столкнулись. А в остальном... Сейчас здесь три слоя, на каждом из которых по две-три сотни гостей.

— Поразительно! — выдохнула я.

— Это еще что. Пару лет назад был турнир, встречалось несколько институтов и академий, так наши мэтры умудрились создать сразу десять слоев!

Я о таком читала, но никогда не видела вживую, потому не смогла удержаться и уже сама протащила Леннарта через переход. И еще раз. А потом вертела головой, пытаюсь найти другие искажения.

— Там еще один! — ткнула пальцем в противоположный угол зала.

— Верно, — улыбнулся Леннарт. — Хочешь сходить на третий слой?

Я рванула было в ту сторону, но через пару шагов замерла.

— Нет. Успеется. — И снова огляделась. — И как народ друг друга находит?

— Это своего рода игра. Некоторые заключают пари и прячутся друг от друга весь вечер. Другие стремятся повеселиться на каждом слое. Но вообще, потому и принято ходить на бал парами или дружескими компаниями, чтобы не остаться одному среди незнакомцев.

Я прищурилась:

— Значит, я могла прийти сюда просто с друзьями?

— Конечно. — Леннарт невинно похлопал глазами. — А кто-то сказал, что не можешь?

— Вот ты... — Я осеклась и махнула рукой.

Демон с ним. Сама виновата.

— Не злись. Мне нужно было хоть какое-то преимущество.

— Ага, а мне нужно выпить. Или игристого студентам не положено?

— Только игристое здесь и дают, — рассмеялся Леннарт. — Сейчас принесу. Только не уходи на другие слои, все равно найду.

Я фыркнула, но комментировать не стала. Уж что-что, а спрятаться я могла так, что никто не найдет. Никогда.

Он тут же растворился в толпе, а я лишь теперь заметила направленные на меня взгляды. Причем глазели и перешептывались даже те, кого я видела впервые. Уверена, явись я одна, а не под ручку с Леннартом, осталась бы незамеченной, но нет, мне еще и меж колонн приспичило его потаскать. Дура.

Мысленно ругая себя на все лады, я нацепила на лицо любимую дедом надменную маску и приготовилась к долгому вечеру. Очень долгому.

— Как же быстро он тебя покинул, — вдруг посетовали рядом. — Я бы никогда так не поступил со своей спутницей.

Я покосилась на замершего справа Коба, блистательного в черном с золотом смокинге, и приподняла бровь:

— И где же твоя спутница?

— Я же пообещал, что не буду никого звать в надежде на твоё благоразумие. — Коб душераздирающе вздохнул. — И вот теперь скитаюсь... Одиноким на каждом из трех слоев.

— Очень правдоподобно, — закатила я глаза.

— Зря сомневаешься. Я, может, впервые в жизни настолько искренен.

— Будь таковым почаще, и люди к тебе потянутся.

— Ну хоть потанцуй со мной. — Коб попытался взять меня за руку, но я отступила и, повернувшись к нему теперь уже всем телом, указала на празднично шатающихся студентов:

— Танцы еще не начались.

— Так будем первыми. Музыка-то уже есть.

— Ладно. В чем дело? Были еще какие-то ставки? Не только, с кем я пойду, но и с кем выйду на первый танец?

Коб соорил непонимающую мину:

— Откуда такие мысли? Я не могу просто так пригласить красивую девушку?

Но смотрел при этом почти зло.

Да уж, искренен до предела.

— Слушай, давай договоримся. Ты заканчиваешь свои игры, а я...

За его спиной мелькнула знакомая огненная шевелюра, и я умолкла.

— А ты? — подтолкнул Коб. — Продолжай, я заинтригован.

Но мне было уже не до него. Рыжая целительница, обработавшая меня в общаге, как ни в чем не бывало подплыла к небольшой группке студентов и влилась в разговор. Выглядела она чудесно, и зеленое облегающее платье в пол ей очень шло, и если б не лицо, искажившееся при взгляде на меня, я бы назвала ее красавицей.

— Как зовут вон ту рыжую? — спросила я, не разрывая зрительного контакта.

Она тоже не отводила глаз, что-то рассказывая стоящему рядом парню.

— Ты про Хелен Эрт? Ого, как зыркает. Да, Валборг, ты умеешь заводить друзей.

Вот именно, что я Валборг, единственная наследница могущественного древнего рода, но все об этом почему-то забывают. Да, силы мне от рождения не досталось, но магия в этом мире решает далеко не все. И пусть мне не слишком хотелось пользоваться именем, кажется, с такими как эта Хелен иначе нельзя.

— Что ты о ней знаешь? — снова спросила я Коба.

Он нахмурился:

— Я тебе не справочное бюро.

— Отлично. Тогда поработай почтальоном. Передай Леннарту, что я сама его найду. И можете выпить игристого на брудершафт и обсудить ваши проблемы. А то достали уже. Оба.

Последние слова я договаривала уже через плечо, решительно устремившись к Хелен Эрт.

Невероятно, но целительница попыталась удрать. Будто испугалась, что я наброшусь на нее с кулаками — смех да и только! Хотя... может, я перестаралась с решительным видом? В любом случае, носиться за ней по залу я не собиралась, и если б Хелен действительно побежала, я бы плюнула на все и осталась ждать Леннарта. Но развить необходимую для спасения скорость ей мешали высоченные каблуки и узкое платье, так что девица просто быстро-быстро засемила к переходу на третий слой, похожая скорее на едва родившегося жеребенка, чем на грациозную лань.

Ну а мне хватило обычного шага, чтобы догнать ее и схватить за руку по ту сторону перехода.

Народу здесь было больше, и музыка почему-то звучала громче, а сферы, наоборот, едва мерцали. И танцы уже начались, хотя нам вроде обещали выступление ректора, когда все соберутся.

Как бы то ни было, на наше появление особого внимания не обратили, и я потащила упирающуюся Хелен в сторону от основной толпы.

— Поговорим?

— Отвали, чокнутая! — Она слабо дернулась и попыталась шарахнуть меня током, но я разорвала плетение на подлете.

Серьезно, что в голове у этой идиотки? Я даже не боялась показать силу — она все равно не сможет сложить два и два.

— Я закричу, — зашипела Хелен.

— Кричи. И все узнают, что ты балуешься с чужими мозгами.

— Не докажешь!

О боги...

Мы наконец добрались до тихого уголка за одной из колонн, и я толкнула рыжую к стене.

— Вся прелесть в том, что это тебе придется доказывать обратное. А от меня потребуется только слово. Догадываешься, какое?

Даже в полумраке было заметно, как она побледнела.

— Ч-что? О ч-чем ты?

— Ты же все поняла, Хелен Эрт. Так что заканчивай маяться дурью и просто скажи, как и зачем ты это сделала.

Меня воротило от собственных интонаций, от властных ноток в голосе, напоминающих о деде, но время быть водой, которая точит камень, прошло. Некоторые понимают только силу, и порой проще долбануть по камню чем-нибудь потяжелее.

— Да ты... ты никто! — Хелен задрала подбородок и оттолкнула мою руку, но уйти, что показательно, не попыталась. — Жалкая слабосилка. Говорят, старик тебе ничего не оставил, и...

— Хелен, — перебила я, — я Валборг. Последняя. Я глава одного из древних родов. И пусть многие считают Слово пережитком прошлого, но я все еще могу им воспользоваться. Ты ведь не подумала об этом, когда копалась в моей голове и вертела моими эмоциями? — Я приблизилась почти вплотную и понизила голос: — Приняла меня за смирную овечку, которая не даст сдачи?

— Ты... ты...

— Я, я. Короче. — Я отстранилась и, устав от этого спектакля, наконец заговорила нормально: — Я могу использовать Слово главы рода, чтобы обвинить тебя без доказательств. Император примет это, начнется расследование. И даже если оно ни к чему не приведет, ты уже никогда не отмоешься. Не слишком ли высока цена?

К этой традиции, столетия назад считавшейся одним из основных законов империи, я относилась двояко. С одной стороны, Слово — это прежде всего ответственность. Им не бросались направо и налево, да и получали такое право далеко не все, а только те, кто доказал свою верность, честность и доблесть. Они и заложили основу всех древних родов. Но с другой... многие их потомки уже не обладали ни одним из этих качеств, но все еще могли ткнуть пальцем в первого встречного и наказать его за выдуманный проступок. Да, если в итоге выяснялось, что Слово — ложь, страдал весь род, но были времена, когда никто даже не пытался докапываться до истины. Это сейчас, если я воспользуюсь Словом, в институт тут же явятся дознаватели, а тогда...

Впрочем, ничего такого я делать не собиралась, лишь слегка припугнуть.

— Чего ты хочешь? — снова зашипела Хелен.

— Я уже сказала — ответы. Как и зачем. Говоришь без утайки, и об этом крошечном инциденте никто не узнает.

Она помолчала. Скрестила руки на груди, поджала губы, отвернувшись. Затем неохотно выдавила:

— У меня кузен... в разведке. Их учат всякому, чего нет ни в одном учебнике по целительству.

Ну еще бы их не учили.

Я облегченно выдохнула. Значит, дело не в особых талантах Хелен Эрт, а просто в редком плетении. Засекреченном плетении.

— И кузен так запросто научил тебя не оставлять следов?

— Нет! Я подглядела его записи... случайно.

Угу, случайно, верю. Сегодня же все такие искренние.

— А больше ты там ничего не подглядела? — спросила я. — Новую версию Выжималки, например?

— Что? — Хелен стала совсем белой, особенно на фоне пламенеющих волос. — Зачем мне... Нет! Ты хочешь обвинить меня в иссушении? Я бы никогда... ничего такого... Я и в менталку редко суюсь, страшно это, а тут...

— Успокойся. Я тебе верю.

На сей раз я действительно не сомневалась в ее словах.

— И это переносит нас к главному вопросу. Если менталистика тебя так пугает — зачем пролезла ко мне? Из-за Леннарта?

— Наверное. Не знаю. — Хелен зыркнула на меня исподлобья. — Это не моя идея. Я просто отдавала долг.

— Кому?

Она скрипнула зубами.

— Кому, Эрт?

— Прише Джай.

Я моргнула:

— Это кто вообще?

— Не знаешь? — Она натужно рассмеялась. — Скольким же ты успела отдавать хвосты!

— Она твоя подруга? Опиши хоть.

— Демон, Валборг, а по имени непонятно? Финирийка это. Крутится возле вашего красавчика-тьмага, как его там.

Финирийка. Смуглая черноволосая подружка Берга? Ей-то я чем не угодила?

Я растерянно потерла лоб, но тут же спохватилась и кивнула:

— Ясно. Что ж, на этом...

— Как ты узнала? — перебила Хелен. — Как смогла снять воздействие?

— В моей семье тоже есть секреты, Эрт. И поверь, я пойму, если ты снова полезешь к кому-то в голову. И тогда уже вопросы тебе будет задавать кто-то другой.

— Да поняла я, поняла. — Она всплеснула руками и обошла меня по широкой дуге. — Все-таки ты ненормальная.

После чего скрылась за колонной.

Я простояла в темном углу еще несколько минут, бездумно слушая музыку, смех и неразборчивые голоса. Весь кураж улетучился безвозвратно, а ведь я планировала на этой волне еще побеседовать с Бенгтом, которому так и не объяснила, почему нельзя измываться над стариками. Я не забыла случай с Ульфом в парке, да только гаденыш как назло не попадался на глаза, а теперь...

Злости не осталось, лишь недоумение.

Чем я успела насолить этой Прише? Не из-за Берга же это все, в самом-то деле. Я на него не претендовала, да и он в последнее время отстранился, подозреваю, как раз потому, что обзавелся пассией.

К чему эта глупая месть, еще и чужими руками?

Музыка начала давить на уши.

Я тряхнула головой, простояла еще мгновение, вдыхая и выдыхая, и вышла в зал. Танцующих пар стало больше. Музыканты наигрывали что-то заунывное, а потолочные сферы переливались разными цветами. Я попыталась прикинуть, сколько времени отсутствовала, и надо ли возвращаться на второй слой или проще уже дожждаться Леннарта на месте, чтобы не разминуться, но мысли путались.

Приша Джай, мать ее!

Только нового врага мне сейчас не хватало.

— Эй, Валборг, скучаешь? — донеслось громогласное слева, и за группой смеющихся студентов я разглядела близнецов Сворт.

Аарон радостно помахал мне обеими руками, а Дарен изобразил странную пантомиму и указал куда-то в противоположную часть зала.

Я недоуменно подняла брови.

— Что? — спросила одними губами.

— Займись делом! — крикнул Дарен и снова ткнул пальцем в ту же сторону.

И почему нельзя просто подойти и поговорить?

Хотя толкучка на этом слое, конечно, получилась знатная.

Из-за чужих спин разглядеть, на что указывали Сворты, не удавалось, и я, движимая любопытством, двинулась в ту сторону. Шла долго, периодически кого-то настойчиво отодвигая с пути и протискиваясь между телами.

— Валборг, ты? А чего одна? — окликнули меня снова.

Голос явно принадлежал Тощей Рони, и вот с бывшей одноклассницей общаться я точно не желала, так что ускорила шаг. А когда вывалилась на более-менее открытое пространство, оказалось, что с этой стороны зала есть выход на боковое крыльцо, и в распахнутые двери как раз выходили три очень знакомые фигуры.

«Займись делом».

Что они задумали?

Я рванула следом. Даже забыла о своем решении, не бегать на балу как припадочная.

— Стойте! — позвала уже в дверях, застав Хольма, Монсона и Берга на нижней ступеньке.

Они синхронно обернулись.

— Что происходит? — спросила прямо, спускаясь к ним.

Парни обменялись хмурыми взглядами.

— Возвращайся на танцы, — велел Берг.

— И не подумаю. — Я замерла на пару ступеней выше, чтобы не задирать голову, и скрестила руки на груди. — Меня к вам Сворты отправили.

— Да? — Хольм оживился. — И ты можешь помочь?

— Заткнись, — буркнул Монсон.

— Ну если она знает...

— Я много чего знаю, — сказала я, когда Хольм осекся. — Кроме сути проблемы.

Они снова переглянулись.

— Ладно, — вздохнул Берг, — идем.

И первый устремился к виднеющимся неподалеку клумбам, окруженным скамейками.

Холодный воздух обжигал и пробирался под кожу, но я мужественно старалась не дрожать. Зато голове стало легче — музыка сюда почти не доносилась, как и звуки чужого веселья.

— Итак? — произнесла я, когда мы остановились возле цели.

Присесть никто и не подумал.

— У нас правительственное задание! — ляпнул Хольм.

— Придурок. — Монсон закатил глаза.

— Ну так правда же! Нам мэтр Кобэ поручил важное дело от имени ректора.

— Что за дело?

— Надо устроить масштабную и красивую иллюзию, — спокойно и по существу ответил Берг.

— Ага, — снова подхватил Хольм, — чтоб все к окнам поприлипали!

— И... мэтр поручил это вам? Тьмагам?

— Именно что тьмагам. — Монсон смахнул со лба челку и поправил очки. — Скоро ректор выйдет на сцену с речью, и в ней будет что-то о нас. А после нужна демонстрация.

— Мэтр сказал, что мы уже готовы магичить вне тренировочного, — гордо заявил Хольм.

— Одна проблема. Мы не знаем стоящих иллюзорных плетений.

— Он велел взять кого-то из группы, но там, — Берг кивнул на здание, — мы нашли только Свортов.

— Их предел — это иллюзорная кирпичная стена, — добавил Монсон. — Такое вряд ли сгодится.

Закончив, все трое уставились на меня будто в ожидании чуда, а я переводила взгляд с одного на другого и ничего не понимала.

— Вам что, прямо перед балом это задание дали? Без времени на подготовку?

— Да вот минут двадцать назад, — беззаботно откликнулся Хольм.

Берг нахмурился. Ему это тоже явно не нравилось.

— И мэтр Кобэ... лично сказал? Не передал через кого-то?

— Это не подстава, — разгадал мои мысли Монсон. — Они с ректором вдвоем были.

— Глупость какая, — пробормотала я.

— Угу, — согласился Берг. — Но нам недвусмысленно намекнули, что это такое же учебное задание, как любое полученное на занятии.

— Так ты поможешь с плетением? — спросил Монсон. — За силу не волнуйся, вы с Бергом вроде уже неплохо сливаетесь.

Вот уж сила меня волновала в последнюю очередь.

Что-то с этим заданием было не так...

— Эй, тебе чего? — вдруг вскинулся Хольм. — У нас тут совещание. Пообжимайся с подружкой в другом месте.

Я не оборачивалась, предчувствуя худшее. И раздавшийся голос надежды не оставил:

— Я бы рад, но моя подружка совещается с вами.

Повернуться все же пришлось.

Ленарт замер в паре метров от нас: поза расслабленная, на лице ухмылка, в каждой руке по бокалу. Понятно, почему Хольм решил, что у него тут назначено свидание.

Я открыла рот, толком не зная, что собираюсь сказать. Попросить его подождать в сторонке? Или присоединиться? Официально представить парней друг другу? Хотя, судя по хмурым физиономиям, тьмаги прекрасно помнили начало учебного года.

А потом необходимость говорить отпала, потому что сила во мне взвыла, задергалась и обожгла внутренности огнем. Я согнулась пополам и рухнула на колени.

— Кая, что... — начал кто-то, но захлебнулся словами.

Через мгновение рядом со мной на земле извивался Ян Монсон.

— Тьма... — просипела я, когда зрение пропало.

И снова звук падения, хрипы. Берг или Хольм? И почему никто не кричит? Это больно, очень больно. И жутко, когда происходит в полной тишине.

Меня держали за плечи. Пытались развернуть, но я все ниже пригибалась к земле.

— Тьма... — повторила.

— Чернь, — прошептали рядом. — Чернь... здесь. Близко.

Да, чернь.

Тьма безопасна.

Тьма под куполом.

Тьма не может разорвать тебя на части и даже приютит, если сумеешь с ней подружиться.

Но обитающая в ней чернь не так добра.

У нее острые зубы и стальные когти. И она не понимает боли и слез.

— Вик... тор, беги, — из последних сил выдавила я. — Здесь... чернь.

Я знала, что приступ долго не продлится. Это лишь реакция на близкую по духу энергию, и за годы во Тьме я научилась справляться с ней за доли секунды. Сейчас же от неожиданности дала слабину, но уже через несколько мгновений стояла на дрожащих ногах. Зрение вернется позже, обязательно вернется. И боль утихнет, если о ней не думать, не давать ей воли.

Парням было сложнее. Я чувствовала их, как саму себя: их растерянность, беспомощность, злость. Они тоже пытались подняться, но безуспешно.

Ничего... и это пройдет. Они сильные, гораздо сильнее первых тьмагов, которым в итоге вообще запретили приближаться к границе.

Те получили лишь крохи Тьмы, увеличили резерв и потенциал на несколько пунктов. Сушая ерунда, но поначалу все радовались, считали аномальную зону под куполом новым источником силы, придумали название для измененных магов и рассчитывали, что именно они уничтожат монстров и станут новой мощью Империи. Но со временем поняли, что выхлоп слишком мал, к тому же чернь чувствует их особенно остро и нападает целенаправленно, иные же и вовсе сразу погибали от таких вливаний. А еще возле границы тьмагам становилось плохо, и сила утекала из них, словно резерв давал течь. Так что эти люди, спасая свои жизни и магию, убрались подальше, и никто больше не пытался — по крайней мере официально — возвыситься за счет Тьмы. Не стоил лишний процент потенциала таких жертв, его можно получить более простым способом.

А потом дед придумал свой гениальный план, и я наткнулась на группу раненых военных.

Теперь же мы каким-то образом привели чернь в институт.

Все еще ослепшая, я вытянула руки и пальцами сформировала первый узел защитного плетения. Затем второй, третий. Соединила их нитями силы и начала копировать, растягивая сеть над учебным корпусом. Там сейчас большинство студентов и преподавателей, а остальные...

На остальных меня не хватит.

Руки тряслись, на плечи что-то давило, и я передернула ими, сбрасывая груз. В ушах свистел ветер и утробно рычала чернь.

Я чувствовала трех монстров в глубине парка. Три дымные воронки, высасывающие все живое. Три бездны с мелькающими в черноте зубами и когтями.

В парке тоже были люди. Патрульные. Ульф. И я глотала слезы, понимая, что ничем не могу помочь. Я даже укрыть одно единственное здание не успевала, хотя не сдерживалась, выплескивая силу.

В какой-то момент дышать стало легче, и я осознала, что вливаю в защитную сеть уже не только свою энергию.

Я присосалась к тьмагам. Без спроса вытягивала из них то, что когда-то сама подарила. Сила покорно перетекала по выстроенной схеме, и когда мрак перед глазами сменился сначала размытой кляксой, а потом и четкой картинкой, я увидела тонкую мерцающую пленку, которую успела растянуть от нас влево и вправо до углов здания и вверх на пять этажей.

Но этого было мало... мало.

Где-то плетение распадалось, оставляя крошечные прорехи в защите, но я решила не отвлекаться. Надо достроить купол, а потом...

— Кая... Кая, пожалуйста...

Плечи снова сдавило, и я поняла, что это не метафорический груз ответственности или вины, а чьи-то руки.

— Не сейчас, — прохрипела я, вглядываясь в темноту парка. — Надо... укрыть...

Праздничные светлячки в листве теперь казались не милым украшением, а демоническими глазами чудовищ, готовых к атаке.

— Не надо. Хватит. Ты их убьешь. Слышишь?

Убью? Их? Монстров? Чернь? Да, я хочу их убить, я могу, я...

— Кая!

Меня встряхнули так, что кляцнули зубы и захрустели кости.

Руки безвольно повисли вдоль тела, но я успела закрепить последний узел, и сеть мигнула, но не погасла. Половина щита, укрывающая здание только с одной стороны.

Кто-то застонал. Затем еще раз, громче и будто с облегчением, и до меня наконец дошло...

Я отшатнулась от выстроенной стенки купола, уперлась в кого-то большого и теплого и, проморгавшись, огляделась.

Тьмаги так и не смогли подняться, но против ожиданий выглядели почти нормально. Только дышали тяжело, упирались руки в землю и смотрели на меня... страшно смотрели.

Я бы отступила еще дальше, если б не преграда за спиной.

— Они идут, — обжог ухо шепот Леннарта. — Прости, это для твоего же блага.

Затем он обнял меня сзади, правой рукой поднял и развернул мою ладонь, а левой полоснул по ней острым осколком... кажется, бокала.

Кисло-сладкий аромат игристого смешался с запахом крови.

Боли я не почувствовала и отрешенно уставилась на алую полосу вдоль линии жизни.

— Не прячь, пусть они увидят порез, — тихо добавил Леннарт. — И не говори ничего.

А после отступил.

Когда по другую сторону щита появилась группа людей во главе с мэтром Кобэ, тьмаги уже стояли рядом, и все мы знали, что угодили на очередную проверку.

Я не понимала, как они это провернули, как симитировали чернь — или привели настоящих монстров? — как заставили нас поверить... но их мотивы сомнений не оставляли. И самое противное, что я даже злиться не могла.

Экспериментальный курс. Экспериментальный, чтоб его.

Мэтр задрал голову, пытаюсь рассмотреть вершину недостроенного купола, осторожно провел ладонью над его поверхностью, не касаясь, и цокнул языком:

— Тройной поток через слабого плетельщика?

Мы молчали. Не в силах встретиться глазами с тьмагами и взглянуть на долбанных проверяющих, я снова уставилась на свою порезанную ладонь.

Кровь все еще сочилась, обильно заливая пышную юбку, и при виде алых подтеков на нежно голубой ткани во мне что-то надломилось.

А может, наоборот, встало на место.

В конце концов, как еще мог завершиться мой первый бал?

Я вспоминала.

Пока мэтр Кобэ и еще два преподавателя о чем-то говорили с тьмагами. Пока нас вели в целительское крыло. Пока я сидела на кушетке, а профессор Алгени, в день приема оценивавшая мой потенциал, светила мне в глаза и водила надо мной руками.

Я вспоминала.

Тот день, когда дед бросил мне на кровать небольшую сумку и мальчишеский дорожный костюм и велел переодеться, а потом запихнул в незнакомый черный мобиль без номеров, явно не из нашего гаража, и впервые на моей памяти сам сел за руль. Путь был долгий, я несколько раз засыпала и к моменту остановки успела проголодаться. Потом поезд, три пересадки, несколько смен дня и ночи, снова мобиль. Дикий заросший старик, ведущий нас по лесу, чтобы обойти заставы. И наконец, плотная и подвижная словно кисель стена купола, накрывавшего Тьму.

— Он справился, — проскрежетал дед, подталкивая меня к границе. — Мой сын не мог не справиться. Забери то, что принадлежит нашему роду по праву открытия.

И в следующую секунду я уже стояла в мутном сером тумане с шоколадкой в кармане и парой сменных брюк и рубашек в потрепанной сумке.

Я пыталась вернуться — была бы душой, если б не попыталась, — но туман путал и водил кругами, а граница, только что мерцавшая за спиной, будто испарилась.

Так началась моя новая жизнь, и я бы с радостью никогда больше о ней не думала, но выбора мне не оставили.

— У нее шок, но ничего такого, что не излечит крепкий сон.

— Сначала разговор, успеет отоспаться.

Голоса звучали глухо, но отчетливо, и я прекрасно понимала, где нахожусь, только никак не могла отцепить от себя хваткие и обжигающие щупальца прошлого.

Первые жуткие дни во Тьме. Голоса мертвых, будившие в редкие минуты забытья. Удушающий смрад черни. И бункер, ставший

спасением и подаривший множество ответов.

Профессор Алгени смахнула с моего лба прядь волос, затем взяла меня за руки и выругалась:

— Мэтр, смотрите.

В мою порезанную ладонь кто-то вцепился. Кстати, куда делся Леннарт? Успел уйти? Или его тоже ждет допрос?

— Проклятье! — Перед глазами появилось чье-то размытое лицо — судя по голосу, мэтра Кобэ. — Валборг, слышишь меня? Зачем себя поранила? Концентрация через боль? Валборг!

Я молчала, но ответил кто-то другой:

— Если так, то результат можно выбросить на помойку. Еще один-два раза, и она привыкнет. Иначе бы у нас все маги ходили шрамированные ради увеличения силы.

— Может, она просто упала и поранилась? Уже после слияния с силой тьмагов, — предположила профессор Алгени.

— Ага. И вы верите, что слабосилка смогла пропустить через себя три мощных потока без дополнительного стимула?

— А если ее резерв изменился? Я могу посмотреть...

Да, она может. Смотрела уже. Только сейчас я не сумела бы выстроить стену при всем желании, но и желания такого не было. Пусть узнают. Пусть поймут. Плевать.

— Ни к чему, — оборвал порыв целительницы мэтр Кобэ. — Даже если раскачка есть, при таких показателях она минимальна. Нам нужно другое...

— Не понимаю, из-за чего такой переполох, — вмешался новый голос. Людей я по-прежнему не различала, только блуждающие по лазарету кляксы. — Мы же хотели проверить реакцию тьмагов. И проверили. Присутствие девочки — случайность.

— Но если бы результат подтвердился...

— Может, обсудите все в другом месте? — перебила Алгени.

— Вы правы, — согласился Кобэ. — Но Валборг я забираю. Влейте в нее все, что нужно.

Вливать не пришлось. Я сама вяла стакан, едва она наполнила его эликсиром. Затем второй. И сама встала и пошла за обретшей четкие очертания фигурой Кобэ, проигнорировав оклик целительницы:

— Рука!

К демонам руку. Сама потом залечу. Или оставлю — как напоминание, что мне уже никогда не отделаться от Тьмы.

Тьма по городу идет...

И я снова слышала ее поступь за спиной.

* * *

— Ты все слышала, — констатировал мэтр Кобэ, едва мы остались с ним один на один в каком-то кабинете.

На дорогу я особого внимания не обращала, но, похоже, меня привели в преподавательское крыло.

Я кивнула и без всякого интереса огляделась. Стены, книги, кресла, стол. Ничего нового.

— Как ты оказалась на улице?

— Парни попросили помочь с иллюзией.

Почти правда, просто без нюансов вроде того, что я сама за ними увязалась.

— Ты почувствовала угрозу? — продолжил мэтр.

— Кто-то сказал про чернь. Что она близко. Потом Монсон упал. И другие.

Тоже правда. А о том, что я упала первой, можно не упоминать.

— Ты попросила их поделиться силой?

— Мы не разговаривали. Я начала плести, а потом почувствовала их потоки.

Точнее поняла, что вытягиваю их магию.

— Откуда знаешь это плетение?

Да, сеть я выбрала сложную, но не суперсекретную.

— Дед научил.

Кобэ угрожающе подался вперед и уперся руками в стол:

— Причинять себе боль ради кратковременного скачка в силе тоже дед научил?

— Это не запрещено, — пожала я плечами.

— Идиотка! Может, и наркоту попробуешь? Говорят, некоторые таблеточки действуют не хуже!

Я хмыкнула:

— А вот они запрещены.

— Боги... — Он шумно выдохнул, потер лоб и откинулся на спинку кресла. — Сколько раз ты это уже проворачивала?

— Хотите посчитать, сколько мне осталось до привыкания и притупления эффекта?

Думала, мэтр совсем психанет, но он только головой покачал:

— Точно идиотка. Запомни, боль — мера крайняя, предсмертная. Когда не остается другого выхода...

— А по-вашему, мы там не готовились к смерти? — не сдержалась я. — Пока стояли в ожидании черни. Зная, что за нашими спинами тысяча человек, а дальше, за стеной, весь город, и мы — первая преграда. Думаете, мы рассчитывали выжить? Seriously?

— Вам ничего не угрожало... — нахмурился Кобэ.

Я вскочила. Сердце набирало ход, дыхание прерывалось, и я бы порадовалась, что эта дурацкая апатия улетучилась, если б не охватившая меня злость.

— Это вы знали, но не мы! Кому такое вообще в голову пришло? Вы бы еще устроили взрыв рядом с пережившим бомбежку! Знаете, каково это? Вы хоть бывали во Тьме?

— Да. А ты?

Я захлопнула рот и поняла, что чуть ли не забралась на стол, пока напирала на Кобэ.

— Сядь, — велел он. — И успокойся.

Я нехотя подчинилась, и мэтр продолжил:

— Парни знали, что будут проверки. Учитывая реакцию прежних тьмагов на близость Тьмы и черни, мы не имеем права рисковать. Да, они сильнее всех, кто бывал на границе раньше, но лучше убедиться во всем здесь и сейчас, чем лишиться всей группы в первом же рейде.

Глаза защипало, и я отвернулась.

Он не обязан был ничего мне объяснять, и все же объяснял, еще и на истерику мою реагировал относительно спокойно.

— Как вы смогли? — тихо спросила я. — Как симитировали чернь?

— У военных есть... образцы.

Ну конечно. Уточнять, насколько живы эти образцы, я не стала. Лучше не знать.

Мы помолчали, и наконец мэтр вздохнул:

— Давай руку.

— Не надо. Я потом...

— Это приказ, Валборг.

Я медленно протянула через стол грязную окровавленную ладонь, и Кобэ, что-то бормоча себе под нос, сплел весьма недурственную для боевика целительскую схему. Порез очистился и затянулся за считанные секунды.

— Никогда больше, поняла?

Я в очередной раз кивнула.

— И завтра на занятии попробуешь повторить тот же щит сначала с одним, потом с двумя потоками.

Еще один кивок.

— Все. Свободна. Лестница направо по коридору, дверь внизу не заперта. Выйдешь как раз в сторону общаг.

Кабинет я покинула, не прощаясь, и даже пошла в указанном направлении, но до лестницы не добралась. К горлу подкатила тошнота, и, зажав рот рукой и оглядевшись, я нырнула в дверь со значком женской уборной. Добежала до раковины, согнулась и через пару минут бесплодных спазмов поняла, что стравить мне попросту нечего. Желудок болезненно сжимался, в груди все ныло, но из меня выходили только слезы.

Я стискивала скользкие края раковины и тихонько выла. Затем опустила взгляд на свое окровавленное платье, потянулась было к магии, но та забилась в угол и тоже поскуливала, словно побитый щенок.

«Прости, милая, прости».

Не думая и почти ничего не видя из-за слез, я задрала юбку, опустила грязный край в раковину и пустила воду. Затем нащупала брусок мыла.

Когда за спиной слышались шаги, пенная вода уже лилась через край, я вся была мокрая, а треклятое пятно не желало исчезать.

Я не оборачивалась, все терла и терла, сдирая кожу с костяшек.

— Боги, Кая...

Шаги ускорились, меня обхватили за плечи, оттаскивая от раковины, потом мужская рука закрутила вентели.

— Тише, тише... — Леннарт развернул меня к себе, сжал теплыми ладонями лицо, заглянул в глаза. — Все позади, слышишь? Ты в безопасности.

А я вцепилась в его пиджак и наконец разрыдалась в голос.

Кто бы мне сказал месяц назад, что вскоре я буду сидеть на узком подоконнике в одной из женских уборных ИОВ рядом с Виктором Леннартом, положив голову ему на плечо и при этом впервые за долгое время чувствуя себя в безопасности, в жизни бы не поверила. Но именно так заканчивался этот странный день.

Успокоилась я довольно быстро, а потом мы просто молчали, и было в этом молчании что-то уютное. Как давным-давно в маминых объятиях, как в домике Ульфа у камина.

Леннарт держал меня за руку, которую недавно порезал, и, будто задумавшись, водил по ладони большим пальцем. А я замороженно следила за его движениями.

— У нее глаза были другого цвета, — внезапно произнес он, и я вздрогнула.

Подняла голову, нахмурилась:

— Что?

— Глаза. У нее были голубые, у тебя зеленые. Я только недавно понял.

Я попыталась отстраниться, хотя было особо некуда, но Леннарт удержал. Тогда я отвернулась, уставившись в стену. Что я могла сказать? Что деду было настолько на меня плевать, что он даже с цветом глаз ошибся?

— Я наблюдал за ней пару дней, прежде чем подойти, — продолжил Леннарт. — Видел, как она на людях миловалась с любовником. Как оскорбляла слуг. Как устроила скандал в ресторане из-за миддлемистов на столе, якобы у нее неподвластная магии аллергия. Еще подумал тогда, какая же эта Валборг сука, и чего я кинулся ее спасать? Но я и не спас, да? Потому что настоящая Кая Валборг краснеет от одного только упоминания поцелуев в беседке, спасает дворецкого от отморозков и любит миддлемисты.

— Может, это она настоящая, — прошептала я.

— Нет. У той девочки, что плакала передо мной в оранжерее, тоже были зеленые глаза.

Я всхлипнула, закусила губу, зажмурилась и глубоко вдохнула. Только не снова... хватит на сегодня срывов и истерик.

Я неуклюже сползла с подоконника.

— Что с тобой произошло? — спросил Леннарт, тоже спустившись на пол и замерев за моей спиной.

— Да, ты не спас меня, — тихо ответила я. — И никто не спас. Да никто и не должен был.

Он аккуратно развернул меня, обхватив за плечи, заглянул в глаза.

— Я извинюсь, когда найду слова, хорошо? А сейчас просто хочу понять, как помочь. Это Тьма? Ты тоже... тьмаг?

— Вроде того.

Я криво усмехнулась, всем сердцем желая разорвать зрительный контакт, но не смея.

— Ты знал? — спросила вместо этого. — Про проверку? Тоже хотел посмотреть? Как с цветами?

Я подняла руку, напоминая про браслет с нежными бутонами, которые успела где-то потерять. На запястье теперь болталась одинокая ленточка.

— Нет.

Одно слово. Ровный голос. Прямой взгляд.

И я поверила. Несмотря ни на что, я почему-то верила всему, что говорил Леннарт.

Да и откуда ему было знать? Просто в отличие от нас он не ощутил черни, не впал в панику и наверняка прощупал парк и нашел преподавательскую засаду. Вот и отреагировал.

— Они тебя расспрашивали?

Леннарт кивнул:

— Рассказать, что я ответил?

— Не нужно.

Стал бы он выручать меня этим порезом, если б хотел сдать.

— А ты? Расскажешь? Обо всем.

— Да. Но сначала мне нужно объясниться еще кое с кем.

Я ни на миг не могла забыть жуткие взгляды парней там, у скамеек. И дело не в моей силе, о которой как минимум Берг уже явно догадывался, а в том, с какой легкостью я подчинила их магию. Я ненавидела деда, превратившего меня в марионетку, а сама сделала кое-что похуже.

И плевать на обстоятельства и благую цель — многие злодеи мнят себя героями, но это не повод им уподобляться. Я преступила черту. Да, поддавшись страху и отчаянию, и все же... Парни вряд ли простят, особенно когда узнают о моих планах, но скрывать их и дальше я не собиралась. Будь что будет.

Леннарт еще мгновение смотрел мне в глаза, затем медленно наклонился и поцеловал. Поначалу легко, невесомо, едва касаясь губ, а когда я не отшатнулась и даже подалась навстречу — жадно и горячо. Скользнул ладонями по плечам, огладил спину, прижимаясь теснее, затем обхватил рукой затылок и углубил поцелуй. Я плохо понимала, что делать, и лишь повторяла каждое движение его губ и языка, остаток сил пуская на то, чтобы удержаться на подгибающихся ногах.

Воздуха не хватало, но я скорее умерла бы от удушья, чем прервала свой первый в жизни поцелуй. Я хотела взять от него все. Запомнить в мельчайших подробностях.

Наконец Леннарт слегка отстранился и, тяжело дыша, прижался своим лбом к моему.

— Думал, ты снова меня пнешь, — прошептал с улыбкой.

— Снова? — не сразу поняла я.

— Да. Мне рассказали, как ты приводила нас с Кобом в чувство, когда мы ввалились в ваш тренировочный.

Я вспомнила и тоже улыбнулась:

— Мне хотелось пнуть сильнее.

— Надо было.

Он нежно коснулся пальцами моего лица:

— Прости за неудачный выбор места.

— Ничего.

— Ты же в курсе, что я теперь не отстану?

— Я все расскажу, правда.

— Я не о том.

— Знаю.

О том, на что он намекал, я думать не могла. Точнее, меня подмывало все испортить, ляпнув что-нибудь едкое, обидное, в стиле «теперь мой уровень силы тебя устраивает?», но я понимала, что это несправедливо. А еще такой чудесный повод для ссоры лучше оставить до рейда, из которого я с большой вероятностью не вернусь, если тьмаги откажутся помогать и придется делать все самой.

Так будет проще уходить.

Мы постояли еще мгновение, затем Леннарт взял меня за руку, вывел из уборной и помог надеть пальто, которое, оказывается, принес и оставил в коридоре. По лестнице мы спускались в молчании и по дороге к полигону не проронили ни единого слова. Он не спрашивал, зачем мне это, я не просила проводить и не дожидаться — знала, Леннарт догадается не мешать разговору с тьмагами.

ИОВ казался вымершим, хотя где-то в торжественном зале все еще веселились и танцевали на трех слоях. И в вечернем парке наверняка прогуливались парочки, а то и целые буйные компании, добавляя Ульф и патрульным седых волос. Жизнь не остановилась, просто в очередной раз обходила меня стороной, но на печаль по этому поводу уже не было сил.

Я замерла, когда до пятого тренировочного оставалось несколько метров, и посмотрела на наши сцепленные ладони. Так странно. Полный сюр.

Леннарт тут же отпустил мою руку.

— До завтра?

Я кивнула и, не прощаясь, быстро прошагала к двери. Потом разберусь со всем, что сегодня произошло, и с собственными смешанными чувствами. А пока...

Мы с тьмагами не договаривались о встрече. Я даже не знала, куда их увели, но раз уж меня успели обследовать, подлечить, допросить и отпустить, то и их, наверное, тоже. Так что по пути сюда я отправила слабый импульс — три импульса, — чтобы всколыхнуть их силу. Эдакое прикосновение издалека. И теперь надо было просто подождать.

Тренировочный встретил темнотой и легким травяным ароматом — вдоль стен лежали связки каких-то растений, видимо, реквизит для нашего утреннего занятия. Скамейки убрали, и, довольно быстро устав стоять на одном месте, я сначала навернула пару кругов по залу, а потом запустила под потолок светляка и уселась прямо на пол.

Там меня и застали тьмаги.

Они вошли по очереди — Берг, Монсон, следом Хольм, — прикрыли дверь и застыли, озаренные отблесками моего разросшегося светлячка. Серьезные, настороженные.

— Клянусь жизнью и силой, разумом и волей, никогда больше не тянуть вашу магию без разрешения, — начала я с главного. Голос эхом разнесся по пустому залу. — Да видят боги.

Поднятую левую руку пронзило иглами до самого локтя, с кончиков пальцев сорвались искры. Клятва принята.

Берг и Монсон остались неподвижны, и лишь Хольм будто бы слегка расслабился. Даже улыбнуться попытался, правда получилось не слишком радостно.

— Садитесь. — Я кивнула на пол перед собой. — Разговор будет долгим. А после можете мне отомстить.

Хольм дернулся было вперед, но оглянулся на приятелей и остался на месте. Принудить их я не могла, сказать что-то еще — тоже, так что просто ждала. Секунду, две, три...

Наконец Берг поморщился и в несколько размашистых шагов преодолел разделявшее нас расстояние. Навис надо мной, заставляя задрать голову, посверлил взглядом и, отступив, уселся напротив. Вскоре рядом опустились Монсон и Хольм.

Я прикрыла глаза, досчитала до пяти, выдохнула и снова посмотрела на парней:

— Я прожила во Тьме два с половиной года...

Пожалуй, тьмагам повезло чуточку больше чем мне: они услышали эту историю почти в хронологическом порядке, тогда как я собирала общую картинку по разрозненным кускам, записям родителей и их сподвижников и собственным открытиям, сделанным во Тьме.

Итак, я прожила там два с половиной года, хотя началось все еще десятью годами ранее, когда мне не было и шести. А может, через год после моего рождения, когда дед и отец обнаружили одно малоизвестное и забракованное научными кругами исследование истоков магии.

Согласно ему, боги даровали людям силу не сразу, а лишь убедившись, что те ее достойны, и вот тогда-то в самых разных уголках мира пробились из земли Источники. Они были скрыты от человеческих глаз, но всякий, кто жил поблизости, вскоре обнаруживал в себе неожиданные способности. Шли годы, века, магов становилось все больше, и сила окончательно прижилась в хрупких телах, стала такой же их частью, как любой внутренний орган. И тогда Источники один за другим закрылись за ненадобностью, почти никем так и не замеченные.

Автор исследования, дальний потомок того, кто все же узрел один из Источников, был уверен, что те не запечатаны намертво, а просто спят, как древние позабытые артефакты. И если вскрыть хотя бы один, есть шанс преодолеть текущую планку резерва и потенциала. В разы преумножить дарованное богами.

В общем, нетрудно догадаться, что старший и младший Валборги, бредящие могуществом рода и славой первооткрывателей, загорелись этой идеей.

Они поднимали архивы, искали самые старые упоминания «демонов» — так испуганные соплеменники называли первых магов — и вскоре выяснили, что когда-то людям пришлось покинуть Отерскую Пустошь (тогда она пустошью не была), потому что демонов там стало слишком много, да и природа вела себя странно.

«Сверкали молнии ясным днем, зимой пробивались из-под снега огненные цветы, а лето и осень приносили такой урожай, что хватило бы накормить тысячи тысяч, но вкушать сии дары демонов решались только самые отчаянные».

В общем, вывод напрашивался сам собой: Источник в тех краях был, и очень мощный.

В первую экспедицию отец с дедом отправились вдвоем. Наверное, и мама бы увязалась с ними, если б не маленькая дочь и неопределенные сроки. В итоге их не было почти год. Затем последовала еще одна вылазка — на сей раз без деда, который заметно сдал. И еще одна, включавшая только маму и отца. И вот наконец они были готовы взять с собой группу для вскрытия Источника.

Я запомнила их имена.

Вера Линдквист.

Петер Ханссон.

Маркус Штерн.

Ну и Бьерн и Элина Валборг, мои родители.

Отец писал, что из множества увлеченных исследователей выбирал только не обремененных лишними привязанностями. Полагаю, себя он тоже относил к их числу, несмотря на мое существование.

А еще он явно ждал неприятностей — иначе зачем столько лет угробил на обустройство бункера, скупку запасов, сбор всевозможной литературы по теории магии и разработку особых защитных схем? Он готовился к самому худшему варианту на случай, если придуманное ими плетение не просто не подействует, а вскроет что-нибудь не то.

Так и произошло, потому что нельзя доверять обрывочным записям неизвестных личностей тысячелетней давности.

Источники оказались не источниками, а порталами, а плетение вышло слишком грубым, и когда пять неслабых магов ударили им по будущему месту прорыва, случилась беда.

В древности магия просачивалась в наш мир тонкими струйками, почти каплями, и не копилась в одном месте, а тут же находила пристанище в живых организмах поблизости. Но группа отца не приоткрыла кран, она сорвала трубу, распахнув портал во всю ширь и

впустив в наш мир не только сырую силу, о которой никто ничего толком не знал, но и то, что в ней обитало. Дышало и питалось ею.

Чернь.

Я часто фантазировала о том, как выглядит мир, откуда все это пришло. Он не просто другой, он... не укладывается ни в какие рамки. Живет ли там кто-то еще кроме тех, кого мы считаем монстрами? Есть ли привычные нам воздух и вода, или только чистая магия, которую мы прозвали Тьмой?

Она хлынула из портала таким мощным потоком, что моя мать и Маркус Штерн погибли сразу, оказавшись первыми на ее пути. Остальные успели укрыться в бункере и какое-то время еще вели наблюдение и записи. Через неделю Тьма укрывала всю Отерскую Пустошь. Через две захватила часть деревень Нектгарда и поползла бы дальше, убивая все на своем пути, но не со зла. Просто выдержать такую концентрацию чистой энергии почти никому не по силам. Это как добровольно шагнуть в чью-нибудь напитанную до отказа схему — тебя просто разорвет.

В итоге маги сумели выстроить сдерживающий купол, и его подпитка стала главной задачей Империи на ближайшие годы. А еще истребление черни, которая нет-нет да прорывалась наружу. Вне Тьмы чудовища жили недолго, но и этих дней хватало, чтобы они в поисках пищи вырывали магию и саму жизнь из всякого, кто попадался на пути.

Тела отца и двух его соратников я нашла недалеко от бункера, хотя осталось от них немного. Видимо, однажды им надоело прятаться и...

Впервые зайти под купол без потерь у военных получилось только через несколько лет. Они так и не выяснили в чем причина, но я, проштудировав все книги и записи группы отца, кое-что осознала.

Тьма разумна. Не в человеческом понимании, но все же. Она стремится стать частью живого и, очутившись в нашем мире, просто кинулась навстречу мечте, не замечая, что убивает ее. А когда заметила, стала осторожнее, сдержаннее.

Тогда и появились первые тьмаги, в которых она проникала по капле, как сотни лет назад. Но их было слишком мало, и Тьма дрожала от нетерпения — отсюда и болезненная реакция на ее близость. А потом под куполом оказалась я, и со мной эта странная сущность решила поступить иначе...

— Погоди... — Берг прикрыл глаза и потер переносицу.

Затем встал, отошел на несколько шагов, вернулся. Я все это время послушно молчала.

— То есть Тьма — это чистая сила? — наконец спросил он. — Как та, что в любом маге?

— Не совсем. Наша сила за столетия адаптировалась, преобразилась, подстроилась под наш мир и наши тела. Но да, когда-то она пришла сюда вот такой же Тьмой.

— Угу. И она... разумная? А чернь живет в ней, как... как...

— Блохи на собаке, — подсказал Монсон, и я невольно улыбнулась сравнению.

Хотя веселого, в общем-то, было мало.

— Да.

— И что же она сделала с тобой?

Хороший вопрос.

Как военные снаружи изучали Тьму, так она под куполом изучала меня. Просматривалась, прощупывала, потом стала проникать в меня то по капле, то прошивая насквозь потоком. Иногда я отключалась на несколько дней, иногда впадала в эйфорию, но чаще выла от боли. И далеко не сразу поняла, что Тьма просто... исследует. Проверяет возможности нашего взаимодействия. Видимо, мне на роду написано быть жертвой экспериментов.

— Она сделала меня посредником. Проводником, — ответила я парням. — Я черпаю силу от Тьмы напрямую и могу вливать ее во что... и в кого угодно.

— Зачем тогда сегодня ты чуть не иссушила нас? — тихо спросил Монсон.

— Я не нарочно, даже заметила не сразу. Просто... в вас, по сути, все та же Тьма, вы часть общего котла, и моя магия инстинктивно потянулась к ближайшему источнику.

Повисла тишина, которую через минуту нарушил Хольм:

— Простите, конечно, что туплю, но мы тоже типа проводники? Или как это все работает?

— Нет, вы...

— Мы те, в кого проводник влила Тьму, пропустив через себя, — перебил Берг. — Не так ли?

Он стоял чуть в стороне и даже не смотрел в мою сторону.

— Вы... вы умирали. — Я сглотнула ком в горле. — У кого-то уже остановилось сердце. А я так давно не видела людей, что просто растерялась и не смогла вспомнить ни одного целительского плетения. Даже прикоснуться к вам не смогла. Вот и рискнула...

— Это была ты! — вдруг воскликнул Хольм, тыча в меня пальцем, и тоже вскочил. — А я говорил! Говорил! А они меня психом обозвали.

— Что? — Я нахмурилась, и Монсон объяснил:

— Когда мы очнулись в лазарете, Хольм бредил Небесной девой, которая вынесла нас из бездны. Даже описать ее пытался, но каждый раз это было новое лицо.

— Я тоже почти не запомнила ваши лица, — хмыкнула я. — Едва узнала в первый день занятий.

— Ты спасла нас...

— Нет. Нет... это вы спасли меня. Тьма... — Я осеклась и помолчала немного, собираясь с мыслями. — Она не отпускала. С первого дня прятала границу, путала меня. Не думайте, она не злая, просто мыслит иначе, и... Когда я накачала вас силой, то убедила ее, что вас нужно вернуть в мир. Иначе в чем смысл эксперимента? В тот день она впервые подвела меня так близко к границе. Я отлевитировала вас так далеко, как смогла, а потом просто ждала. И когда настал час, пошла на вашу магию, как на свет маяка. Так и выбралась.

— Сбежала, — подытожил Монсон. Теперь он один сидел напротив, а Берг и Хольм нервно расхаживали вокруг, чем изрядно раздражали, если честно. — Тьма рассердилась? Ты ведь чувствуешь ее.

— Нет, не рассердилась. Ей любопытно. — Я отвела глаза. — И она знает, что я вернусь.

Она всегда это знала...

— Зачем ты здесь? — спросил Берг, остановившись слишком близко, нависая, подавляя. — Чего хочешь от нас?

— Помощи, — быстро выпалила я, потому что это единственный ответ, в котором я не сомневалась. — Наш мир слишком остро реагирует на такую концентрацию силы. Он к ней не готов, и если ничего не сделать, одним снегом посреди лета мы не отделаемся. Надо вернуть Тьму домой и запечатать портал.

— И ты знаешь, как это сделать? — усмехнулся Берг.

— Да. — Я по очереди оглядела парней. — Но велика вероятность, что в результате мы все останемся пустышками.

Они ничего не решили сразу, да я и не ждала. Сказали, что должны обсудить все с остальными и обдумать. Ну и задали еще десяток вопросов, как без этого. Думаю, у меня на месте парней их было бы куда больше.

— Ты ведь не собиралась нам ничего говорить? — хмуро уточнил Берг.

— Собиралась. После первого рейда. Сначала хотела посмотреть, как вы перенесете близость Тьмы и сможете ли вообще зайти под купол. Если нет, то и смысла рассказывать не было...

— Повезло тебе с сегодняшней проверкой, — фыркнул Хольм.

Да уж, повезло.

— А без нас... — осторожно начал Монсон, — без нас у тебя получится?

— Не получится, но я все равно попробую. Я перевернула отцовское плетение, чтобы закрыть портал, и в теории знаю, как направить Тьму и всех ее обитателей внутрь. Но схема тяжелая и сложная, я просто не удержу все узлы — тут дело не в резерве, а в банальной концентрации. — Я пожала плечами. — С ней у меня всегда были проблемы.

— А если рассказать все мэтру? — простодушно предложил Хольм. — Ректору? Военным? У нас, знаешь, какой командир мировой был! Мы могли бы...

Он осекся под моим взглядом.

— Они вас несколько месяцев изучали, как неведомых зверушек. И отпустили, только чтобы снова использовать в другом месте. Думаешь, мэтр, ректор, военные — кто угодно! — откажутся от Тьмы, когда узнают, что она такое и что есть проводник, способный любого превратить в... вас?

— А от нее обязательно отказываться?

— Да. Ей здесь не место. Мир отторгает ее и сходит с ума. А если станет известно обо всем, что я вам только что рассказала, еще и люди свихнутся, жаждая могущества. — Я наконец поднялась и размяла ноги. — Помните, Источников было много, очень много. Как по-

вашему, насколько быстро их найдут и попытаются открыть? Мы захлебнемся силой, только пользоваться ею будет уже некому.

— Мрачноватый прогноз, — покачал головой Монсон, тоже вставая.

— Думаешь, может быть иначе? — Я усмехнулась. — Простите, но в моей среде магия решает все. Как жить, кого любить, иметь ли право на собственное мнение. Ради лишнего глотка любой превратится в монстра похуже черни.

Возможно, я судила излишне резко и цинично, но в решении молчать и не привлекать внимания к своим открытиям не сомневалась ни разу с тех пор, как его приняла. И ладно жаждущие магии люди — среди них вполне могли найтись здравомыслящие и при этом наделенные властью, чтобы разобраться со всем этим без моего участия. При большом везении. Но и сама Тьма была... сущностью специфичной.

Вряд ли она понимала хоть одну мою эмоцию правильно и в принципе могла здраво оценить таких глупых и крошечных человечков. Она напоминала дикого зверя, из любопытств вышедшего к нашим кострам — и лично я бы не поручилась, что этот зверь однажды не укусит, даже если поначалу будет тереться о твои ноги.

Да, я по-прежнему не считала Тьму злом. Вот только, по-моему, у нее самой вообще не было представлений о добре и зле. Или они разительно отличались от наших.

Парней я вряд ли убедила, но хотя бы заставила задуматься. И если честно, к концу разговора чувствовала себя почти окрыленной, несмотря на их сомнения и все пережитое сегодня.

Теперь я не одна. И даже если они откажутся, если испугаются потерять силу, если все же сдадут меня старшим... я больше не несу этот груз в одиночку.

Я и не подозревала, каким тяжелым он был, пока не сбросила все это с плеч.

Некстати захотелось улыбнуться, но непрошенные мысли о прочих проблемах быстро спустили меня с небес на землю.

— Я должна предупредить... — начала я, когда тьмаги вызвались проводить меня до женской общаги. — Неделю назад кто-то использовал на мне Выжималку.

Мы как раз вышли на улицу, и замыкавший процессию Монсон закрыл дверь. Все трое замерли и уставились на меня.

— Что? — моргнул Хольм.

— Думаю, кто-то подозревает о моей связи с Тьмой и просто хотел проверить. Сложность в том, что он действовал издалека, и либо обладает очень большой силой, либо знаком с новыми военными разработками, пусть я о таких не слышала.

— То есть это кто-то из нас, — мрачно констатировал Берг.

— Я этого не говорила, хотя мысль мелькала, признаю.

— Нет таких разработок, — вмешался Монсон. — Выжималка морально устарела, ее уже лет двадцать никто не использует — слишком энергозатратно, а польза минимальна. Точечные атаки плюс ближняя дистанция с врагом — глупо и опасно. Есть способы попроще, так что все исследования в этой области давно свернули.

— Остается огромный резерв, позволивший нападавшему отойти... ну хотя бы за угол. — Я вздохнула. — Просто если это из-за моей силы...

— ...и если это не мы, — добавил Берг.

— ...то вам тоже нужно поостеречься.

— Шикарно! — Хольм сунул руки в карманы и первым побрел вперед по тропе.

Мы устремились следом.

— Больше нападений не было? — спросил Монсон.

Я открыла рот, закрыла, помолчала и нехотя призналась:

— Была одна мелочь, но это не связано.

— А вдруг?

— Точно тебе говорю. Тут роль сыграли ревность и женское коварство.

— А вот нечего гулять со всякими Леннартами, — буркнул через плечо Хольм.

— И тут не угадал, — пробормотала я и невольно подкосилась на Берга.

Я еще не знала, хочу ли рассказывать ему о Прише, тем более ее могли просто оболгать, но Эрт казалась вполне искренней. Да и выяснить все обедающему с финирийкой кавалеру явно будет проще, чем мне. Вопрос только в том, захочет ли он разбираться...

Ну а еще, если все это правда, Бергу бы тоже провериться на ментальное воздействие — вдруг целительнице не впервой вот так отдавать долги. Не то чтобы я считала, что он не мог связаться с Пришей Джай добровольно, она весьма красива, но не лучше ли точно знать, с кем имеешь дело?

В общем, я металась и никак не могла определиться, а тем временем мой взгляд заметили. И последнюю фразу оценили.

Берг сбился с шага:

— Выкладывай.

— Давай потом...

— Сейчас.

Проклятье. Я чувствовала себя ябедничающей малолеткой, но, начав делиться вместо того, чтобы копить в себе, остановиться довольно сложно. Ну и лично решать вопрос с этой Пришей мне откровенно не хотелось.

— Ладно. Но сразу предупреждаю, это все надо проверять. Никаких поспешных выводов. — Я поплотнее запахнула пальто. — Сегодня одна не в меру талантливая менталистка заставила меня искупаться в озере. На балу я ее прижала. Говорит, сделала это по просьбе Приши Джай. Имя я слышу впервые, но видела только одну финирийку в институте, вот и подумала...

— Ясно.

И ни один мускул не дрогнул. Даже Монсон выказал больше удивления, изогнув брови над очками, а Берг только зашагал резче, злее.

— Никлас... — Я не знала, что хочу сказать и почему вдруг обратилась к нему по имени, но мой порыв оборвали.

— Я разберусь, — отчеканил Берг.

Вот, еще одну проблему скинула, но радости от этого почему-то никакой.

Дальше шли в молчании. Возле общежития, все еще темного и безжизненного ввиду отсутствия студенток, тьмаги коротко мне кивнули и так же молча ушли. Только Хольм замялся на мгновение, словно собирался что-то сказать, но так и не решился.

Смотрительница нашего корпуса, невысокая крепкая старушка с толстенной косой на зависть всем девицам, при моем появлении удивленно цокнула языком:

— Рановато ты.

Да, рановато, но по ощущениям я вышла отсюда целую вечность назад. Бал длится... сколько? Часа три? А у меня вся жизнь в очередной раз успела перевернуться.

Я неопределенно пожала плечами и побрела по лестнице на свой этаж. Думать не хотелось и не могло. Точнее мыслей было столько, что ни одну из них не получалось ухватить за хвост, и я перестала пытаться.

Все завтра. На сегодня с меня довольно впечатлений и выводов.

Завтрак я проспала, как и Трин, которая, кажется, явилась только под утро. И на тренировку мы с ней неслись на скорости света, заплетаясь и застегиваясь на ходу. В этой суматохе она даже как-то оттаяла и общалась со мной почти как прежде, подшучивая над нашим помятым видом. Я отзывалась с осторожной улыбкой, боясь спугнуть этот благодушный настрой.

Естественно, в тренировочный зал мы влетели последними, но выглядели ничуть не хуже остальных. Даже получше большинства, я бы сказала.

Парни терли глаза, зевали украдкой и едва заметно покачивались. И тьмаги тоже, хотя эти хоть старались удержать бодрые маски, и только троица моих вчерашних жертв вид имела не сонный и усталый, а донельзя мрачный.

Едва я вошла, сразу ощутила на себе их острые взгляды. Но только их, значит с остальными Берг, Монсон и Хольм новостями еще не успели поделиться.

Как ни странно, это одновременно и радовало, и угнетало: отсрочка давала возможность выдохнуть и не дергаться все занятие, но я бы предпочла узнать их реакцию сразу, не оттягивая неизбежное.

— Страдаете? — с порога ехидно спросил мэтр Кобэ, явившийся сразу за нами. — Гадаете, почему бал не устроили на день раньше, перед выходным? Или не дали вам и сегодня послоняться без дела?

Мы уже достаточно изучили наставника, чтобы не поддаваться на провокации, так что ответа он не дождался даже от самых несдержанных и языкастых.

— Все потому, — продолжил мэтр, останавливаясь перед нами, — что бал — это тоже испытание. Проверка вашей способности трезво оценивать свои силы, вашего здравомыслия и умения вовремя остановиться. Что ж, поздравляю. Вы все здесь, значит не совсем безнадежны. Но выглядите жалко, значит нам еще работать и работать. Двадцать кругов по залу должны вас взбодрить. Вперед!

Кто-то все-таки застонал, за что нам накинули еще пять кругов, но в целом пробежка и впрямь оказалась бодрящей. Как и последующие

эксперименты с двойным потоком, которые коснулись всех.

И начал мэтр, как и обещал, с меня.

Я знала, что так будет, но из-за утренней спешки не успела выстроить стратегию и... решила просто выполнить задание. Без притворства и сдерживания силы, но и не выпячивая ее. На самом деле, мне наверняка даже не придется к ней обращаться, раз уж смысл в том, чтобы использовать магию партнера. На меня вообще снизошло поразительное спокойствие, и вчерашние испытания при свете солнца казались чем-то обыденным и пресным, не стоящим внимания и лишних переживаний.

Ничего уже не изменить, а потому надо продолжать путь и не оглядываться. Иначе можно свихнуться.

Когда нас с Бергом вызвали в центр зала, я без всяких напоминаний начала плести вчерашний щит, а он так же молча вливал в меня силу. Мы не смотрели друг на друга, но я остро ощущала ледяное спокойствие тьмага, так похожее на мое. Он тоже принял решение, осталось только его услышать.

Потом к потоку Берга добавилась настороженная сила Монсона, и через несколько мгновений наша троица оказалась внутри крепкого купола, искрящегося энергией.

— Как видите, — обратился к остальным мэтр Кобэ, — даже при низких показателях Валборг сумела стать проводником для двух потоков. Значит, некоторые из вас способны принять и три, и четыре. А сдерживает вас только страх и недостаток усердия.

С этим я могла поспорить — сдерживающих факторов было гораздо больше, — но смолчала. В конце концов, все присутствующие уже пропускали через себя по одному потоку, потому шанс на успех с несколькими был немалый. И пусть на меня не стоило равняться никому, прятаться я больше не буду. Группе нужны хорошие показатели, даже единичные, иначе в рейд мы не попадем ни через две недели, ни через два месяца. К тому же, вдруг наш пример действительно подтолкнет кого-то в нужном направлении?

Вон как восторженно смотрят Сворты — готовы пробовать прямо сейчас.

С ними мэтр и продолжил, и Аарон даже умудрился принять немного силы второго тьмага, правда продержался недолго и развалил схему, подпалив себе брови. Дарену не повезло совсем, но, судя по

упрямо поджатым губам, сдаваться он не собирался. Как и другие — к обеду, помимо меня, появилось еще два мага с «достаточной проводимостью», как выразился мэтр, и восемь «подающих надежды».

— Вы понимаете, зачем мы это делаем? — спросил мэтр Кобэ в конце занятия.

Мы замерли, уставшие сильнее, чем после утренней пробежки.

— Тьмагам опасно приближаться к границе, — наконец неуверенно ответила Трин.

Она единственная сегодня никак не отличилась и не смогла принять никого, кроме Лукаса. Я подозревала, что проблема как раз в нем: его сила словно оберегала ее ото всех, не подпускала конкурентов, и это тревожило. А главное, я не могла посоветовать ей сменить партнера, хоть и была уверена, что с любым другим тьмагом Трин укротит и два, и три потока. Впрочем, мэтр не дурак и наверняка сам догадается в очередной раз нас перетасовать.

— И что из этого следует? — продолжил он допрос.

— Что в случае проблем мы должны стать проводниками, — отозвалась Трин. — Сосудами для их силы.

— Именно. Ваши первые рейды будут весьма однообразны, и несмотря на название «Охрана и зачистка», во главе у нас что? Правильно, «подпитка». Просто называть курс столь двусмысленно мы сочли излишним.

Кто-то фыркнул, хотя смешного было мало.

— Купол истончается кусками, их нам и предстоит залатывать. Напичканные силой тьмаги годятся для этого просто отлично, и пока часть из них будет помогать вам держать щиты и отбиваться от прорвавшейся через прорехи черни, другие со своими напарниками будут эти прорехи зашивать, подпитывая купол.

Кобэ говорил так легко, буднично, словно действительно имел в виду кройку и шитье. И словно тьмагов здесь не было.

— Но у границы будем только мы, слабосилки, — сделал вывод хмурый Аарон Сворт.

— Вероятно, но не факт, — пожал плечами мэтр. — Вчера мы кое-что проверили, и есть шанс, что наших тьмагов не срубят при приближении к куполу. Однако нужно быть готовыми к любой ситуации. Потому сегодня после лекций вы продолжите осваивать множественные потоки...

— ...на случай, если половину сосудов перебьют, — пробормотал кто-то, но Кобэ будто и не заметил.

— ...А завтра начнем увеличивать расстояние между напарниками. Поздравляю, выберетесь наконец на полигон.

— Ура, — уныло протянул Хольм, отражая общее настроение.

Да, все знали, куда шли, но такое открытое обсуждение неприглядных фактов воодушевлять не могло. Мол, учитесь, детки, управлять потоками сразу нескольких тьмагов, потому что в рейде их может остаться больше, чем вас. Ведь они, наша гордость и военная мощь, скорее всего, будут передавать вам силу с безопасного расстояния.

Зачем Кобэ это сделал? Зачем сначала взбудрил всех успешной демонстрацией, а потом сбросил в пропасть страшной правдой?

Очередная проверка? На что? На слабоумие и отвагу?

Я чувствовала, что он и сам не рад этому разговору, что, несмотря на беззаботность тона, что-то его гнетет. Но мэтр не из тех, с кого легко сорвать маску.

— Мы все умрем, — провозгласил Дарен Сворт, едва Кобэ покинул зал.

— Предлагаю это дело хорошенько заесть, — добавил Аарон.

— А если к вечеру станет совсем паршиво, то и запить, — закончил Хольм, и парни, переглянувшись, потянулись в душевые.

Сегодня была наша с Трин очередь пропускать и ждать.

Видимо, утренняя оттепель в наших отношениях была вызвана лишь растерянностью Трин после недолгого сна, и как только она немного пришла в себя, все вернулось на круги своя. Так что ждали мы в молчании.

Нет, я предприняла пару попыток завязать разговор, спрашивала про бал и про ее новых друзей, но односложные холодные ответы не вызвали желания лезть дальше. И только после душа Трин меня удивила, как бы невзначай заметив:

— А ведь мэтр дает нам шанс уйти.

От неожиданности я чуть не оторвала пуговицу, которую застегивала.

— Что?

— Он ничего не скрывает, не приукрашивает. Наверное, не хочет брать на себя груз вины, если мы... — Она осеклась, но тут же продолжила: — В самом начале учебы проще всего перевестись на основной курс.

Да. Пожалуй, она была права, и мэтр Кобэ подталкивал слабые звенья к отступлению. Раскрывал все карты, чтобы мы сами решали, готовы ли так рисковать. Ведь одно дело понимать неизбежность рейдов, и другое — знать наверняка, что именно ты будешь на передовой, а не сильные тьмаги.

— Ты... уйдешь? — осторожно спросила я.

— Нет. Но ты могла бы. — Трин захлопнула шкафчик и замерла, не глядя на меня.

— Я никуда не собираюсь.

— Зря. — Профиль ее заострился, кожа слегка побледнела. — У тебя, в отличие от остальных, есть деньги. Есть имя. Никто не осудит. Теперь уж точно, когда вы с Леннартом...

— «Мы с Леннартом» — что? — уточнила я, когда она снова умолкла на середине фразы.

— Ничего. Просто говорю, что эта блажь с геройскими рейдами может стоять тебе благополучной жизни. Жизни в принципе.

— Блажь? — неверяще переспросила я. — Трин, что происходит? Мне кажется, или ты всерьез подталкиваешь меня к переводу?

— Тебе кажется, — резко отозвалась она и, схватив сумку, вылетела из раздевалки.

А я осталась, встревоженная этим странным диалогом больше, чем возможностью в скором времени погибнуть в пасти черни.

В столовую шла медленно, и не обращая внимания ни на что вокруг. Машинально набрала еды, заметила за одним из столиков Свортов и Монсона и, уже усевшись, с удивлением обнаружила здесь же Берга. А ведь он с нами не трапезничал с тех пор, как...

Ох, демон!

Я быстро огляделась, не нашла в пустующем зале Приши Джай и снова посмотрела на вяло жующего Берга:

— Мне жаль.

Он поднял на меня глаза и, передернув плечами, уставился в тарелку:

— Не стоит. Мне не нужна та, кому нельзя доверять.

Почему-то казалось, что речь не только о Прише, но я и не хотела быть нужной, так что расстраиваться не спешила. Пусть не доверяет, пусть даже ненавидит, только бы помог...

— Это вы о чем? — прищурился Аарон.

— О ком? — уточнил Дарен.

— Ну, о ком, и так понятно. Самое быстрое расставание на моей памяти.

— Вот только откуда Валборг узнала?

— Да, и десяти минут ведь не прошло.

— Вот-вот, а ты только явилась.

— Так откуда информация?

Я на миг прикрыла глаза:

— Когда вы говорите по очереди, у меня болит голова. — Затем, игнорируя близнецов, снова посмотрела на Берга: — Все... подтвердилось?

— Да, — коротко ответил он, не отрываясь от тарелки.

Вот и поговорили.

Впрочем, сейчас явно не время и не место выяснять подробности, да и нужны ли они мне? Берг обещал разобраться и вряд ли обрадуется, если я спрошу, стоит ли мне опасаться удара в спину от

брошенной финирийки. Я сама спихнула эту проблему на его плечи, и любой намек на недоверие с моей стороны окончательно похоронит нашу... нет, не дружбу. Ее между нами и не было. Скорее, партнерство. Вот подходящее слово.

Так что я промолчала и принялась за еду под нескончаемую болтовню Свортов, и стараясь не замечать насмешливых взглядов притихшего Монсона. Вот уж кто ничего не упускает, и вся моя внутренняя борьба для него точно не секрет.

Мысли нет-нет да возвращались к Трин, но, когда тарелки опустели, а парни разошлись, у меня по-прежнему не было ни одной внятной теории, полностью объясняющей ее поведение.

Ментальное воздействие я отмела сразу. Во-первых, оно бы проявлялось иначе — вспышками, несвойственными поступками, — а во-вторых, нельзя же во всем винить вмешательство в разум. Скорее, Трин просто узнала меня получше и поняла, что такой человек ей не по нраву. Или поверила в одну из блуждающих обо мне сплетен. Это, конечно, не объясняло утреннего приступа дружелюбия, который сменился попыткой прогнать меня из группы, но мало ли...

Также я не исключала влияния Лукаса Лайне. О нем я вообще ничего не знала, но они много времени проводили вместе, и его сила реагировала на меня... агрессивно. Я и прежде отмечала, насколько Лукас сроднился с обретенной магией, но сегодня он не позволил Трин поработать с другими тьмагами — вероятно, сам того не сознавая, но если нет? Вдруг все это как-то связано?

Я не стала цепляться за эту соломинку, опасаясь, что просто ищу внешнюю причину, тогда как дело в самом обычном «не сошлись характерами», но за Трин решила приглядывать. На всякий случай. И поговорить бы не мешало, но вряд ли итог этих бесед будет иным.

На лекцию к природникам я брела все еще погруженная в раздумья, но с момента нападения тело и сила всегда были настороже, так что, когда в одном из пустых коридоров меня схватили и потянули в приоткрытую дверь, парализующее плетение выстроилось на автомате. И если бы знакомый голос не прошептал:

— Не кричи...

...я бы ударила. Благо не успела.

— Самоубийца, — пробормотали я, впитывая магию и глядя в улыбающееся лицо Виктора Леннарта.

— Я же предупредил, чтоб не кричала.

— Я и не собиралась кричать. Я собиралась убивать.

— Кровожадная...

И голос такой довольный, будто я сейчас должна растечься лужицей от такого комплимента.

Я хотела ответить, честно. Но все существующие слова выветрились из головы, когда Леннарт резко притянул меня к себе и поцеловал. На сей раз я уже примерно представляла суть процесса и все равно оказалась ведомой, вынужденной повторять его движения, потому что ноги снова подгибались и дыхание прерывалось.

Если так у всех, то целующиеся люди — самые уязвимые цели. Ничего не видят, ничего не слышат, ничего не соображают. Того и гляди, сами помрут от переизбытка чувств и нехватки воздуха.

С трудом, но я отстранилась первая, мягко толкнув Леннарта в грудь. Затем для верности отошла на пару шагов и... уперлась в стену.

— Мы где вообще?

Я оглядела пустую узкую комнатку, озаренную болтающейся под потолком лампочкой.

— Раньше здесь была кладовка. — Леннарт прислонился к противоположной стене. — Все уже вынесли, но пока не решили, что с ней делать.

— Seriously? — Я тихонько рассмеялась. — У тебя странные представления о романтике.

— Ну а что? Метелок и ведер здесь нет, просто комната.

— Ага, коморка два на два.

— После уборной вполне себе миленько.

Он снова притянул меня к себе, и я выгнулась в кольцо его рук, задрала голову и заглянула в глаза. Веселье как ветром сдуло.

— Что мы делаем? — тихо спросила я.

— Боимся.

— Чего?

Леннарт пожал плечами:

— Ты — огласки. Наверное. Не знаю. А я просто не могу предсказать твоей реакции и боюсь спугнуть неосторожным шагом. Хотел подсесть к тебе в столовой, но подумал, что получу не ласковую улыбку, а тарелку с рагу на голову.

— Я брала запеканку.

— Это, конечно, совсем другое дело...

Мы помолчали.

— Я не стану прятаться, — наконец заявил Леннарт.

— Две недели назад ты переживал, что из-за меня полощут твой славный род.

— Я тебя злил.

— Весьма успешно.

— Кая...

— Чего ты от меня хочешь?

Странно задавать такие вопросы, стоя с парнем в обнимку, но я новичок во взаимоотношениях. Если речь, конечно, о них...

— Я встречу тебя после лекции и провожу на тренировку, — твердо произнес Леннарт, так что мне оставалось только кивнуть:

— Хорошо.

— Ты не возражаешь? — удивился он.

— Ну ты же не спрашиваешь.

— Так вот он ключ к успеху. Не задавай вопросов — ставь перед фактом и действуй?

— Это вопрос?

Леннарт засмеялся и разжал руки:

— Понял, молчу. — Потом склонил голову и прищурился: — Чую подвох.

Подвох был. Я могла прогулять лекцию. Уйти раньше. Демонстративно проигнорировать ждущего меня Леннарта. Придумать еще с десятков вариантов, но только если бы захотела. А я не хотела.

Так что ключ к успеху действительно прост: пусть действует, не нужно осторожничать, но на то нам и дана свобода воли, что я тоже могу принимать решения.

— До встречи, — улыбнулась я и, пока он снова ко мне не потянулся, выскользнула за дверь.

— Легко не будет, — прозвучало тихое по ту сторону.

Кажется, то же самое сказала Трин в день нашего поступления. Тогда мы говорили об учебе, но, видимо, у жизни вообще нет легких сторон.

До аудитории я добралась быстро, на время пути забыв и о странностях соседки, и о бывшей Берга, и о прочих неурядицах. Просто позволила себе насладиться странным жгучим вихрем в

солнечном сплетении и, похоже, не на шутку напугала парочку студентов своей улыбкой.

А потом мир решил, что хватит с меня нескольких минут умиротворения, и огорошил новым поводом для тревог.

Тьмаги в едином порыве не явились на лекцию.

Я видела, как маги из нашей группы недоуменно оглядываются в поисках напарников. Чувствовала, как напряжена Трин, с которой мы по-прежнему сидели рядом, несмотря ни на что. И сама тоже нервничала, хотя в отличие от остальных догадывалась, куда подевались тьмаги.

Берг, похоже, не нашел лучшего времени, чтобы сообщить им новости, а значит, сегодняшняя тренировка будет поистине феерична. Мне осталось только явиться под ручку с Леннартом, чтобы окончательно закрепить эффект.

Ах да, это я и собиралась сделать.

Он, как и обещал, ждал возле аудитории. Сразу оценил мой мрачный вид, молча взял за руку и повел прочь.

Чужие взгляды обжигали не хуже атакующих плетений, шепотки били по нервам, разномастные эмоции на лицах раздражали. Даже на балу такого не было. Казалось, мы не по институтским коридорам идем, а прорываемся сквозь вражескую армию, но я терпела, только пальцы Леннарта стискивала все сильнее.

— Будет больно — скажи, — пробормотала ему.

— Ты услышишь предупреждающий хруст костей, — в тон отозвался Леннарт.

И я все-таки улыбнулась.

На улице стало полегче, то ли из-за прохлады и притока воздуха, то ли всем просто надоело на нас пялиться. Я чуть ослабила хватку, потом попыталась и вовсе расцепить наши руки, но Леннарт удержал.

— Чую двойное дно в этой настойчивой демонстрации, — хмыкнула я.

Он глянул искоса и передернул плечами:

— Просто работаю на опережение. Чем больше покажем, тем меньше придумают. Чем раньше — тем быстрее им надоест.

Я только головой покачала:

— Ты ничего не понимаешь в сплетниках.

Но тему решила не развивать. Даже если там какие-то иные мотивы, не все ли равно? Долгоиграющих планов я не строила, на

счастливое будущее с Леннартом не рассчитывала, да и на будущее в принципе. Мне осталось... сколько? Недели две?

Нет, я не готовилась к неизбежной смерти, но даже если все закончится относительно благополучно, к чему я вернусь?

К древнему, но никому не нужному роду, состоящему из меня одной; к паре холодных домов, наполненных тяжелыми воспоминаниями; к одиночеству и к Ульффу. Я никого не потащу в эту пустую жизнь, и если каким-то чудом осуществлю задуманное и выживу, то, наверное, просто уеду. Столько слухов ходит о моих путешествиях, а я нигде толком и не бывала. Только в Норвдалг и сплавала сразу после освобождения, но не видами любовалась, а искала следы своего двойника. Может, и правда в Перею податься? Их духовные практики выглядят перспективно.

Но пока что... пока что ладонь Виктора Леннарта дарит тепло, по которому я безумно скучала все годы во Тьме. И целоваться мне нравилось, даже возникали мысли о большем — что мне терять? Так что да, я в какой-то мере его использовала, и возможность, что это взаимно, не вызывала возмущения.

Пусть.

Главное, что за пару дней он дал мне неизмеримо много. Чувство безопасности. Нужности. Важности. Остальное вторично и в моей ситуации совершенно несущественно.

— Смотрите очень мило, — прервал знакомый голос и мои размышления, и наше с Леннартом уютное молчание.

Рука его на миг сжалась, но тут же расслабилась.

Я посмотрела на пристроившегося слева Кобэ-младшего. Он бодро шагнул с нами в ногу и явно тоже в сторону полигона.

Вот ведь... вездесущий. И как всегда несвоевременный.

— Ты несколько портишь эту милую картину, — заметила я.

— Ой, да ладно! Я добавляю остроты.

— Коб, свали, — процедил Леннарт, даже не поворачивая головы в его сторону.

— Успокойся, дружище. Не ты один имеешь право насладиться зрелищем, раз уж нас в кои-то веки допустили.

Я сбилась с шага.

— Ты о чем?

— О вашем показательном выступлении, — сверкнул зубами Коб. — Его перенесли. А еще пятому и шестому курсам разрешили присутствовать. Только боевикам, разумеется. Будем скандировать ободряющие лозунги с трибун.

Я мысленно застонала.

Только этого не хватало. Либо мэтр решил, что с поддержкой и без подготовки нам будет проще, либо это очередное испытание стрессом, и как на негоотреагируют тьмаги, только бездна знает. Я им и без того сегодня обеспечила бурю эмоций.

— Надеюсь, на трибунах хорошая защита, — пробормотала я.

— Ну, мы с Ленном в свое время ее пробить не смогли. Так ведь, дружище?

Леннарт не ответил, лишь ускорил шаг, увлекая меня за собой.

— Чего ты такой смурной? — не отставал от нас Коб. — Девчонку заполучил, папашу успокоил, расслабься и радуйся! Вообще, сказал бы сразу, в чем соль, я бы твоим давным-давно донес, что вы с Валборг не разлей вода...

Я не успела среагировать. Даже движения заметить не успела: просто моргнула, а в следующую секунду Леннарт уже не мою ладонь сжимал, а горло Коба.

Тот в ответ вскинул руки, будто сдаваясь, и улыбнулся.

— Какой нервный, — прохрипел едва слышно. Видимо, хватка была сильной. — А еще лучший на боевом... ну-ну...

И наконец пазл сложился.

Провокационные речи о тьмагах и ущемлении прав простых боевиков на нашем первом занятии. Бесконечные шутовские подначки, подбивание на аморальные споры, поведение в целом. И как я раньше не догадалась?

Ладно прочие студенты, они, похоже, и не видели иного Коба, но я ведь чувствовала, что с его излишним вниманием что-то не так. А еще, наверное, одна из немногих здесь знала о порочной практике руководства ИОВ использовать катализаторы...

Когда-то эта роль досталась моему деду, и он любил порой делиться воспоминаниями. Естественно, я ведь не могла никому рассказать...

— Тебе хоть платят, или стараешься за идею и во благо семьи? — спросила я Коба, а когда тот в ответ лишь просипел что-то невнятное,

положила руку Леннарту на плечо: — Отпусти его. Все в порядке, правда.

Он нехотя разжал пальцы и отступил, не сводя с приятеля напряженного взгляда.

— Ну и манеры. — Коб потер шею и хмыкнул: — Раньше ты так легко не заводился. Чувства затмевают разум?

— На вопрос ответить, — напомнила я о себе.

Он прокашлялся и сунул руки в карманы:

— Не понимаю, о чем ты.

— Да? Хочешь, чтобы завтра о твоей подрывной деятельности говорили все, кому не лень?

— Думаешь, кто-то это допустит? Столько лет тишины, и вдруг малышка Валборг раскроет истину? Ну-ну, попробуй. — Коб задорно улыбнулся, подмигнул, обогнул нас по широкой дуге и продолжил путь к полигону, напоследок бросив через плечо: — И кстати, это не подрывная деятельность. Это выявление гнили.

Мы стояли в тишине, пока он не скрылся за поворотом. Затем пропустили еще нескольких старшекурсников, спешащих на трибуны насладиться представлением, и только после этого наконец отмерли.

— Все не так, — мрачно произнес Леннарт, уже не пытаясь взять меня за руку. Мы просто шли дальше плечом к плечу. — Про отца... Я не успокаивал его. Да, он был недоволен ситуацией, требовал все исправить, помириться с тобой, и я потому и начал приглядываться. Но... все не так.

А это забавно. С чего Леннарту-старшему так печься об отношениях со мной? Насколько помню, с дедом они никогда не ладили, да и на меня всем стало глубоко плевать лет эдак с двух, когда выяснилось, что силы во мне критический минимум, и я могу испортить любую родословную. Леннарты своей особенно гордились — ни одного слабого мага за семь веков, — и Виктора дед наверняка потому и выбрал. Знал, что тот только посмеется над предложением жениться на слабосилке.

И вдруг это требование наладить со мной контакт.

— Я ничего о тебе не рассказывал, сам ничего не знаю толком, — продолжил Леннарт, хотя я и не собиралась о таком спрашивать.

— Все в порядке. Твой отец волнует меня меньше всего.

Он усмехнулся:

— Ты еще ни разу не отреагировала так, как положено девушке.

— Мне устроить истерику? — вскинула я бровь.

— Нет. Лучше объясни ваш разговор с Кобом. О какой деятельности речь?

Хороший вопрос... Коб так уверенно заявил, что мне не позволят распространить это знание, что делиться им было чревато. Вот только и отмалчиваться уже поздно.

— Он катализатор, — вздохнула я в итоге. — Раздражитель.

— Ну, что раздражитель, это точно...

— Нет, ты не понял. Это официальная роль. Почти должность. — Я покачала головой. — Для кого-то даже почетная. Обычно выбирают достаточно сильного и родовитого, но не самого-самого. Того, кто не стремится к вершине, но связан со всеми студентами, всегда на виду. Моего деда выбрали, потому что он не собирался в большую политику, планируя заняться наукой. А Коба... тут, наверное, родственные связи с преподавателем сработали.

— Вот же...

Леннарт наконец понял, даже вскрывать подробности не пришлось, а ведь их было немало, и не самых приятных.

В теории, катализатор — вполне неплохая идея. Их вербовали только в том случае, когда в институте скапливалось достаточно потенциальных лидеров. Тех, кто в скором времени займет важные посты, возьмет в свои руки судьбы людей и империи в целом. Такие лидеры должны в совершенстве владеть силой и собой. Должны быть кристально чисты и неподкупны, и не потому, что хорошо скрывают свои пороки, а в принципе.

Катализатор же как бы невзначай вскрывал в претендентах худшее. Тут шепнул, там предложил аморальный спор — на девушку, например, — здесь спровоцировал драку. Ничего особенного, обычная жизнь, ведь за пределами института всех ждут те же самые искушения. И воздействию подвергались не только сами объекты, но и их близкие, те, кто мог в будущем оказывать на них влияние.

Думаю, ко мне Коб прицепился из-за одновременной связи с Леннартом и тьмагами. Просто удобная мишень, чтобы нервировать всех сразу. Ну и, должна признать, за рамки он пока не выходил.

В отличие от моего деда. Вспоминать противно, с какой гордостью он вещал о своих подвигах. О том, как доводил людей до

срывов. Как ломал жизни. Он был уверен, что уберег империю от слабаков и идиотов, но, по мне, подвести к краю пропасти можно любого, и жаль, что за эти преступления старый демон так и не ответил.

Оставалось надеяться, что в наши дни за раздражителями следят лучше, и что Кобэ-младший не заиграется в бога.

— Я тогда только ему рассказал о твоём... предложении, — мрачно произнес Леннарт.

— Я так и поняла.

— Думал, что делюсь с другом, а не с каким-то... шпионом.

— Ты радоваться должен, — фыркнула я, заработав скептический взгляд.

— Чему это?

— Он от тебя столько лет не отстаёт. Значит, где-то наверху на тебя большие планы.

И у меня тоже был повод для радости: хотя бы одна странность прояснилась. Да, ещё предстояло разобраться с поведением Трин и с тьмагами, но насчёт Коба теперь точно можно не дергаться — понятное быстро перестаёт быть опасным.

Леннарт просто смотрел на меня. Молча, неотрывно. И так долго, что я забеспокоилась, как бы не опоздать на занятие, но оборвать эту нить отчего-то не могла.

— Ты меня когда-нибудь простишь? — наконец выдавил он.

Я криво улыбнулась:

— Ты нашёл обещанные слова?

— Их не существует.

— Тогда попроси обычными.

— Хорошо. Прости, что был ублюдком.

— Прощаю, — кивнула я. — За хамские угрозы во второй день занятий. И за то, что разболтал о моей глупости Кобу. Во всем остальном нет твоей вины.

Он на миг прикрыл глаза:

— Откуда ты только взялась такая.

«Из Тьмы».

— Когда-нибудь расскажу. А сейчас доведи меня уже до полигона.

Готовые к тренировке и уже оповещенные о переносе испытаний тьмаги ждали в зале, и их лица напомнили мне о том, что надо бы составить завещание.

Нет, жажды убийства на них не наблюдалось, но и желания ввязываться в мою авантюру тоже, а значит, рейд мне не пережить.

«При первой же возможности позвоню Торвальду, — в сотый раз пообещала я себе, натягивая форму — А еще лучше отправлю к нему Ульфа с документами. Пусть будет подальше от столицы на случай, если мои манипуляции с Тьмой начнут расследовать. Ну и вдвоем они со всем справятся. Городской дом продадут, из поместья пусть какой-нибудь приют сделают. Или школу для нестабильных магов. Чтоб старый демон в бездне захлебнулся желчью, ненавистью и бессилием».

По-моему, отличный план. Да исчезнут проклятые Валборги с лица земли безвозвратно, но пусть оставят после себя хоть что-то хорошее.

К началу занятия я уже стипендию придумала и обозвала ее маминым именем, да так увлеклась, что почти не испугалась людей на трибунах. Да, их было многовато. Боевики-старшекурсники, преподаватели, прочий персонал. Я даже заметила бледное лицо Ульфа в толпе, и сердце сжалось. Приглядывает...

Ну а вообще, полигон огромный, до зрителей далеко, если не вертеть головой, то будто и нет никого.

— На зевак не смотрим, — вторил моим мыслям мэтр Кобэ, расхаживающий перед нами взад-вперед. — Это обычная тренировка.

— Зачем тогда их позвали, — пробормотал Хольм.

Кобэ услышал:

— Затем, что это учебный процесс, а не секретные испытания. Пусть ваши ошибки видят. И успехи тоже, если таковые будут.

Да уж, подбодрил так подбодрил. Я украдкой огляделась и наткнулась на взгляд Берга. Спокойный, уверенный.

«Мы в деле», — произнес он одними губами и тут же отвернулся, а я... выдохнула.

Еще один сброшенный с плеч камень. Теперь надо только не опозориться перед толпой (меньшая из проблем), дожить до рейда и повернуть там откровенно безумный план по избавлению нашего мира от Тьмы.

Может, и завешание не понадобится, и в Перее удастся побывать.

— Исследования показали, что болезненная реакция тьмагов на Тьму начинается с пятисот метров, — продолжал меж тем мэтр Кобэ. — Кто скажет, какие плетения настолько... дальнобойные?

— Атакующие, — ответил Ян Монсон, и мэтр кивнул.

— Верно. Но вам надо не прибить напарника, а передать ему силу. Как на предыдущих занятиях, только не стоя лицом к лицу, а с расстояния больше полукилометра. Справитесь?

— Так точно! — хором отозвались тьмаги и зачем-то близнецы Сворт.

— Хорошо. Лайне, Йенсен, вы первые.

Я удивленно посмотрела на вышедшую вперед Трин. Да все удивились такому выбору — она единственная утром не справилась с задачей, и было странно начинать именно с этой пары. Хотя, если вспомнить, первые взаимодействия удавались им хорошо.

— А вы чего замерли? — прикрикнул на нас Кобэ. — В сторону! Йенсен, Лайне, ваши позиции отмечены флажками. Йенсен, задержись на секунду.

Пока мы бестолково пятились к боковой границе полигона, Трин настороженно приблизилась к мэтру, а я, засмотревшись на них, пропустила толчок. Легкий, не магический. Просто удар плечом от проходящего мимо Лукаса Лайне.

Я потеряла равновесие и едва не грохнулась, но успела ухватиться за стоявшего рядом Монсона.

— Не обращай внимания, — шепнул он. — Остынет.

— Это что вообще было? — Я хмуро пялилась Лайне вслед, но он так и не обернулся.

— Чрезмерная реакция, — хмыкнул Монсон. — Некоторым... тяжело принять.

«Что принять?», — хотела спросить я. Истинную природу своей силы? Или перспективу этой силы лишиться? Я ждала неприязни, я видела ее на их лицах, понимала, что именно олицетворяю для

тьмагов, но почему тогда Берг сказал, что они в деле, если некоторые готовы меня растоптать?

Наверное, им и правда нужно время, чтобы смириться. Жаль, что его у нас нет.

— Обсудим позже, — пробормотала я и, отстранившись, сосредоточилась на Трин.

О чем-то быстро переговорив с мэтром, она уже добралась до своего флажка и теперь ждала действий напарника. Тот не торопился, покачивался с пятки на носок, разминал руки, словно сила имела физическое воплощение, которое ему предстояло буквально дотащить или добросить до Трин.

А потом вокруг нее за пару секунд просто вырос кирпичный колодец. Даже целая башня, с остроконечной крышей и окошком в вышине.

— Отлично! — произнес мэтр Кобэ, и его усиленный голос разнесся по полигону. — Трин Йенсен, показатели семнадцать-одиннадцать. Иллюзия высшего порядка.

Действительно демонстрация. Смотрите, какая слабая девочка, а что смогла благодаря чужой силе. Полагаю, мэтру приспичило кому-то что-то доказать, оттого и спешка. И вероятно, приспичило не просто так — кто-то давит, требует результатов, а то и вовсе не уверен в успехе нашей группы.

На сей раз не облажался никто — в конце концов, слияние мы и впрямь освоили на отлично, и расстояние помехой не стало. Тьмагов мэтр Кобэ сразу отправлял на позицию, а с их напарникам несколько секунд о чем-то неизменно говорил.

Давал наставления, как я выяснила, когда пришел и мой черед.

Нас с Бергом приберегли напоследок.

— Удиви, — велел мэтр, едва я приблизилась. — От этого многое зависит. Используй преимущество статуса — в твоём роду должны храниться уникальные плетения. А Берг не подведет.

В этом я как раз не сомневалась, а вот поставленную задачку решала долго. К флажку шла медленно, будто взбиралась на эшафот, и даже одинокий выкрик с трибун меня не поторопил:

— Не тяни, Валборг, мы знаем, что ты бездарь!

И это обещанные Кобом ободряющие лозунги? Я только усмехнулась и головой покачала, продолжая мысленно перебирать

возможные плетения.

Эффектнее всего, конечно, иллюзии, но их уже продемонстрировало семь из одиннадцати выступивших пар, так что очередной удивится только трехлетний ребенок. Щиты слишком статичны и скучны, атаки — однобоки и однообразны. Если попытаться что-то вырастить на полигоне, меня не простят — очень уж охотно магия приживается в земле, потом этот огород никто не выведет. Все остальное требовало если не реквизита, то хотя бы не столь открытого пространства — мелких манипуляций зрители просто не увидят.

Ох, неспроста нам не дали подготовиться и потренироваться, кому-то наша группа как кость в горле. А значит, я должна поднапрячься. Чтобы ни у кого не осталось сомнений: в рейд нам можно и нужно, и желательно поскорее.

О совете мэтра воспользоваться преимуществом я вспомнила уже у самой отметки, только преимущество выбрала другое: не свой древний род и его тайные знания, а нашу с Бергом двойную силу. Если перекинуть на него основное плетение, то я смогу удержать и напитать второе, схему в схеме, и тогда у нас получится не просто красивая иллюзия, а иллюзия материальная и... атакующая.

Дракона я сплела по старым маминым заметкам. Она любила сочинять и проигрывать всякие истории и даже там, в бункере на Пустоши, продолжала придумывать сказки для брошенной дочери. И этого крылатого ящера я уже выстраивала — признаться, довольно часто, — но обычно он был размером с ладошку.

Теперь же огромные золотые крылья накрывали тенью весь полигон.

Народ на трибунах запрокидывал головы, что-то говорил, тыкал в небо пальцами, но все это я отмечала лишь краем глаза, продолжая любовно вырисовывать детали и вливать в них магию Берга. Три острых шипа добавила на чешуйчатый лоб в последний момент, а то очень уж солнечный получился монстр, после чего перебросила схему Бергу, молясь, чтобы он почувствовал, сориентировался...

Тьмаг удивился, когда вектор силы развернулся на сто восемьдесят градусов и снова ткнулся ему в руки; вздрогнул, но не подвел. А я тем временем поселила в широкой груди золотого дракона

огонь, и зверь, заложив над нами пару кругов, плюнул им прямоком в разделявшие нас с Бергом пятьсот метров.

Трава занялась моментально. Неиллюзорно так занялась. И пламя быстро поползло в стороны, вызвав немало волнений в рядах зрителей.

— Огонь настоящий? — заорал кто-то.

— Ты идиот? Конечно! Смотри, как воздух искажен!

— И зверь настоящий?

Я улыбнулась, наполняя грудь дракона водой, и вскоре он сам затушил устроенный пожар. И плевать, что меня при этом тоже окатил с ног до головы, зато теперь точно ни у кого не останется сомнений в реальности огня и воды.

Когда древний ящер, издав победный вопль, взмыл ввысь и рассыпался миллионом золотых искр, над полигоном повисла тишина. От выгоревшей до черноты земли поднимался пар, с меня ручьем стекала вода, но я все еще улыбалась. И Берг тоже, а может, мне издавека померещилось, и все дело в его шраме.

— Кая Кристина Валборг, — наконец нарушил тишину чуть хрипловатый голос мэтра Кобэ. — Показатели тринадцать-тринадцать. Иллюзия и... атака. Уровень... неизвестен.

И пусть я держалась всю тренировку, но теперь смолчать не могла, так что быстро сплела нехитрый усилитель и добавила:

— Никлас Берг, показатели неизмеримы. Тьмаг.

На трибунах заплодировали.

Следующие несколько дней я спала по четыре-пять часов и нагло прогуливала дневные лекции.

Первое — потому что безопасно обсуждать с тьмагами план действий у границы получалось только поздно вечером, считай, ночью. А второе — потому что мне глупо и наивно хотелось побыть с Леннартом, а все остальное время было забито тренировками. Тем более возвращаться к учебе я не собиралась, даже если выживу (по крайней мере, не сразу и не в формате ускоренного экспериментального курса), так что недовольство преподавателей меня волновало мало. Да и их мое отсутствие, вероятно, тоже — жалоб не поступало.

В итоге к концу недели две из трех сторон моей новой жизни радовали если не регулярными успехами, то хотя бы уверенной стабильностью.

Мэтр Кобэ, очевидно, получивший похвалу за наше театральное выступление, с удвоенным рвением взялся за физическую подготовку группы и оттачивание всевозможных щитов. Думаю, он уже решил, кто из нас будет подпитывать купол, а кто стоять на страже и в случае беды отбиваться от черни, но пока гонял всех одинаково.

С Леннартом все тоже было... хорошо. Точнее, все так же тепло и безопасно. За время этих совместных обедов, прогулок и тихих бесед в самых разных уголках полюбившегося мне парка, я улыбалась и смеялась больше, чем за все предыдущие годы вместе взятые. Сплетни о нас если и ходили, то где-то очень далеко и полушепотом, и если не прислушиваться и не приглядываться, можно было подумать, что до нас вообще никому нет дела. Или всем и правда поднадоела заезженная тема, потому нас и оставили в покое.

О Тьме мы почти не разговаривали, хотя я знала, что Леннарт ждет этой неприглядной истории; ждет, но не торопит. И щемящая благодарность за его терпение и понимание, клубком пульсировавшая в груди, грозила вот-вот перерасти в нечто большее.

Вот только я пока не позволяла. И скрывала прошлое не из чувства стыда или надуманной таинственности, просто рассказав про

деда, Тьму, бункер и прочее, мне пришлось бы раскрыть и остальные карты. Раскрыть причину своего появления в ИОВ и наши планы с тьмагами. Я не тешила себя иллюзиями, будто Леннарт тут же бросится нам помогать или мешать, желая меня спасти, просто не хотела, чтобы он был хоть как-то замешан. Мало ли, чем все это обернется...

Ладно, увидеть воочию, бросится или нет, тоже не хотела. И пока этот песчаный замок не смыло приливом, просто наслаждалась каждой секундой.

Ну а третья сторона — полуночные совещания с тьмагами — не задалась как-то с самого начала.

— Нет, — сходу отмахнулся Берг от самого спорного, но неизбежного пункта моего плана. — Мы не станем вырубать двенадцать человек.

— Предлагаешь взять их с собой?

Обсуждали мы все втроем, с ним и Монсоном, чтобы не привлекать лишнего внимания шумным сборищем и ради продуктивности. А потом уже Берг, как командир, инструктировал остальных.

— Мы можем отделиться, — неуверенно предложил Монсон.

— Ага, незаметно так располовинить группу. — Я покачала головой.

— А если пойти раньше? Самим? До рейда?

— Невозможно. Нас перебросят порталом на заранее обговоренную точку. Там военных как саранчи — сами знаете, патрулировали же. Я бы не заморачивалась с этим курсом, если бы могла сама провести вас к границе.

— Отлично, — скривился Берг, — то есть уже не двенадцать человек, а неизвестно сколько. Мэтр, все маги, кроме тебя, и отряд военной поддержки.

— Они нас просто встретят и проведут через заставу. — Я не знала этого наверняка, но мэтр упоминал, что у купола мы будем одни, значит сопровождение временное. — Да даже если там целая армия соберется — выбора нет!

— Ты смертница, — холодно заметил Берг. — По глазам видно. Может, умирать и не хочешь, но не думаешь о том, что будет дальше. Идешь в один конец. А мы все рассчитываем вернуться и продолжить

учебу. По-твоему, нас не сошлют прочь за нападение на мэтра? Про военных вообще молчу! Это приговор. Мы присягу давали.

Я поджала губы:

— Мы их просто усыпим. Потом можно списать на влияние Тьмы, на что угодно! Все равно что-то придется придумывать, если... когда Тьма вдруг исчезнет.

— Усыпим и бросим? У самой тонкой части купола? — тихо спросил Монсон. — А если... чернь?

— На страже останутся восемь тьмагов.

— Что?! — Теперь они оба уставились на меня как на сумасшедшую.

— Ты же говорила, мы все должны быть... там, — прищурился Берг.

Объяснить это решение было одновременно проще и сложнее всего, потому что, как только мы шагнем в портал, выбора уже ни у кого не останется.

— Источник распечатали пятеро, впятером мы его и закроем. Я. Вы. И выберете еще двоих, на ваше усмотрение. — Мне бы хотелось указать на нужных тьмагов самой, но нельзя совсем лишать их свободы. — Остальные будут ждать у границы, охранять спящую часть группы и не выпускать чернь, если та попыбует прорваться. А когда Тьма уйдет... если она решит забрать вашу силу с собой, истончившийся купол ей не помешает.

— Только нашу силу? — заметил оговорку Берг.

— Своей я лишусь без вариантов. — Я попыталась улыбнуться. — Проводник, помните? Я буду пропускать Тьму через себя, направляя в брешь, пока не уйдет все до капли.

Молчали они долго. Сосредоточенно. И хорошо, что не попытались меня жалеть — слишком долго я шла к смирению и спокойствию, не хватало только размякнуть.

Еще две ночи мы изучали плетение, которое использовали мои родители для вскрытия Источника, и его вывернутый вариант, которым я хотела все закрыть. Вносили правки, пробовали соединять особо сложные узлы. Также я расспрашивала тьмагов о системе патрулей, а они меня — о точке назначения и ее удаленности от нашего вероятного места высадки. Вот только в данном случае расстояние роли не играло:

Тьма ждет меня и быстро перенесет, куда надо. Главное и ребят прихватить.

Монсона больше всего волновала наша болезненная реакция на схожую силу, но здесь я ничего предложить не могла.

— Перетерпим, — хмуро заключил Берг.

Я кивнула:

— Если не сопротивляться, боль быстро проходит...

А на четвертую нашу совещательную ночь в тренировочном зале они наконец сказали, кто еще зайдет под купол. Ожидаемо — Хольм. Неожиданно — Лайне.

— Нет, — попробовала возразить я, но аргументы, которые в моей голове звучали вполне разумно, на слух оказывались полным бредом.

Он слишком прикипел к своей магии.

Он напарник Трин, и она перестала со мной общаться.

Он толкнул меня плечом.

— Да как он посмел, — деланно возмутился Берг.

— Но Трин...

— Ты ей не нравишься. Не ей одной.

— Слушай, я ему просто не доверяю.

— А он тебе. Все мы. И тем не менее идем за тобой и надеемся, что ты не выжмешь нас там досуха ради какого-нибудь ритуала.

— Лукас просто нашел, кого винить, кроме себя, — попытался смягчить Монсон грубый тон Берга. — Ему пришлось нелегко, а это шанс все исправить.

Я нахмурилась:

— Что исправить?

Парни переглянулось, и Берг нехотя пояснил:

— Мы шагнули во Тьму за ним.

— Что? — Я даже подскочила.

— Он был новобранцем и сразу попал в патруль. Растерялся, что-то услышал. Мы толком ничего понять не успели, а он уже по ту сторону купола. Пришлось вытаскивать, а дальше ты знаешь. Мы не справились.

— Это тяжелый груз, — добавил Монсон. — Мы-то его не винили, но он сам... И в научном центре часто срывался, пытался сбежать. А когда узнал, что ты хочешь вернуть нас всех туда, поначалу

немного вспыхнул, но теперь считает, что если кому и идти в самое пекло, то ему. Мы не вправе лишать его этого шанса.

Возможно, не вправе. Но, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, я просто знала — чувствовала, — что с Лукасом Лайне что-то не так, и история о том, как он добровольно полез под купол, только укрепила мои подозрения. А еще Трин... Я ведь не оставляла попыток с ней поговорить, проверяла ее на внешнее воздействие, даже снова отловила Хелен Эрт, чтобы исключить ментальные трюки, и ничего. На разум Трин никто не влиял, на вопросы она не отвечала, лишь замыкалась все больше и стала совсем бледной и тонкой, почти прозрачной.

Да, у нее появились подруги в общежитии, и они не замечали никаких странностей, да и с Лукасом она вела себя спокойно, часто улыбалась, смущалась. Я бы даже поверила, что проблема и правда во мне, но...

Что-то было не так.

Той ночью я не нашла слов, чтобы убедить парней, но решила, что время есть. Еще минимум неделя, а то и больше. Я изучу этого Лайне вдоль и поперек, залезу в самое его нутро, найму кого-нибудь, чтобы покопался в его биографии, если придется...

Эти мысли не оставили меня и наутро, я даже подумала, что можно подключить Леннарта, а потом в зал вошел мэтр Кобэ, криво улыбнулся нашей измученной усиленными тренировками группе и объявил:

— Поздравляю, сегодня у вас короткий день. Прогоним пару новых щитов, и все.

Радоваться мы не спешили, и правильно.

— А завтра, — продолжил мэтр, резко посерьезнев, — мы отправляемся в рейд.

«Это далось мне очень тяжело».

Пожалуй, делись я с кем-нибудь своей историей, эта фраза звучала бы постоянно. В моей короткой жизни было много сложных решений и неподъемных задач, но никогда бы не подумала, что самым нелегким окажется выгнать Ульфа из столицы.

— Даже орда демонов не сдвинет меня с места, — заявил он, вдавливаясь в кресло так, будто надеялся врасти в него намертво.

Я только вздохнула:

— Так надо...

Мэтр Кобэ отпустил нас буквально через два часа ослабленной тренировки, и я сразу отыскала Ульфа в парке, где он увлеченно отмечал места для новых скульптур, которые должны были изваять из камня природники. Я видела, насколько он здесь свободен и счастлив, и, пока мы пили чай в его домике, боролась с сомнениями: а надо ли все разрушать? Но ситуация грозила обернуться скверно, и я не могла допустить, чтобы Ульф пострадал. Только не он.

— Пойми... — снова начала я и снова не нашла слов.

— Понял уже один раз, — буркнул Ульф. — Никогда себе не прощу.

— Ульф...

— Что «Ульф»? Что «Ульф»?! Думаете, я не видел ничего? Не замечал? Но предпочел поверить вашим улыбкам и обещаниям, что все будет хорошо. А лучше бы... лучше бы...

Он побледнел и изо всех сил вцепился трясущимися пальцами в подлокотники кресла. Я поспешно села на пол у его ног и сжала морщинистую ладонь. Ульф охнул, попытался было подняться, но от напряжения не смог.

— Тогда ты ничего не мог сделать, — прошептала я, успокаивающе поглаживая его руку. — Если б попытался, дед бы убил тебя.

— А и пускай! — запальчиво воскликнул Ульф. — Хоть не стыдно бы было перед богами. А то глядишь, я бы и его с собой в бездну утащил, и не мучил бы вас этот монстр столько лет.

Я уткнулась лбом в его колено и зажмурилась, почувствовав нежное прикосновение к волосам. Прямо как в детстве.

— Никогда себе не прощу, — повторил он. — Стоял и смотрел... как он вас увозит.

— Твой поводок был покороче моего, — тихо напомнила я.

— Собаки срываются, и я мог...

Нет, не мог. Я знала, насколько крепко дед связал старого дворецкого множеством печатей и ограничений. И если бы я не врала тогда, что все хорошо, если бы не успокаивала его наигранной веселостью, Ульф бы глупо сгорел в огне нарушенной клятвы.

— Все это в прошлом, поверь, — прошептала я, не открывая глаз. — И чтобы уже никогда к этому не возвращаться... не вспоминать о нем... я должна кое-что сделать. Мне будет легче от осознания, что ты далеко отсюда. В безопасности.

На самом деле я понимала: если ситуация обострится, если кто-то начнет копать и возьмется за Ульфа, его найдут где угодно. Так что было важно не столько выслать его, сколько отправить именно в поместье к Торвальду.

Поверенный не один год служил деду и знал все лазейки и обходные пути в законодательстве. И если бы вдруг связь Валборгов с Тьмой всплыла, он бы не позволил никому давить на нашего верного слугу. Да и имя рода постарался бы защитить, хотя на последнее мне было откровенно плевать.

А еще я все-таки оставила кое-какие указания на случай, если не вернусь, и передавать их почтой не собиралась.

Я встала, подошла к вешалке и, вынув из кармана пальто конверт, отнесла его на стол.

— Я могу доверять только тебе.

Ульф провожал каждое мое движение мрачным взглядом.

— И с пройдохой этим уже сговорились?

Я кивнула. Торвальду я наконец позвонила, но разговор вышел коротким. Я просто услышала, что делам поместья нет конца и края, и что поверенный уже готов выть на луну, и передала, что вскоре к нему присоединится Ульф. Не для совместного воя, разумеется.

Он помрачнел еще сильнее:

— Я ведь понимаю, что вам тут от меня никакого прока. Только ради собственного спокойствия и наблюдаю порой со стороны. Но

вдруг однажды все же смогу...

— Пожалуйста, — тихо попросила я, и Ульф поник.

— Хорошо. Скажу о срочных семейных проблемах. Дней на десять должны отпустить, а дальше... — Он вздохнул. — Не вернусь, так пусть замену ищут.

Я снова подошла к нему, огладила рукой плечо и на миг прижалась губами к макушке:

— Спасибо. Поезжай сегодня же.

— Да, да... мне и собирать-то особо нечего.

Ульф с кряхтением поднялся, взял со стола письмо и побрел в сторону спальни, а я дышала через раз, боясь озвучить еще одну просьбу.

— Ульф, — выдавила наконец.

Он обернулся.

— Поезжай сегодня, — повторила я, — а им скажи, что с утра.

«Чтоб не присылали никого в дом раньше времени», — осталось за кадром, но дураком мой старый друг никогда не был. Не знаю уж, много ли он видел, пока наблюдал за мной со стороны, и какие выводы сделал, а сейчас только головой покачал.

Вечером же коттедж у озера был пуст.

Ключ я нашла под ковриком.

* * *

Мэтр запретил нам распространяться о грядущем рейде под угрозой его отмены и роспуска группы в целом.

— Хоть один шепоток, — сказал он, — и можете паковать вещички.

Думаю, некоторых так и подмывало сболтнуть. По крайней мере, иные маги выглядели изрядно напуганными: наверное, встреча с Тьмой и чернью казалась им далекой и смутной перспективой, а не решенным фактом. Так что я внимательно прислушивалась, не начнутся ли разговоры — в конце концов, весть о первой вылазке нашего курса разлетелась бы быстро, — но ИОВ хранил молчание и разве что не зевал в ожидании завтрашнего выходного.

Слухи не поползли.

Одной проблемой меньше.

Второй проблемой для меня стал Леннарт: я избегала его весь день, боясь чем-нибудь выдать свое напряжение, а потом вдруг испугалась, что, когда решусь на главное, он не придет...

Плетение, блокирующее маячок в булавке, я сняла ближе к ночи, ни на что особо не рассчитывая. Он мог уехать к родственникам, уйти развлекаться в город, да просто лечь спать. Но я упрямо сидела в гостиной Ульфа над чашкой с остывшим чаем и где-то в глубине души продолжала верить.

Он промучил меня целый час. Нарочно, даже не сомневаюсь.

А потом без стука открыл дверь и замер на пороге, скрестив руки на груди и гневно сверкая глазами.

— Приличные люди стучат, — заметила я, медленно поднимаясь.

— Приличные люди не прячутся по углам, — парировал Леннарт. — К тому же, я знал, что ты здесь одна.

— Ульф уехал по делам.

— Хорошо.

— Мне надо было подумать.

— Ага.

— Это была странная неделя.

— Несомненно.

— И... прекрати, ты меня бесишь.

— Взаимно.

Леннарт наконец прошел в дом, громко хлопнув дверью за спиной, в несколько шагов преодолел разделявшее нас расстояние и навис надо мной мрачным жнецом.

— Ты хоть понимаешь, как меня напугала?

— Напу... — Я моргнула. — Что?

— Боги, Кая, у тебя секретов больше, чем в архивах тайной канцелярии, и я не знаю, какой из них тебе аукнется, но не лезу, терплю, жду. А ты вот так... пропадаешь. — Он поднял руку, будто хотел коснуться моего лица, но в последний момент отступил. — Можно было сказать словами: «Виктор, мне надо побыть одной», до меня бы дошло, представляешь? Или я выгляжу совсем идиотом?

— Нет, я... прости. — Я растерянно потеряла живот, в котором тугим узлом сворачивались внутренности. — Я почти все время была здесь, никуда не лезла.

— Знаю. — Леннарт хмуро глянул на меня исподлобья. — Давно отследил. Ждал, когда позовешь.

Дышать стало тяжело, и я подумала, что не хочу этих разговоров. Слишком острых, болезненных. Не хочу знать, что он все понимает и терпеливо ждет, иначе что со мной будет завтра? Я уже приняла решение и менять его не собиралась.

Мне нужна была эта ночь.

Так что я шагнула вперед, притянула Леннарта за воротник, кажется, перебив его на середине фразы о моей замкнутости, и прижалась к его губам.

Пальцы дрожали, пока я застегивала пуговицы рубашки и пыталась пятерней зачесать растрепанные волосы. В груди встревоженным филином ухало сердце.

— Мне впору почувствовать себя девицей на одну ночь? — прозвучало за спиной.

Я слышала улыбку в голосе Леннарта, но не обернулась, судорожно пытаюсь отыскать на полу в спешке куда-то сброшенную обувь.

— Не то чтобы я жаловался... — продолжил он, явно пытаюсь разрядить обстановку, но осекся. — Кая, посмотри на меня.

Я наконец выудила из-под стола второй сапог и быстро его натянула.

— Кая!

Меня схватили за плечи, сжали на миг и только потом развернули. Леннарт склонился и приподнял мое лицо за подбородок, вглядываясь в него, что-то выискивая. И хорошо, потому что смотреть на его обнаженную грудь не было сил. Лучше уж в глаза...

Нет, я ошиблась, не лучше.

В синих омутах собирался настоящий шторм.

— Что происходит?

— А что-то происходит? — Я даже бровь приподняла, стараясь казаться невозмутимой, но хриплый надтреснутый голос выдавал меня с потрохами.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не вырваться из его хватки и не отвернуться.

— Не смешно, — нахмурился Леннарт. — Что с тобой? Пять минут назад все было хорошо.

Было... больше, чем хорошо. Было страшно, неловко, трепетно, ярко и слишком близко. А еще незабываемо в прямом смысле этого слова — думаю, даже жди меня смерть через несколько десятилетий, а не часов, я бы все равно помнила эту ночь до последнего вздоха.

— Я просто... трезво смотрю на вещи, — все же выдавила я, и Леннарт разжал пальцы, отстранился.

— Вот как?

Он отошел к креслу и сел, а я с облегчением поняла, что хотя бы штаны уже на нем. Все же стыдливо отводить глаза, когда пытаешься изображать уверенную в себе и безжалостную тварь, довольно глупо.

— И что же ты рассмотрела этим... трезвым взглядом? — усмехнулся Леннарт.

— Что все это... мило, но бессмысленно. — Я пожала плечами и, шагнув к зеркалу, стала нарочито медленно и спокойно заплетать косу, хотя собственное отражение перед глазами плыло. — Ты ошибся на мой счет, а я позволила тебе ошибаться, но на самом деле годы ничего не изменили.

— Да что ты говоришь.

— Я все та же слабая и никчемная Валборг, которая тебе не подходит. Сила, которой ты обманулся, лишь временный эффект одного... эксперимента. Скоро от нее не останется и следа, и тебе больше незачем будет смотреть в мою сторону.

— Ты сейчас меня убеждаешь или себя?

Коса получилась кривая и тугая, затылок ныл из-за слишком натянутых прядей, но исправлять я ничего не стала. Как и смотреть на Леннарта, в голосе которого уже звенел откровенный гнев.

Больно. Но разве я не этого добивалась?

— Прости, что невольно ввела в заблуждение. И что воспользовалась моментом, но когда бы слабосилке вроде меня еще выпал такой шанс?

Я сняла с вешалки пальто, сунула дрожащие руки в рукава и лишь тогда осмелилась обернуться. Леннарт не сдвинулся с места, только прожигал меня яростным взглядом и стискивал кулаки.

— Все сказала?

— Нет. — Я сглотнула. — Утром тэри Клорим придет, чтобы запечатать дом до возвращения зрителя. Если не сложно, убедись, что она не найдет следов... нашего присутствия.

Я все-таки не выдержала и за дверь практически вылетела, громко ею хлопнув напоследок. Сердце уже не ухало — стучало тихо и через раз, грозя вот-вот остановиться; к горлу пробивалась тошнота. Слез было как-то слишком много, и я, только углубившись в ночной парк, поняла, что идет дождь.

Первый этой осенью. Сильный. Пожелтевшие кроны то и дело озаряли вспышки молний.

Также стало ясно, что можно не бежать — Леннарт из дома вслед за мной не вышел.

Я замерла и еще долго смотрела на горящие во тьме окна, скрытая стеной воды и стволами деревьев.

А потом свет погас.

* * *

Как и несколько ночей до этого, в общежитие я пробралась беспрепятственно: смотрительница спала, откинувшись в кресле и слегка посвистывая носом. Я даже позавидовала ее неприхотливости, когда парой часов спустя так и лежала без сна, слепо пялясь в потолок.

В голове было пусто. В груди — гулко. Глаза все еще жгло от тихих слез, а на шее словно снова сомкнулся ошейник.

Это дед приучил меня отталкивать людей. Чем больше дистанция, тем меньше риска, что кто-то что-то заметит, заподозрит и уж тем более проникнется ко мне теплыми чувствами. Пока я одна — никто не помешает его планам.

И наверное, глупо, что я, так страстно желавшая избавиться от этих оков, продолжала сама себя в них удерживать, пусть и по несколько иным причинам. Чем больше дистанция, тем меньше по мне будут скучать. Пока я одна — никто другой не пострадает.

Идиотка. Какая же я идиотка...

Сморило меня только в предрассветных сумерках и то на полчаса максимум, а потом снова выкинуло в реальность, к промозглому утру за окном и приближающемуся рейду.

Мэтр советовал нам поспать подольше и ждал всех не раньше десяти, но я разлеживаться не стала. Умылась, оделась, подхватила заранее собранный рюкзак и, глянув на мирно сопящую Трин, тихо покинула комнату. И все равно оказалась в зале не первой.

Похоже, подельникам моим тоже не спалось, так что их я и узрела сидящими бок о бок на лавке, едва открыла дверь. Берг глянул на меня лишь мельком и, снова откинув голову на стену, прикрыл глаза.

Монсон будто бы виновато улыбнулся и развел руками, мол, сама все понимаешь.

Я понимала. Не удивилась бы, проторчи они тут всю ночь.

Бросив свой рюкзак на пол к еще двум таким же, я присела рядом с парнями.

— Классный наряд, — пробормотал Берг, не открывая глаз.

Я усмехнулась. Выглядели мои штаны, свитер и куртка не слишком презентабельно, зато были удобными и теплыми, чего не скажешь об институтской спортивной форме. Для рейдов она не годилась, и мэтр сразу предупредил, что этот вопрос нам предстоит решить самостоятельно. Как и собрать ряд вещей по выданному списку — именно они сейчас и лежали в наших рюкзаках.

Ничего лишнего и тяжелого, ровно столько, чтобы не умереть от жажды, голода, холода и травм, даже если останешься без магии.

— Я словно снова иду в школьный поход, — продолжил Берг, — только на сей раз я почему-то среди самых подготовленных и нетерпеливых выскочек, у которых в кармане всегда есть карта, питательный батончик и эластичный бинт.

— Ты захватил бинт? — удивилась я.

— У Монсона целая аптечка. Мало ли в каком состоянии мы будем, когда ты выкачаешь из нас силу.

— Ничего я не... — Хотела сказать «не выкачаю», но осеклась.

Потому что чисто технически — выкачаю. Если Тьма решит забрать их магию, а я, как проводник, буду направлять ее в портал, то и ответственность на мне. Клятвы это не нарушало — я ведь предупредила, что такое возможно, и они согласились, — но я все же надеялась, что Тьма будет милостива.

Или забывчива. Или равнодушна к своим отголоскам, затерявшимся в телах нескольких парней.

— Вот-вот, — правильно оценил Берг мое молчание. — Так что мы готовы ко всему.

В голосе его не было прежней злости и напряжения, только легкая, будто усталая насмешка, и направленная даже не на меня, скорее на ситуацию в целом.

— Все... готовы? — осторожно уточнила я.

Он наконец открыл глаза и повернул ко мне голову:

— Все до единого.

Мы смотрели друг на друга, пока Монсон не прокашлялся, и я, опомнившись, сменила тему:

— Когда-нибудь видели, как строят порталы?

Две головы синхронно качнулись.

— Тогда сегодня понаблюдайте. И Хольму с... Лайне скажите. — На втором имени я запнулась, но быстро взяла себя в руки. — Это сложно. В плетении столько узлов и изгибов, столько слоев, что выстроить и удержать все это в одиночку невозможно физически, даже сильнейшему магу. Это как... жонглировать сразу сотней яблок, когда руки всего две. Потому портал для нас будут открывать минимум трое, а то и больше — зависит от дальности перемещения. Посмотрите, как они будут взаимодействовать, потому что нас ждет то же самое, только мы портал будем закрывать.

— На что именно нам смотреть? — нахмурился Монсон.

— В основном на жесты. Они помогают сконцентрироваться и подхватить готовую ускользнуть нить. Если умеете подключать внутреннее зрение, то на всю схему целиком. — Я вздохнула. — Нам не хватило времени, чтобы каждый выучил свою часть, так что плести я буду сама и передавать вам, как передала Бергу дракона на полигоне.

— Угу, — буркнул Берг. — Спасибо, что в этот раз хоть предупреждаешь.

— Но есть нюанс, который мы не обсудили. — Я немного помолчала. — Мы напитаем плетение магией, пока Тьма еще по эту сторону. А когда она уйдет, у нас могут остаться только собственные силы, чтобы как следует хлопнуть дверью. Понимаете?

Монсон побледнел, а Берг аж распрямился, будто сам об этом прежде не думал. Или правда не думал?

— Валборг, ты хоть знаешь, какие они, наши собственные силы? — угрожающе тихо спросил он. — Настолько ничтожные, что измерительные артефакты даже единичку не показывают. И ты хочешь...

— Я не о том. — Я потерла лоб. — Там много не надо. Схема будет наполнена магией, останется только ударить ею по Источнику, с этим даже мои тринадцать единиц справятся. Проблема в том, что мне предстоит плести, удерживать свою часть узлов и прогонять через себя Тьму, и... если я не выдержу и отключусь, вам придется действовать жестко. Хоть ножами в меня тыкайте, но приведите в чувство.

— А если наша сила останется? — уточнил Монсон, кажется, ничуть не успокоенный.

— Тогда можете не приводить, — хмыкнула я. — Бейте плетением по порталу что есть мочи, и все.

— Боги, с кем мы связались. — Берг застонал и пару раз приложился затылком о стену. — Тебе совсем жить не хочется? Надо было сразу сдать тебя руководству, а не влезать в эту глупую авантюру.

— Сдай. Еще не поздно. Сейчас мэтр придет и с удовольствием выслушает все твои стенания. — Я пожала плечами и тоже откинулась назад, скрестив руки на груди и прикрыв глаза. — Хоть выспимся... в этом вашем научном центре.

Парни промолчали.

Занятно, что ни один из них не предложил взять с собой кого-то из простых магов, чтобы тот закончил дело, если у нас не останется сил. Я вот об этом когда-то подумывала, а им даже в голову не пришло рисковать чьей-либо еще жизнью.

— Если выберемся, с тебя ужин, Валборг, — внезапно сказал Берг и добавил, встретив мой ошарашенный взгляд: — Никакой романтики. Просто накормишь двенадцать бравых воинов в лучшем ресторане столицы.

Губы мои дрогнули, и следующие полчаса мы втроем тихонько пофыркивали, сбрасывая нервное напряжение. А вот когда все собрались, лично мне стало не до смеха.

И дело не в большинстве тьмагов, хотя косились они на меня настороженно, как на дикого зверя, и близко не подходили. Не в Лукасе Лайне, не бросившем в мою сторону ни одного взгляда. Не в Трин, которая сегодня жалась к нему сильнее обычного и выглядела особенно бледной и измученной. И даже не в остальных — заспанных, хмурых, растерянных.

Все это я отметила лишь краем глаза, пока убеждалась, что одежду все подобрали удобную, и рюкзаки ни у кого не раздуты от припасов. Впрочем, что бы там ни казалось Бергу, это все же не школьный поход; при благоприятном стечении обстоятельств нам даже толком идти никуда не придется, и все эти предосторожности и ограничения могут не пригодиться.

Нет, по-настоящему я испугалась, когда в зал вошел мэтр Кобэ, да не один. Но если троих уже знакомых нам магов-преподавателей я

ожидала увидеть — кто-то же должен построить портал, — то вторая троица стала неожиданностью для всех.

— Поздравляю, — привычно начал мэтр, едва переступив порог, — у вас что ни день, то праздник. На сей раз возрадуйтесь прибавлению.

Он кисло глянул через плечо на сопровождающих, вздохнул и снова посмотрел на нашу притихшую группу.

— Кто-то счел, что ваши двойки слишком непредсказуемы. Тьмаги могут не справиться с реакцией на Тьму, маги — не справиться в принципе. Так что... повелением свыше старшекурсники Гилен, Леннарт и Кобэ присоединятся к нашему рейду.

На лице Кобэ-младшего переливалась всеми красками такая занимательная смесь эмоций, что в другое время я бы обязательно оценила каждую, а сейчас лишь отметила мельком азарт и страх, усмехнулась, вспомнив его пламенные речи о желании отправиться на границу, и перевела взгляд дальше.

Стоявший рядом с ним рыжий Макс Гилен, которого я встречала в институтских коридорах довольно редко, выглядел не в пример сдержаннее. Сосредоточеннее. Мрачнее. Если честно, он напоминал взведенную пружину, готовую в любую секунду отсалютовать, рывкнуть «Так точно!» и ринуться в бой. Не самое полезное состояние для рейда — так и своих испепелить недолго, — так что лучше к такому не приближаться и рядом с ним не шуметь.

Ну а Леннарт был спокоен. Пугающе спокоен.

Мой взгляд он встретил прямо, да так и смотрел, пока я первая не отвернулась, не сумев вытянуть из-под этой ледяной маски ни одной эмоции.

Или мысли.

О чем он думал? Связал ли мое поведение с рейдом? Знал ли о нем вчера, когда мы... или удивлен этим назначением не меньше нашего?

Пока пришлые маги в сторонке готовились выстраивать портал, а мэтр уныло вещал о том, что новые действующие лица на изначальный план никак не повлияют и будут лишь поддержкой на случай неприятностей, я накручивала себя до предела. В конце концов додумалась даже до предположения, будто Леннарт не только знал о сегодняшней вылазке, но и каким-то образом приложил руку к своему участию. Кобэ сказал, так велели свыше, а кто у нас там? Правильно, старшее поколение великих родов, в том числе и наверняка кто-то из Леннартов.

С чего бы им самим отправлять наследника в рейд с «непредсказуемой», по их собственному определению, группой? Но если то была личная просьба... если Виктор вызвался сам и лишь дернул за ниточку родственных связей...

Нет, глупость полнейшая!

Сверху мог приказать и ректор. И попросту выбрал лучших студентов старшего курса, вот и...

— Не выпалась, Валборг?

Я моргнула и вскинула голову на задавшего вопрос мэтра. За его спиной уже выстроилась готовая к переходу группа, и все с разной степенью недоумения взирали на зависшую меня.

Проклятье.

— Нет, все нормально, — пробормотала я, шагнув к Бергу. — Простите.

На Леннарта я больше не смотрела и только мысленно дивилась иронии: несколько недель назад в этом самом зале он точно так же старательно отводил глаза.

Смерив меня хмурым взглядом, мэтр прошагал к троице преподавателей, готовых активировать схему, и объявил:

— В портал заходим максимум по двое. На той стороне не зеваем и быстро убираемся с дороги. Мы со студентом... Кобэ первые, Леннарт и Гилен замыкают. Все ясно?

В ответ прозвучало нестройное «так точно», разбавленное отдельными «да», и мэтр дал отмашку магам.

Видимо, Берг и Монсон успели передать мои слова Хольму и Лайне, потому что, когда руки порталыщиков едва заметно пошевелились, в них впились взгляды всех четверых. То были не постыдные школьные жесты, от которых каждый уважающий себя маг должен отказаться уже к выпускному классу, научившись удерживать любую схему и без них. Нет, сейчас перед нами работали настоящие мастера, творцы, сплетающие друг с другом столько слоев, что без пальцев просто не обойтись.

Судя по расширившимся зрачкам и судорожному вздоху Хольма, внутреннее зрение парни тоже подключили и теперь могли видеть эту монструозную схему во всей красе, все узлы и связки, так плотно прижатые друг к другу, что только создатели знают, какой уровень первый, а какой последний. В реальности же перед нами просто проступила призрачная бледно-голубая арка, по габаритам едва ли превосходящая дверь в институтскую столовую.

Когда портал налился силой и цветом, перестав мерцать точно плохонькая иллюзия, мэтр кивнул провожающим:

— Маяк на обратный переход я пришло.

Те что-то ответили — я не вслушивалась, — и Кобэ-старший, подхватив младшего за локоть как непослушного ребенка, первый исчез в синем мареве.

— Выстраивать вас, надеюсь, не надо? — тут же заговорил Гилен, похоже, оставшийся за главного. — По двое, как и велели, вперед.

Мы с Бергом очутились примерно в середине очереди, но продвигалась она быстро, так что за те несчастные секунды, пока другие пять пар ныряли в портал, я не сорвалась и не обернулась на замыкавшего шествие Леннарта, хотя так и подмывало. А то что затылок жег чей-то взгляд... так, может, и не он это. Там еще Лайне был, и неприязнь у нас взаимная — я бы тоже пыталась просверлить ему череп, если б оказалась сзади.

По другую сторону синей арки солнце давно перевалило за полдень, и нас уже поджидали. Не только прошедшие первыми студенты и мэтр, но и отряд сопровождения. Я оглядела пятерых солдат в защитной форме — одинаково светловолосых, высоких и широкоплечих, словно по линейке подобранных, — и покосилась на Берга. Тот кивнул, значит, если сопровождающие нас не покинут, он возьмет их усыпление на себя.

Остальные тьмаги займутся своими напарниками, а мне доставались старшекурсники и мэтр. Чтоб уж наверняка не выпутаться из проблем, если выживу. Но отчего-то такая перспектива отнюдь не пугала, только вызывала горькую улыбку. Каковы шансы?

— Капитан Истен, северная граница, — представился один из встречающих, хмуро оглядывая нашу наполовину собранную, наполовину растерянную компанию. — КПП в полукилометре отсюда. Там вы пройдете проверку личности и получите инструкции, а еще... — Он посмотрел на мэтра Кобэ: — Группа точно готова?

Мэтр кивнул:

— Самые сильные студенты.

— Я не о том, — поморщился капитан. — Настолько грань еще никогда не истончалась. Твари прорываются по несколько раз за день. Если кто-то не уверен в своих силах, мы должны принять меры.

— Какие? Отстранить? — проворчал Кобэ-младший, но тут же крикнул и умолк, явно получив тычок либо от отца, либо от стоящего рядом Леннарта.

— Обезопасить, — ровно ответил капитан Истен. — Нам запрещено вмешиваться в процесс и даже сопровождать вас дальше определенной отметки, и конечно, оружие вам тоже никто не даст. Но, послушайте совета, не гнушайтесь маленьких хитростей.

Он потянулся к бедру, на котором гроздь висел десяток небольших мутных шариков, и, сорвав один из них, бросил нам.

— Кто-нибудь знает, что это?

Поймавший шарик Хольм хмыкнул и передал его дальше:

— Вспышка.

— Верно, вспышка. Всего лишь свет в мелкой расфасовке. Безобидный для человека и дезориентирующий чернь на несколько драгоценных секунд, которые могут спасти вам жизнь. Да-да, вам такое ни к чему, вы все супер-маги. — Капитан покачал головой. — Но таких «подготовленных и самых сильных» тут уже сотни побывали, и всякий раз кто-нибудь терял самообладание, впадал в ступор или устраивал истерику. В этом нет ничего постыдного. В случае с Тьмой лучше перестраховаться, чем проявить излишнюю самоуверенность.

Он замолчал, ожидая нашей реакции, но, судя по закаменевшим лицам, никто на «маленькие хитрости» соглашаться не хотел. Мэтр усмехнулся и обменялся с капитаном многозначительными взглядами, но вмешиваться не стал. Очевидно, этот вопрос нам полагалось решать самостоятельно.

— Что ж, мое дело предложить. Если надумаете, попросите связку вспышек на КПП.

Капитан явно не ожидал ничего другого от горстки самонадеянных студентов, но разочарование скрыть не смог. Здесь служили одни пустышки, вынужденные сражаться с монстрами без капли магии, так что они привыкли хвататься за любое подручное средство и, наверное, никогда не поймут того, кто способен сплести хотя бы крошечный световой шар самостоятельно. Предлагать нам взять с собой вспышки, все равно что на подходе к границе сразу вручать костыли — а вдруг ноги переломает.

Шарик тем временем дошел и до меня, я задумчиво покрутила его в руке, постучала ногтем по тонкой стенке и передала Монсону. Тот растерянно огляделся, но все остальные уже полюбовались, круг замкнулся, и Монсон после секундной заминки сунул вспышку в карман.

— Я понимаю, для вас это своего рода практика, и хочется проявить себя во всей красе, — сказал напоследок капитан Истен. — Но ни на миг не забывайте, где находитесь. А то будете самыми крутыми, и самыми мертвыми.

До КПП мы шли в неуютном молчании, вслушиваясь в подозрительные звуки леса. Живности близ границы с Тьмой давно не водилось, потому каждый треск и шорох нервировал острее обычного.

— Ветер, — пожал плечами один из солдат, когда кто-то дернулся на особо громкий и протяжный стон.

А я скривилась от воспоминаний.

«Ветер».

Точно так же говорил тот старик, что вел нас с дедом мимо застав. Вот тогда было темно и страшно. И долго. Сейчас же мы даже размяться не успели, как меж деревьями появилось приземистое и почти слившееся с природой строение.

— Стоп, — скомандовал капитан. — Ждите.

И оставив нас под присмотром четверых сослуживцев, увел к зданию мэтра Кобэ, который на ходу доставал наши документы.

— Везде одно и то же, — проворчал Хольм. — Без бумажек уже и мир не спасешь.

Я шикнула на него, но улыбку сдержать не смогла. И правда ведь абсурд.

Вот только долго улыбаться не пришлось, потому что в следующий миг рядом кто-то остановился. Очень близко, почти касаясь рукой моего плеча, и не было нужды поворачиваться и задирать голову — замершее сердце говорило само за себя.

— Что там будет? — тихо, на грани слышимости спросил Леннарт, и все равно на нас сошлись чужие взгляды.

Берг смотрел настороженно, Лайне — мрачно, несколько тьмагов нахмурились, а Хольм лишь ехидно фыркнул и отошел на пару шагов, будто давая нам иллюзию уединения.

— Кая, я хочу помочь, — все так же шепотом продолжил Леннарт. Меня замутило.

Мысли о том, «что там будет», я старательно гнала прочь, надеясь как можно дольше удерживать хрупкое спокойствие. Пока мы не минуем пропускной пункт. Пока не почувствуем влияние Тьмы. Пока не ударим по своим сонным плетением. И притворившись, что рядом

нет никакого Виктора Леннарта и все идет по плану, я вполне справлялась.

Надо ему было все испортить.

Я почти ответила какую-то банальность. Вроде «спроси у мэтра» или «обычный рейд с подпиткой купола», но снова наткнулась на взгляд Лайне и осеклась. Теперь его лицо было не просто мрачным, оно излучало ненависть — всего секунду, пока не покрылось коркой напускного равнодушия, но мне хватило. И слезу, скользнувшую по щеке Трин, которая все так же жалась к напарнику, я тоже заметила, прежде чем она отвернулась. Жуткое зрелище: сияющие глаза, безмятежная улыбка, и эта одинокая капля, ничуть не похожая на слезы от солнечного света или счастья.

Что Лайне с ней сделал?

Я промолчала. Сунула руку в карман, нащупала подаренную булавку, которую не смогла оставить в общаге, и, на миг коснувшись холодным металлом ладони Леннарта, снова спрятала оберег.

Виктор вздрогнул и стиснул кулак.

Хорошо.

Я не знала, что ждет впереди, но инстинкты вопили о грядущих неприятностях. И если мы окажемся в беде, если будем действительно нуждаться в помощи, пусть хоть кто-то знает, где нас искать. Не мэтр, не солдаты сопровождения, а тот... кто, вероятно, и правда сможет меня спасти.

Кто хотя бы попытается.

— Спи, — почти беззвучно выдохнула я, надеясь, что, когда все вокруг попадают, Леннарт догадается притвориться спящим.

А потом отошла к Бергу, так и не вынув руку из кармана и прикалывая булавку к ткани с внутренней стороны, чтобы не потерять свой единственный маячок.

Проверка много времени не заняла. Вскоре мы по одному прошли через пропускной пункт, подтвердили свои личности и выстроились по другую сторону. Нам еще раз предложили вспышки, но все отказались, хотя некоторые тьмаги явно были не против такой поддержки. Они ведь тоже были почти нулевками, служили на такой же заставе, ходили в патрули и рассчитывали только друг на друга, немагическое оружие и эти вот ослепляющие тварей шарики. кн иг о ед . нет

Полагаю, никакая обретенная мощь так быстро не избавит от старых привычек, но все сдержались, не желая выделяться.

— В километре отсюда поляна, — указал капитан Истен. — Мы знаем о вашей стратегии, и там удобнее всего расположиться для удаленного воздействия. Несколько метров дальше — и ваши парни почувствуют Тьму.

Мэтр кивнул, и мы снова двинулись в путь. Увы, отметка, за которую не могли ступить солдаты с заставы, располагалась куда дальше обозначенной поляны, а потому вся пятерка отправилась с нами.

Впрочем, «поляна» — чересчур громкое слово для этого пятачка усыпанной листвой земли между деревьями. А еще капитан явно ошибся насчет нескольких метров — лично я чувствовала Тьму уже здесь. Пока не слишком болезненно, но под ребрами закололо, и голову сдавило тисками. Тьмаги тоже едва заметно морщились, и пусть вслух никто ничего не сказал, только долго ли мы так продержимся?

Я посмотрела на Монсона, дернула за рукав Хольма, кивнула Бергу и — нехотя — Лайне. Они подали сигнал остальным.

Мы не планировали действовать вот так нахрапом. Хотели осмотреться, выслушать инструктаж, разведать обстановку и по возможности привыкнуть к близости Тьмы, но нарастающая боль путала мысли и карты. Еще немного, и мы даже на ногах не сможем устоять, не то что кого-то усыпить. А если начнем падать один за другим, то мэтр явно все переиграет.

Особенно если упаду я.

«По команде», — одними губами произнес Берг, и я прикрыла глаза.

Вырубать всех надо было одновременно, и о разряде тока, как о сигнале к действию, мы договорились еще пару дней назад.

— Эй, Валборг, перенасытилась свежим воздухом?

Я посмотрела на ухмыляющегося Кобэ-младшего, на Гилена и мэтра за его спиной, и выдохнула. Все на одной траектории, хорошо, не придется распыляться. Леннарт, конечно, чуть в стороне, но его я усыплять как раз не собиралась.

— Ага, — рассеяно отозвалась я.

Бергу было хуже. Солдаты рассредоточились по поляне, и несмотря на незначительность территории, достать их всех за раз было

сложновато. Но мы обсуждали такой сценарий. Берг утверждал, что справится. А остальные обещали быть на чеку, если вдруг один из вояк ускользнет от плетения и попробует кого-нибудь пристрелить. Многозарядные ружья все пятеро сжимали очень напряженно — видимо, из-за участвовавших в последнее время атак черни.

— Ты смотри, как бы о... — Что еще хотел ляпнуть Коб, я так и не услышала.

На втором слове предплечье кольнуло током, на третьем я активировала заранее выстроенные схемы и на четвертом обрушила их на трех своих жертв. Это «о» стало последним выдохом Коба, прежде чем он, Гилен и мэтр рухнули на шуршащий лесной покров.

Секунду спустя упал и Леннарт. Упал слишком натурально, и как бы мне ни хотелось верить в его выдающиеся актерские способности, от дурных предчувствий затошнило.

— Проверьте, — приказал Берг, и я на ватных ногах первым делом устремила именно к Виктору.

Опустилась на колени, поднесла дрожащие пальцы к впадинке на шее, нащупала размеренный пульс. Пульс крепко спящего человека.

— Ты, похоже, промахнулась, — раздался довольный голос, и я, вскинув голову, уставилась на ухмыляющегося Лайне. — Я исправил. Не благодари.

Затем, видимо, опасаясь, что я могу снять чары, он резко вздернул меня на ноги и потащил к остальным. От все нарастающей боли и дикой, неудержимой паники я даже позволила ему впиваться в мою руку несколько секунд и только потом вырвалась и пошла сама.

Мы усыпили всего двадцать человек. Не так много, если вдуматься, но полянка и впрямь была совсем небольшая, из-за чего казалось, будто она усыпана телами.

Телами наших друзей, нашего куратора, военных...

— Нас точно казнят, — простонал Хольм, явно думавший о том же.

Остальные смотрели на «павших» круглыми глазами и не решались двинуться с места.

— Ну что, ребята, — хлопнул в ладоши чересчур развеселившийся Лайне, — готовы испытать настоящую боль?

Скрутило меня отнюдь не так сильно, как ожидалось. Да, боль была, и я со стоном опустилась на колени, цепляясь за теплый ствол дерева, но не ослепла, не разучилась дышать и уже через пару минут смогла подняться и пройти еще несколько шагов по неровной земле.

Тьмаги справлялись с воздействием Тьмы по-разному, но, насколько я могла судить, никому не было так плохо, как нам с парнями во время проверки в институтском парке. Берг и вовсе остался на ногах и даже не держался ни за что, только побледнел, прикрыл глаза и руки раскинул в стороны для равновесия. Остальные замерли с перекошенными лицами в полуприсяде, и лишь Норвиг растянулся на ковре из опавших листьев гигантской пентаграммой, отрешенно уставившись в ясное осеннее небо.

— Это нам кара за то, что напали на своих, — пробормотал он.

— Это наша плата за силу, — отозвался Монсон, с трудом разгибаясь.

— Силу, которой мы вот-вот лишимся, — протянул уже пришедший в себя Хольм.

— Может, и не лишимся, — заметил Лайне, но так тихо, что вряд ли его услышал кто-то, кроме меня.

От поляны со спящей группой мы отошли совсем чуть-чуть, но меж стволов уже мерцала гладь защитного купола, и даже отсюда я видела, насколько он истончен. Казалось, тьма клубится не за прочным барьером, воздвигнутым мощью тысяч магов, а за полупрозрачной пленкой, которую можно прорвать, просто ткнув в нее пальцем.

Если у нас ничего не выйдет...

— Дальше идем только мы впятером, — объявила я, отогнав жуткую мысль.

Мы справимся. Иначе никак.

— Слава всем богам, — простонал так и не вставший Норвиг, и еще семь тьмагов облегченно осели на землю.

Я совру, сказав, что не мечтала оказаться на их месте: никуда не идти, ничего не делать, просто сидеть и ждать, когда кто-то другой прогонит чернь из нашего мира. И пусть забирает силу, пусть даже

жизнь заберет, дал бы только понежиться немного под узкими, прерывистыми лучами солнца, которые нет-нет да пробивались сквозь золотистые кроны деревьев.

Вот только глупость все это, и оставшимся тоже придется несладко.

— Будьте настороже, — напомнил им Берг. К лицу его вернулись краски, и лишь шрам слегка подрагивал, выдавая напряжение. — Может нагрянуть патруль. Да и чернь наверняка уже нас учуяла, и если мы не справимся быстро... вы первая линия защиты.

— Угу, а вторая линия вообще спит, — нахмурился русоволосый тьмаг, имя которого я вспомнила далеко не сразу, настолько он обычно был молчалив и незаметен.

Игорь. Игорь Кьелл.

«Запомни его, — прозвучал в голове издевательский голос деда. — Запомни того, кто погибнет, когда ты провалишься».

Я на мгновение зажмурилась, выдавливая из себя этот мерзкий призрак прошлого, и первая устремилась к куполу по протоптанной патрулями тропе.

Не оглядываться. Не думать. Действовать по плану.

Это был все тот же кисель, от одного вида которого меня едва не вывернуло наизнанку. Да, не такой плотный, как когда-то, но это я уже успела оценить издалека, а теперь просто смотрела на радужные кляксы, расплывающиеся по стене точно капли топлива в луже, и собиралась с силами, чтобы сделать последний шаг. Болью настоящей Тьма нас сегодня не мучила, но боль фантомная, напитанная неутраченными воспоминаниями о тысячах часов, проведенных по ту сторону, вспыхнула во мне как никогда ярко.

Не оглядываться. Не думать...

— Я постараюсь уговорить Ее перенести нас куда нужно, так что крепко держимся за руки, — хрипло напомнила я парням. — Если появится чернь...

— ...крайние выставляют щит, а дальше по обстоятельствам, — закончил Монсон и сжал мою левую ладонь.

Правая тоже оказалась в чьей-то хватке, и я только теперь поняла, что с той стороны стоит Лайне, а уже за ним — Хольм и Берг. Не лучшее соседство. Идти на столь важное дело с тем, кому не

доверяешь, вообще затея так себе, но парни отчего-то в него верили, и я не имела права возмущаться.

После всего, на что их толкнула...

Да и поздно уже.

— Ну что, на счет... — начал было Хольм, но мы с Лайне уже шагнули вперед, утягивая за собой остальных.

По коже продрал мороз, и виски заломило будто от резкого погружения в ледяную воду, а потом сквозь пелену перед глазами проступила... Тьма. Хотя лично я всегда считала это название не самым подходящим для грязно-серого тумана, поглотившего Отерскую Пустошь.

— ...три, — договорил Хольм.

Лица его я не видела, но голос звучал сдавленно.

— Руку не отпускай! — прикрикнул на него Берг, и все снова стихло.

Не знаю, как они, а я слушала. Слушала Тьму.

Взбудораженную. Приветливую. Почти ликующую.

Хотя не стоило, наверное, приписывать ей человеческие эмоции, но то волнение, которое мгла передавала мне, проникая под одежду, скользя по коже, воспринималось именно так. И пусть за два с половиной года в ее объятиях я не превратилась в эксперта, положительное от отрицательного все же отличить могла. И сейчас это определенно было что-то сродни... радости.

Жаль, что разделить ее не получалось.

Правую ладонь прострелило болью, и, очнувшись, я поняла, что это Лайне сжимает ее до хруста.

— Проси, — процедил он сквозь зубы.

— Быстрее, — добавил Берг.

— Я чувствую... чернь, — слабо отозвался Монсон.

Я не чувствовала, я знала. Будто видела каждую тварь на этом огромном пустыре собственными глазами, и несколько черных воронок действительно приближались к нам.

— Проси! — рявкнул Лайне, практически заламывая мне руку.

Кажется, ему было совсем паршиво. Я даже попыталась заглянуть в его лицо, чтобы оценить размах проблемы, но бледность и лихорадочно блестящие глаза мало походили на болезненные.

Особенно в сочетании с предвкушающей улыбкой. Лайне поймал мой взгляд и повторил, на сей раз тихо и угрожающе:

— Проси...

Так и подмывало послать его куда подальше таким же тоном, но времени на препирательства не осталось. Еще неизвестно, получится ли у меня задуманное и не падем ли мы смертью глупцов у самой границы...

Я мысленно представила бункер. Откинутую крышку люка, грязную и местами проржавевшую. Несколько кустов, под воздействием Тьмы и черни покрывшихся мутным налетом и словно окаменевших, отчего в первый раз я приняла их за обглоданные кости, которые кто-то живописно воткнул в землю. А в трех сотнях шагов на запад — выжженное пятно, окруженное камнями. Черное сердце его живет, пульсирует, связывает Тьму с родным миром. И тысячи... миллионы следов в пыли, навечно застывших во времени. Моих следов. Следов Бьерна и Элины Валборг. Веры Линдквист, Петера Ханссона и Маркуса Штерна.

По моим, наверное, можно даже проследить этапы взросления: за годы здесь я выросла из обуви, в которой пришла, и потом пользовалась запасами бункера. Благо отец позаботился обо всех нуждах экспедиции, иначе босиком я бы много от черни не набегала.

Вспоминать об этом было больно, но необходимо. Иного способа «попросить» Тьму я не знала. Она не понимала слов, лишь образы, и мне пришлось мысленно воскресить каждую деталь своей тюрьмы и при этом как-то изобразить желание туда вернуться.

— Кая...

Не знаю, кто именно это прошептал и не померещилось ли мне в принципе, но я вернулась в реальность и тут же почувствовала рывок. Вокруг вихрями кружил песок, а Лайне тащил меня за руку в центр одной из воронок.

— Я видел! — крикнул он сквозь невесть откуда взявшийся ветер. — Вход в бункер там...

Я моргала, пытаюсь разглядеть хоть что-то, но буря только усиливалась. Буря во всегда спокойной и непоколебимой Тьме...

Монсон, которого я невольно волокла за собой, тоже что-то крикнул, но ветер унес его слова прочь. И наконец я тоже увидела крышку люка. Исцарапанная, изодранная когтями черни, но

выдержавшая все их атаки, она торчала из земли черепашным панцирем или рухнувшей надгробной плитой. Тогда, в первый раз, я была так измотана и опустошена, что просто запнулась об нее, не заметив. Теперь же искривленный металл стал словно ярче, ослепительней...

— Никакой магии, — предупредила я. — Она привлечет...

— Быстрее! — перебил Лайне, отпустив меня, схватившись за ручку и с кряхтением потянув крышку вверх. — Я чувствую их...

Я никого не чувствовала. И в целом была слишком растеряна из-за странных природных явлений, чтобы следить за обстановкой. Так что я поверила ему. Потерла глаза от пыли, сплюнула набившийся в рот песок и первая опустила ногу в образовавшийся проем, помогая Лайне откинуть крышку изнутри. Она не была слишком толстой или тяжелой, крепость ей даровали вшитые в металл формулы, и вскоре я уже осторожно спускалась во мрак по узким ступеням. Монсон, ладонь которого я все же выпустила, шел следом. Остальные — за ним.

Так я думала.

Но когда над головой грохнул закрывшийся люк, отсекая вой Тьмы, а под потолком начали медленно разгораться уставшие от бездействия лампы, оказалось, что никаких «остальных» нет. Только Монсон, я и Лайне.

Тот как раз спрыгнул с последней ступеньки и с интересом оглядел главную и самую большую комнату, которую я в свое время оставила, надо признаться, не в лучшем состоянии.

Полупустые полки, а книги, которые должны на них стоять, кучами свалены на полу, столах и стульях. По стенам расклеены листки с заметками, в каждом углу груды подушек и одеял — спала я только здесь, не решаясь нарушить покой ни одной из личных комнат погибших. Даже родительской. Дверь в кладовую с припасами приоткрыта, на кухонной стойке грязная посуда. Казалось, будто жильцы просто ненадолго вышли и вот-вот вернуться.

Все это я отмечала краем сознания, пока наблюдала за Лайне не в силах поверить, что он...

— Что ты сделал? — прошептала хрипло. — Что ты с ними сделал?

— С кем? — равнодушно уточнил он, продолжая осматриваться.

Даже прошел в центр комнаты, тщательно огибая мои завалы, и картинно упер руки в бока — того и гляди заявит: «Так-так-так, ну и что тут у нас...»

— Ты оставил их наверху?

Голос все же окреп и разум прояснился, так что я двинулась было к лестнице, но Монсон стиснул мое плечо:

— Они не здесь. Мы перенеслись втроем. Я не...

— Ты разжал руку! — рывкнула я.

— Это оказалось так просто. — Лайне даже не взглянул в нашу сторону. — Проще, чем я думал.

Затем шагнул к одному из трех квадратных столов и благоговейно коснулся ближайшей раскрытой книги:

— Поразительно... такие сокровища, и никто не знает...

Загипнотизированная его лицом, на котором за несколько секунд сменился десяток эмоций, я лишь краем глаза уловила резкое движение Монсона, а после услышала его разочарованный вздох.

— Не напрягайся, Монс, — проговорил Лайне, медленно листая книгу. — Здесь магия не действует. Или Валборг вас не предупредила?

Внезапно он замер на миг, потом запрокинул голову и захохотал:

— Вот ведь беда! Наверху чары не сплести — иначе чернь налетит со всех сторон. А здесь мешает защита.

— Чего ты хочешь? — прямо спросила я.

Сердце болезненно пульсировало, мысли путались, то и дело возвращаясь к Бергу и Хольму, которых мы бросили в окружении тварей, а еще к спящим на поляне, которые могли пострадать из-за бреши в куполе и моей самонадеянности...

— Ты знала, что она придумала эту защитную схему в шестнадцать? — словно не услышал меня Лайне. — Совсем соплячка, а за прошедшие десятилетия никто и на полшага не приблизился к подобному результату. Потому твой папаша за нее и уцепился. Зубами вгрызся, лишь бы использовать небывалую разработку в своей экспедиции. Ублюдок...

Он наконец оторвался от пожелтевших страниц, шагнул к стене и прижал к ней растопыренную ладонь. Где-то там тянулась сквозь камень и железо сплетенная в сложный узор магия. Магия Веры Линдквист.

— Но ты Лайне, — прошептала я. — Не Линдквист...

Он хмыкнул:

— Рос с отцом. А она от нас отреклась, чтобы попасть в группу. Никаких привязанностей, да? Ты потому решила, что все это... — Лайне оттолкнулся от стены и развел руки в стороны, — только твое наследие?

— О чем т...

— Пользовалась их знаниями, плясала на их костях, возомнила себя всемогущей! А другие как бы и ни при чем, да?

— Лайне...

— Они все делали вместе и погибли вместе, оставив нам невероятный дар, но ты все заграбастала себе, смахнув мне крошки со стола! Да и за теми пришлось тянуться самому. Если бы я не явился к твоему деду, если бы не узнал о твоём исчезновении, если бы не пошел добровольцем на границу...

Дед? Они виделись? И он рассказал случайному парню обо мне, о Тьме, о бункере? Сомнительно. Старик добровольно и звука бы не издал, вот только ключевое слово здесь «добровольно». Ведь что-то Лайне все же выяснил, зачем-то пошел в патруль и при первой же возможности сиганул под купол. А еще временные рамки... Дед скончался как раз незадолго до того, как я обнаружила полуживой отряд и случайно превратила их в тьмагов.

Совпадение?

Я прикрыла глаза.

Слишком много информации.

— Я не убийца, Валборг, — с леденящим душу спокойствием произнес Лайне, вынуждая посмотреть на него. — Но от случайностей никто не застрахован.

Это признание? Или угроза?

— Мы уходим, — прохрипела я, поворачиваясь к Монсону.

И так прорву времени потратили на эти безумные излияние. Хотелось Лайне получить свое «наследие», пусть теперь наслаждается и копается в бумажках до посинения. Мне двух с лишним лет хватило, посмотрим, на сколько хватит его.

Если Берг и Хольм еще живы, мы попробуем справиться вчетвером. Если нет... в любом случае пора выбираться отсюда.

Вдохновленная этой мыслью, я кивнула Монсону и даже успела дойти до лестницы, и только тогда услышала:

— Не так быстро...

А затем вскрик и грохот.

Когда я обернулась, Монсон стоял на коленях, одной рукой упираясь в пол, а второй держась за живот. Лайне замер в нескольких шагах от него с окровавленным ножом в побелевших пальцах.

Обычным походным ножом...

— Никакой магии, — пробормотал он. — Но ведь есть способы и попроще...

Его отчетливо потряхивало.

Я бросилась к Монсону, попыталась убрать его руку, чтобы осмотреть рану, но он согнулся еще сильнее, застонал и поднял на Лайне бледное до синевы лицо:

— Ублюдок...

— Ничего личного, Монс. Но она мне еще нужна, а ты — нет.

— Зачем? — Я придерживала Монсона за плечи, не давая ему завалиться на бок. Возможно, нам придется бежать... он справится? — Зачем я тебе нужна?

Лайне снова развел руками и посмотрел на меня как на идиотку, мол, разве не очевидно?

— Чтобы узнать все секреты этого места, разумеется. Тут так много всего... Торчать здесь несколько лет, как ты, я не планирую.

— Что ж, тогда пересмотри свои планы, — огрызнулась я, — потому что от меня помощи не будет.

Монсон дышал тяжело и прерывисто и никак не мог даже чуть-чуть разогнуться, не то что встать на ноги.

— Да? — Лайне изогнул бровь и помахал ножом. — Ну тогда иди. Ты свободна. Только приятеля моего оставь здесь, его я не отпущу.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, когда последовало продолжение:

— Или... ты остаешься, а Монс пусть спокойненько ползет наверх и там себя лечит. Конечно, использование магии привлечет чернь, но не зря же мы столько тренировались, уж щит-то он осилит, правда, дружище?

Судя по лицу, «дружище» с радостью бы послал этого клоуна в бездну, но сумел выдавить лишь очередной стон. Из рта его сочилась кровь.

Это плохо. Очень плохо.

Я заглянула в помутневшие глаза за стеклами очков и поняла, что размышлять тут, в общем-то, не о чем. Монсону нужно наверх, а я... даже без магии небезнадежна и наверняка что-нибудь придумаю.

Подумаешь, нож.

— Хорошо, — уверенно кивнула я и поднялась, подтягивая за собой Монсона.

Он хрипел и, ничуть не облегчая мне задачу, пытался ухватить меня за плечи и встряхнуть.

— Нельзя... — прошептал еле слышно, когда мы наконец оказались на ногах, и его губы почти касались моего уха. — Он... псих...

— У меня есть секрет, — так же тихо ответила я. — Доверься.

В горле Монсона что-то булькнуло, он умолк, а затем уронил одну руку и коснулся моей. Когда он с трудом отстранился, я поняла, что сжимаю в ладони что-то маленькое и круглое. Что-то знакомое...

«— Кто знает, что это?

— Вспышка...»

Свет в мелкой расфасовке. Дезориентирующий чернь и безопасный для людей.

«Ну, это смотря как использовать», — подумала я, быстро спрятав шарик в карман.

— Хватит, расцепитесь уже, — послышалось ворчание Лайне. — И предвосхищая просьбу: провожать его нельзя, сам доковыляет. Отойди-ка во-о-он к той стене. А ты... если задумаешь вернуться — не успеешь и люк открыть, как я перережу ей глотку, понял?

Монсон его ответом не удостоил. Я послушано отошла в сторону и следующие несколько минут наблюдала, как тьмаг медленно, практически на четвереньках, взбирается по крутой лестнице, оставляя на ступенях кровавые отпечатки. И не представляю, каким чудом он справился с крышкой люка, но вскоре она натужно скрипнула, поднимаясь, и с грохотом вернулась на место.

Мысленно досчитав до пяти, я повернулась к Лайне. Он уже успокоился после нападения на друга, не дрожал, стоял спокойно, смотрел прямо и с легким любопытством. Еще и улыбался, словно знал о моем желании огреть его чем-нибудь потяжелее и не сомневался, что оно неосуществимо.

Вот только я планировала совсем иное.

— Ну что, почти-сестрица. Расскажи мне о славных деяниях наших предков. Или для начала хочешь о чем-нибудь расспросить меня?

Он понимал, что задел меня упоминанием деда. Знал, что я заметила странности Трин и наверняка хочу узнать о них. Он жаждал выговориться, судя по предыдущим пылким речам.

Но выслушивать ответы я собиралась, только когда все остальные окажутся в безопасности, а Лайне будет сидеть перед нами связанный по рукам и ногам. Либо не выслушивать вовсе — он ведь и правда псих, так что как-нибудь обойдусь без его мотивов.

— Давай к делу, — скривилась я. — Тоже не хочу торчать здесь дольше необходимого.

Лайне если и удивился, то вида не подал. Зыркнул по сторонам, словно решая, с чего начать, пробежался пальцами по корешкам книг на ближайшем столе и сказал:

— Хорошо. Мне нужно оригинальное плетение для вскрытия Источника.

Я едва не рассмеялась.

Во-первых, потому что не сомневалась в его выборе. Во-вторых, потому что это единственная схема, за которой не надо было лезть во Тьму и бункер. Она всегда была при мне, в отцовском дневнике. Но парням я показывала только вывернутый вариант для закрытия портала, и Лайне понятия не имел, что основу я взяла не из памяти.

С трудом, но серьезный вид я сохранила.

— Логично. Позволишь? — Я указала на стеллажи за его спиной, на одном из которых стопками лежали тетради. — Как понимаешь, это их личная разработка, так что ответ не в книгах, а в дневниках.

Лайне смерил меня оценивающим взглядом и нехотя шагнул в сторону, однако, едва я приблизилась к полкам, тут же навис рядом точно стервятник в ожидании добычи.

На это я и рассчитывала.

— Знаешь, как работает защита Ве... твоей матери? — поинтересовалась я, пролистывая одну тетрадь за другой.

Ну не думал же он, что я помню все постранично?

— Конечно, — коротко отозвался Лайне.

— И почему тут нет магии, хотя кругом целое море чистой энергии?

— Магия есть, она в стенах. Замкнутая цепь плетений, блокирующая внешнее воздействие. А безмагическое пространство бункера — просто побочка.

Умный мальчик.

Почти.

— И как по-твоему они собирались все здесь уничтожить без своей силы?

Я спиной чувствовала, как напрягся Лайне, но продолжала листать, задерживаясь на некоторых страницах.

— Уничтожить? Зачем?

— Ну, они же не знали, что бункер окажется окружен Тьмой и защищен он посягательств. Строили его во вполне обитаемом месте. И занимались здесь незаконными экспериментами, так что явно предусмотрели облаву. Думаешь, наши родители спокойно отдали бы все свои наработки?

— Скорее погребли бы себя заживо вместе с ними... — понял меня Лайне.

И шагнул еще ближе.

— Почти угадал.

Я знала, что вспышка даст мне не больше минуты — и то лишь при точном попадании, — потому действовала быстро и наверняка. Вдавила хрупкий шарик прямо Лайне в правый глаз и тут же отскочила, зажмурившись.

Он закричал так страшно, что я засомневалась в свойствах этой световой сферы, и руками замахал. Я не видела, но ножом меня по предплечью полоснуло. Когда я открыла глаза, сияющий ореол вокруг Лайне почти померк, но он еще стонал и зажимал глаза ладонью, а второй — с оружием — продолжал слепо водить вокруг.

Не тратя ни секунды, вскоре я уже стояла у противоположной стены и вдавливала в нее нужные книги, активирующие программу самоуничтожения.

Нет, родители не стали бы хоронить себя заживо, но не позволили бы ни единому клочку бумаги из бункера попасть не в те руки. И как плетения Веры Линдквист пронизывали металл и камень, так плетения Бьерна Валборга связывали в единое целое каждую книгу и тетрадь.

Кроме его личного дневника, потому-то мне и удалось унести его во внешний мир.

Когда последний корешок погрузился в стену, пол дрогнул и...

Не было ни взрыва, ни огня. Просто все бумажное вокруг без единого звука начало рассыпаться прахом. Все еще ослепший Лайне попытался опереться на стол, и рука его погрузилась в кучу пепла, совсем недавно бывшую стопкой чьих-то записок.

Может, даже моих.

— Что ты сделала? Что ты натворила?!

Отвечать я не стала и, убедившись, что все сделала правильно, ринулась к лестнице. Скоро до Лайне дойдет, что он снова чувствует свою магию — активировав схему отца, я повредила защитное плетение, иначе никак, — но до тех пор я еще могла ненадолго его задержать.

Крышка поддалась на удивление легко, в этот раз даже не скрипнув, но странная и чужеродная для Тьмы песчаная буря на поверхности никуда не делась. Монсон стоял в двух шагах от люка и не сводил с него глаз, словно боялся потерять в непогоде. Выглядел он все еще паршиво, но за бок вроде не держался, не горбился, и к щекам вернулась краска. Он укрыл слабым, едва мерцающим щитом и себя, и люк, из которого я появилась, так что мне удалось выбраться наружу, не шурясь и не наглотавшись песка.

— Отойди и перетяни купол на себя, — велела я, надеясь, что объяснений не потребуется.

Монсон молча отступил и уменьшил радиус щита.

Отлично.

Я захлопнула крышку, свела вместе запястья и, помогая себе руками, начала плести. Ничего сложного, никакого долгостроя — Лайне мог прозреть в любую секунду. Вскоре над черепашьям панцирем закрытого люка вырос еще один горб — неуместно радужный и веселый. Детская схема для игры в «попробуй укради мои сокровища», только силы я в нее вбухала совсем не детские.

— Это отвлечет чернь и задержит Лайне, — все же объяснила я Монсону.

Не то чтобы он выглядел озадаченным и о чем-то спрашивал, просто молчание угнетало.

— А дальше?

— Дальше? Либо он пробьет блок и выберется, либо чернь сожрет мою магию, и он выберется. Так или иначе они встретятся. А нам пора

бежать...

О том, насколько я плохой человек, раз совсем не волнуюсь о судьбе Лайне, думать было некогда. И если бы это спасло остальных, я бы по кусочкам скормила его монстрам.

Правильнее было бы выбираться из Тьмы.

Потому что с ней что-то не так. Потому что мы привлекли чернь. Потому что за спиной психованный Лайне. И потому что вдвоем мы точно не сможем проверить задуманное.

Но ноги несли меня к Источнику, а Монсон без возражений бежал следом, будто доверял мне безоговорочно. Я сама себе настолько не доверяла, особенно после того, как умудрилась потерять бо́льшую часть команды... Так глупо потерять.

Тьма все еще ощущалась радостно-взволнованной, и возможно, именно потому буря никак не утихала, но лично у меня ликование от встречи после долгой разлуки мало ассоциировалось с царящим вокруг хаосом. Казалось, на нее влияет что-то еще, и этот неизвестный фактор нервировал.

— Можем взять парней из... ожидающих, — внезапно предложил Монсон.

Словно считал Берга и Хольма исчезнувшими навсегда.

Я же не теряла надежды на их упрямство и живучесть и на бегу продолжала посылать Тьме отчетливые образы нашего воссоединения. И желательно, чтобы их перенесло сюда, а не нас с Монсоном — неизвестно куда.

Я как раз повернулась, собираясь ответить ему что-то резкое, когда на пути возникла преграда. Просто появилась из очередной пылевой воронки и замерла как вкопанная, принимая меня в объятия.

Точнее, замер.

И Тьма затихла.

— Кая...

Воздух из меня буквально выбило — то ли от столкновения, то ли от шока, потому что услышать этот голос я точно не ожидала.

— Ты... откуда... как...

Я вглядывалась в запыленное лицо Леннарта, опасаясь, что он лишь галлюцинация, проделка Тьмы, но предплечья, в которые я вцепилась, ощущались вполне настоящими. Да и его нервно-радостная усмешка казалась слишком сложной для плода воображения.

— Твоя подружка подбросила, — ответил Леннарт, и я не сразу поняла, о ком речь, а когда поняла...

С чего это Тьма расщедрилась? Зачем перенесла его сюда? Я точно не просила. Я даже не знала, что он очнулся!

Леннарт словно мысли мои прочитал: вдруг усмехнулся еще шире и чуть отвернул ворот куртки, демонстрируя сестру-близнеца моей булавки. Похоже, кто-то и сам не брезгует оберегами.

— При моем характере без поглотителя никуда, — шепнул он и отступил, впрочем, не отпуская моей руки.

За его спиной, смаргивая песок и обтирая щеки, стояли Берг и Хольм. Измученные, потрепанные, но живые. Монсон тут же бросился к ним, но радостных объятий не случилось — парни просто обменялись сдержанными хлопками.

— Мы убили пять тварей! — немного ошалело сообщил Хольм, глядя на меня круглыми от впечатлений глазами.

— Лайне ударил Монсона ножом, и мы заперли его в бункере, — отозвалась я.

Что это ненадолго, уточнять не стала.

Тьмаги переглянулись, и Хольм кивнул:

— Вы выиграли.

Несмотря на легкомысленный тон и улыбку, пальцы его подрагивали, словно ждали новой атаки, готовые в любую секунду взяться за плетение. Время играло против нас, а вот Тьма, похоже, примкнула к нашей команде. Потому что Источник пульсировал всего в нескольких шагах.

— Надо торопиться, — озвучил очевидное Берг.

Я нашла в себе силы оторваться от Леннарта, которого хотелось ощупать с ног до головы, и первая устремилась к Источнику. Еще успеется, если выживу. В конце концов, Тьма помогает, она собрала нас вместе, и ветры улеглись в тот же миг — это не может быть совпадением.

Казалось, Тьма хочет домой, насколько она вообще способна чего-то хотеть, и если так, то шансы на успех стремительно возрастали.

— Вам придется объяснить, что нужно делать, — сказал Леннарт.

— Не волнуйся, — откликнулся Берг, — мы тут все просто исполнители. Будем следовать приказам командирши.

Он не смог скрыть раздражение, но я никого не винила. Мы все устали, все столкнулись со злом — кто в лице тварей, а кто и в человеческом, — и ведь времени прошло всего ничего. Мы едва ступили под купол... так что же будет дальше?

От меня зависело слишком многое, потому нервность Берга не стала сюрпризом. Наверняка всем — и мне особенно — было бы легче, отвечай за командование он, но выбора нам не дали.

— Нужно встать в круг? — неуверенно спросил Хольм, когда мы тесной кучкой замерли перед обложенным камнями выжженным клочком земли.

Неестественно черной даже на фоне остального сумрачного мира Тьмы. Земли подвижной, будто живой. Будто это и не земля вовсе, а кипящая смола или гнездо копошащихся насекомых.

— Да, — ответила я, не двигаясь с места.

Парни без лишних слов выстроили круг. Леннарт встал справа от меня, Монсон — слева, а Берг и Хольм — напротив.

Пятно оказалось достаточно большим, чтобы мы, вытянув руки, не могли друг друга коснуться, но на полигоне я передавала напарнику плетение с куда большего расстояния.

— Как и договаривались, — начала я, — я выстраиваю схему слой за слоем и передаю каждому из вас по очереди. Когда плетение будет готово, я... приманиваю Тьму.

— Приманиваешь? — Леннарт нахмурился.

— Ничего сложного, — отмахнулась я, пряча взгляд. — Источник вскрыт, через него Тьма связана с другой стороной, но уйти не может. Она как вода, которая продолжает выливаться из перевернутой бутылки. Моя задача загнать воду обратно, а ваша — заткнуть пробку.

— Ударить по порталу плетением, — перевел Монсон.

— Да. И... Виктор, — я коротко глянула на Леннарта и снова уставилась перед собой, — возможно, бить придется тебе. Мы все напитаем схему силой, но неизвестно, сколько ее останется, когда Тьма уйдет. Твоя магия от нее не зависит, так что если никто из нас не сможет...

— Понял, — перебил он. — То есть ничего не понял, но с простым ударом справлюсь.

— Хорошо. — Я посмотрела на всех по очереди и кивнула: — Тогда...

И мир перевернулся.

Я вскрикнула от пронзившей ногу боли, попыталась ухватиться руками за землю, которая отчего-то оказалась над головой, но только зачерпнула горсть пыли да обломала ногти. Меня уносило куда-то вдаль, вверх или вниз — неясно. Трясло нещадно, а пострадавшую ногу словно обжигал огонь.

— Кая!

Леннарт кричал где-то совсем близко.

Я повертела головой, пытаюсь его найти, но все вокруг заволело... чернью. За годы здесь я встречала не одну тварь и побывала в их хватке, так что ощущения узнала легко. Безликий дым окружил меня плотным коконом, выросшая из мглы лапа держала меня за ногу точно шkodливого щенка за шкуру, и вгоняла ядовитые когти все глубже в плоть, и где-то в этом мраке мерцали неестественно белые клыки.

На один жуткий миг я снова очутилась в прошлом: будто и не выбиралась из Тьмы, а все эти недели в институте были лишь сном, глупым видением, несбыточной мечтой. Затем разум прояснился, и я наконец выпустила силу.

Плести удавалось с трудом, боль ползла все дальше, глубже, но особо сложных схем и не требовалось. Чернь питалась магией, значит, надо было создать наживку. Обманку, которая только на вид чистая энергия, а на самом деле в нужный момент разорвет тварь на куски. Я не сомневалась, что справлюсь, несмотря на потраченные на панику мгновения, только меня опередили: монстр не успел даже приняться к наживке, как вдруг взвизгнул, подтверждая, что где-то в этой черноте есть подобие голосовых связок, и развеялся.

Я рухнула на землю, почти не почувствовав боли от удара, и тут же была подхвачена бледным Леннартом. За его спиной медленно таяли в воздухе клочки еще нескольких тварей, убитых тьмагами.

— Кая... твоя нога...

Он судорожно срывал с меня остатки штанины, под которой чернели вздувшиеся вены. Они оплетали голень и исчезали под неровным краем ткани, но хоть уже не горели огнем. На самом деле выглядело не сильно страшно — я будто просто запуталась в водорослях, — да и переживать особо не стоило. Во мне бурлило

столько силы, что яд давно был обезврежен, а чернота пройдет сама, пусть и не сразу.

— Не траться, — выдавила я, когда Леннарт попытался прощупать меня магией с явным намерением поиграть в целителя. — Я это проходила. Не опасно.

— Но...

— Нам еще схему напитывать. Лучше встать помощи.

Он зыркнул недовольно, но послушался, только по дороге обратно к Источнику все косился вниз, будто ждал, что нога отвалится. Я же храбрилась и старалась не хромать, хотя к концу пути обливалась потом — тварь успела оттащить меня довольно далеко.

— Я их не почувствовал, — пробормотал Монсон, занимая свое место в круге.

— И я, — поддакнул Хольм.

Берг кивнул.

Я тоже не почувствовала, а значит, вскоре могли пожаловать новые гости, потому я даже не стала спрашивать, все ли готовы — просто начала плести.

Первый слой, самый простой, но и самый важный, фактически фундамент всей схемы, я передала Леннарту. Ему предстояло не только удерживать всю эту конструкцию, если мы выйдем из строя, но и нанести решающий удар. Вторая часть с семью ключевыми узлами, блокирующими для Тьмы пути к отступлению, досталась Бергу. А Хольм и Монсон вливали энергию в слои, закрывающие портал. В моих же руках остался самый маленький участок плетения — всего три узла и несколько нитей, которые не давали рисунку рассыпаться.

Вскоре над Источником зависла призрачная схема — иллюзия, прямо как на школьном уроке, чтобы все видели общую картину, и в случае прорехи хоть кто-то успел ее залатать.

Если кто и хотел это прокомментировать, сил на разговоры ни у кого не осталось.

Я в последний раз изогнула кисть, завершая плетение, посмотрела на замкнувшуюся и засиявшую ярче схему и прикрыла глаза.

Сотни... нет, тысячи раз я мысленно повторяла весь процесс и неизменно страдала от чувства невосполнимой потери, но на самом деле это оказалось крайне просто и безболезненно. Отпустить.

Представить большой тяжелый камень — это моя магия. Дар Тьмы. А привязанная к нему разноцветная нить — наша с нею связь, прочная, неразрывная, так что если бросить камень в колодец, Тьма потянется следом, будет падать и падать вниз, пока не исчезнет.

И я с такой легкостью зашвырнула камень в центр Источника, что сама себе удивилась.

Плохо было потом.

Когда нить словно стала стальной и прошила меня насквозь. Когда с каждым сантиметром она все утолщалась, принимая в себя новые волокна, и разрывала мое тело изнутри. Когда меня захлестнуло чернильной жижой, залило глаза и глотку, и Тьма впервые стала по-настоящему темной. Непроглядной.

Я не знала, жива ли еще и по-прежнему ли направляю силу, куда нужно, просто надеялась, что нить будет и дальше тянуться за камнем. В какой-то момент показалось, что я и сама провалилась следом, что этот мрак — и есть другой мир, и вскоре я научусь заново дышать, дышать темнотой, стану чернью, а может, я и правда там побывала.

Я не почувствовала, как выпустила свою часть плетения — ее подхватил Берг. И разумеется, не увидела, как невыносимый и прекрасный Виктор Леннарт ударил нашей общей магией по portalу. Потом он рассказал, что не знал, когда нужно бить, ведь Тьма все не рассеивалась и не рассеивалась, но вскоре мы вчетвером рухнули наземь, и у него не осталось выбора.

Источник закрылся с оглушительным грохотом, подняв в небо столп пыли.

А когда она улеглась, над измученной Отерской Пустошью впервые за долгие годы воссияло солнце.

— Хорошо. Допустим, очнулись вы благодаря оберегу. Почему же не попытались разбудить остальных? Вашего мастера? Военных?

— Я не знала, чем их усыпили, боялась сделать хуже.

— Усыпили? Или усыпил? По общим заявлениям Лукас Лайне действовал один.

— Верно.

— И сразу же проник под купол. Тоже один.

— Да. Он так уже делал. В своем первом патруле.

— Поверьте, это нам известно. А вот что хотелось бы узнать, так это как во Тьме оказались лично вы?

— Тьмаги решили отправить за ним небольшую группу, и я тоже пошла.

— Зачем? Простите за откровенность, тэри Валборг, но ваши способности более чем посредственные. Чем вы могли им помочь?

— Никто не знал, как повлияет на ребят Тьма, насколько их ослабит. На меня же она совсем не действовала, и во время недавней проверки в институте мне удалось управлять сразу тремя потоками, как раз Берга, Хольма и Монсона. Потому и выбрали нас четверых. Спросите мэтра...

— Спросим.

Дознаватель впервые меня перебил, не то пытаюсь выбить из колен, не то устав слушать одни и те же ответы — меня допрашивали последней, и вряд ли кто-то из парней сказал что-то иное. Не то чтобы мы репетировали, но...

— Это место вам знакомо? — Второй дознаватель, такой же невзрачный и лишенный индивидуальности, как первый, выложил передо мной фото открытого люка бункера.

Снимали при солнечном свете, потому мне даже не пришлось изображать растерянность и неуверенность, настолько все выглядело... другим. Оказывается, узоры на крышке-панцире весьма красивые, а вокруг каким-то чудом проклюнулись из освобожденной земли мелкие голубые цветочки. Когда успели? Всего десять дней прошло...

— Похоже... точно не могу сказать, но мы там были. Кажется. Когда вошли под купол и... это рядом с границей.

Дед бы гордился моей изворотливостью.

— От границы до этого люка шестьдесят километров, — просветил первый дознаватель, в безликом голосе даже сарказм прорезался.

А я моргнула, действительно удивленная. Никогда не думала, что бункер так далеко. Оставалось только пожать плечами:

— Во Тьме было странно.

— Ясно. Вы спускались вниз?

— Нет.

— Видели, чем занимался Лайне?

— Нет. Было ветрено, пыль кружила вихрями, я вообще мало что видела.

— Но с чернью справиться смогли, — заметил второй дознаватель.

— Меня схватили, парни помогли отбиться. Наверное. Потому что очнулась я уже в лагере.

Вот так. Я была абсолютно бесполезна в этом походе. Раненая чернью, валялась в отключке, пока героический Лукас Лайне проводил некий неизвестный ритуал для изгнания Тьмы из нашего мира. Ритуал, стоивший ему силы и разума.

Да, формально Лайне выжил, но взгляд его утратил осмысленность, и ни единого слова он с тех пор не произнес. Другим тьмагам повезло больше: кто-то лишился силы, кто-то сохранил большую ее часть, но никто не свихнулся.

Полагаю, все дело в привязанности к собственной магии. Нашедшие гармонию остались при своем. Побрезговавшие — утратили многое. А Лайне, вцепившийся в дар как голодающий в кусок мяса, поставивший его во главе всего, просто не оставил Тьме выбора. Она не смогла их разделить и утащила с собой и силу, и разум.

Я искренне радовалась за Хольма и Монсона, которые хоть и не были отныне всемогущими, но по любым меркам считались одаренными магами. Да и Берг сохранил на удивление много, учитывая, как непросто ему было примириться с новой силой. Двое совсем опустевших парней тоже не казались расстроенными, даже выражали облегчение, будто избавились от невыносимой ноши. Ну а

остальным предстояло привыкать к вполне измеримым резерву и потенциалу и вливаться в ряды обыкновенных магов разного уровня.

Я понимала, что все куда сложнее, и не знала, что все они чувствовали на самом деле, но, пожалуй, и не хотела знать. Вина и без того грызла меня круглые сутки.

От лжи дознавателям легче не становилось.

— Желаете что-то добавить к показаниям, тэри Валборг? — спросил первый.

Я покачала головой, но через мгновение добавила:

— Жаль, что я мало чем помогла. Там... и здесь.

И почти не покривила душой.

* * *

Путь через весь второй этаж, широкую мраморную лестницу и просторное фойе я преодолела за несколько минут с ловкостью невидимки. Сотрудники Магического Управления сновали из кабинета в кабинет и обменивались бумагами в коридоре, посетители атаковали справочную, пытаясь прорваться на прием, и никто не обращал на меня внимания.

Да, я была элементом большой и захватившей всех истории, но настолько незначительным, что вряд ли всплывала хоть в одном разговоре. Разве что в контексте «взяли с собой какую-то слобосилку» без имени и подробностей. Даже моя принадлежность к древнему роду никого не заинтересовала. И пожалуй, то был второй светлый момент во всей этой кутерьме после почти стопроцентной выживаемости нашей группы. «Почти», потому что Лайне я считала живым весьма условно.

На крыльце я еле увернулась от спешащего куда-то незнакомца, застегнула пальто и намотала на шею шарф — осень наконец встала во весь рост и накрыла столицу промозглой тенью. А потом руки коснулась ладонь в черной перчатке, и я улыбнулась, не отрывая от нее глаз.

У Леннарта уже вошло в привычку ко мне подкрадываться.

— Ну что? Теперь точно все? — спросил он, подставляя локоть.

Я ухватила за него, и мы медленно двинулись вниз по ступенькам.

— Теперь точно.

— Лайне официально герой?

В голосе Леннарта слышалось неприкрытое недовольство, и я усмехнулась:

— Мы свалили на него усыпление и ритуал. Пришлось компенсировать...

— Я по-прежнему считаю это глупостью. Гад войдет в историю как избавитель мира от Тьмы... И что, если однажды он заговорит?

Я огляделась, но редкие прохожие были достаточно далеко от нас.

— Сомневаюсь, что там есть кому говорить, — ответила тихо. — Когда его вывели... я не почувствовала в нем человека.

Леннарт промолчал, только накрыл мою ладонь, лежащую на его локте, второй рукой и свернул в парк.

— Между прочим, о тебе не задали ни одного вопроса, — ехидно заметила я, задрав голову.

— А должны были? — Он покосился на меня, приподняв бровь. — Меня же там не было.

— Удобно быть частью великого рода.

— Смею напомнить, что ты тоже не безродная дворняжка.

— Ага, только грозного папы, умеющего вымарывать имена из любого дела, у меня нет.

Сказала и тут же напряглась, опасаясь, что Леннарт обидится, но он лишь рассмеялся. Подвел меня к скамейке, смахнул с нее пожухлую листву и, усадив меня, устроился рядом.

Мы мало общались в последние дни. Когда я очнулась в импровизированном военном лагере, парни уже многое успели выяснить и обсудить, и после коротких переговоров и выстраивания единой версии событий мы разошлись, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Тьмагов снова изучали. Леннарта забрал отец, ограждая от всей этой истории. А я... слилась с группой все проспавших однокурсников, надеясь, что вспомнят обо мне нескоро. Сидела в комнате общежития, ждала вердикта и в какой-то момент даже решила, что никому и не нужна, но вчера пришла повестка из Управления.

Хороший знак. Было бы куда хуже и показательней, явись дознаватели за мной лично.

— Трин уехала? — вдруг спросил Леннарт.

Я кивнула:

— Сразу после допроса. Но всего на неделю... Отдохнуть в кругу семьи.

Если подумать, ей как напарнице главного героя досталось больше всего внимания. Особенно после того, как обнаружился ошейник.

Безопасникам она так и не смогла толком объяснить, чего Лайне добивался этим подчинением. Сказала только, что велел молчать о любом их магическом взаимодействии, но ничего сверхстранныго они не делали даже на личных тренировках. В итоге в Управлении, похоже, решили, что он планировал использовать Трин в ритуале, но отчего-то передумал.

Правду она раскрыла только мне, перед самым отъездом.

Лайне хотел знать обо мне все. Требовал пересказываться все наши разговоры, обыскивать вещи. Наверное, искал что-то, связанное с бункером. И отчужденность Трин стала единственным ее способом это прекратить, ведь если мы не общаемся, то и докладывать ей не о чем. Даже тот намек, что мне лучше уйти из группы, был актом дружбы, и только я в своей слепоте...

Эту ошибку я считала самой страшной. И стыдной. Я винила Леннарта и всех вокруг, не замечающих на мне дедовского ошейника, а сама, обладая огромной силой, проглядела его на соседке.

Причем ошейники были очень похожи. Почти идентичны. И я снова вспомнила о визите Лайне к старику: мог он его убить, а перед этим выпытать или выкрасть разработку?

Один из множества вопросов, ответов на которые я не узнаю.

Леннарт сжал мою ладонь:

— Вы поговорили?

— Да.

— И?..

— Она вернется к учебе. Я — нет. Вряд ли найдется повод поддерживать связь.

Мы помолчали.

— Что будет с группой?

— Мэтр забирает сохранивших силу тьмагов на общий боевой. Остальные разойдутся по факультетам, сохранив стипендии. Счастливый финал.

— И только ты... — Он осекся, и я усмехнулась:

— Я счастливее прочих. Я свободна... почти от всего.

Один груз все же остался.

— Источники, — понял Леннарт.

Я все же нашла время рассказать ему обо всем, хоть и предпочла бы провести выпавшие нам минуты наедине совсем иначе. Пару дней назад все в той же беседке я впервые была полностью откровенна и поразилась, как это больно и вместе с тем приятно.

— Никто не махнет на все случившееся рукой, — кивнула я, — мол, ну была Тьма да исчезла, живем дальше. Безопасники будут копать и рано или поздно поймут, что это за выложенный камнями круг. Или очередной энтузиаст найдет тот или иной Источник и попытается вскрыть.

— Тебе не все равно? — Леннарт развернул мое лицо за подбородок и заглянул в глаза.

Я знала, что и ему не все равно, но подталкивать меня к тому или иному решению никто не собирался.

— В следующий раз из портала может явиться что-то пострашнее Тьмы, — прошептала я.

— И чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы тьмаги отучились, пошли в службу безопасности и взяли вопрос на контроль.

Леннарт хохотнул.

— Или ты, — добавила я.

— Или ты, — парировал он.

Я мотнула головой, разрывая зрительный контакт:

— Единственное, что я знаю наверняка, так это что не желаю больше с этим соприкасаться. Никак. Ни под каким соусом. Нет-нет-нет.

— Понял. Отстал. — Он вскинул руки, будто сдаваясь. — Но когда-нибудь...

— Когда-нибудь я решу, кому отдать отцовский дневник, чтобы никто не повторил его ошибок.

И свой, в котором я описала все события последних лет, молясь всем богам, чтобы это никому не пригодилось.

— Я бы мог намекнуть отцу...

Я вздрогнула и уставилась на него, забыв закрыть рот.

— Что? Ну, хочешь, сама намекни. Он неплохой вариант для решения проблемы. Я вас познакомлю...

— Нет! — вскрикнула я.

Леннарт снова засмеялся:

— Он не так ужасен, правда.

— Слушай, если ты еще не понял... — Я вскочила, помолчала и снова села, не глядя на него. — Я снова слабосилка. Вероятно, даже слабее прежнего. Таких с главами древних родов не знакомят...

— Так, — перебил Леннарт, разворачивая меня к себе, на сей раз за плечи. — Во-первых, ты и сама глава древнего рода. А во-вторых, — повысил он голос, когда я собралась возразить, — один раз я уже на это купился, больше не сработает. Ясно? И вообще, долго ты еще будешь припоминать мне те дрянные слова?

Я прикрыла глаза и устало улыбнулась:

— А долго ты готов терпеть?

— Ну... если вопрос стоит так... то целую вечность.

Эпилог

Я узнала его сразу, хотя вот так, лицом к лицу, мы виделись очень давно. Кажется, на одном из приемов, еще до моего путешествия во Тьму.

И сейчас я даже не вспомнила его грубоватые черты, серьезные синие глаза и внушительную фигуру — просто провела параллели, ибо уже больше полугода засыпала и просыпалась рядом с молодой копией этого человека.

С его сыном, Виктором.

Ну и что скрывать, я подсознательно ждала этой встречи. Знала, что рано или поздно Леннарт-старший явится, чтобы все испортить.

Он на несколько секунд замер в дверях, внимательно изучая меня и заваленный бумагами стол, затем уверенно перешагнул порог, пересек кабинет и опустился в кресло напротив.

А я не стала изображать недоумение и просто поздоровалась:

— Добрый вечер, тэр Леннарт.

— Умная, — удовлетворенно кивнул он. — Не сомневался.

Глупец, читающий газеты, справился бы с опознанием ничуть не хуже, но, разумеется, озвучивать я эту мысль не собиралась.

— Желаете кофе? — Я глянула на сгущающиеся за окном сумерки и поморщилась. — Или чаю?..

В коридоре уже слышались быстрые шаги и звон фарфоровых чашек — немного заполошная, но искренняя в своих порывах Ильса спешила уважить гостя после долгого пути.

— Нет, — коротко отозвался он, и звон затих перед самой дверью, а потом на той же скорости удалился.

— Ну тогда... слушаю вас.

Я взглянула Леннарту-старшему в глаза и действительно приготовилась слушать, хотя хотела этого меньше всего на свете. Ну что нового он может рассказать?

Что Виктор достоин большего? Что из-за меня блестящий почти-выпускник отказался от лакомого места при дворе? И, мол, неужели я сама не вижу, что это пыльное поместье и моя глупая затея с приютом

для нестабильных магов — слишком мелкая цель для столь выдающегося молодого человека?

Согласна. Знаю. Вижу.

Более того — для самого Виктора все это тоже не секрет, и он отнюдь не собирается отказываться от своих планов и желаний, просто на первых порах помогает мне осуществить мои. Вот только если он не удосужился успокоить отца, то и мне остается лишь смиренно внимать его гневу.

— Сколько человек служит в поместье?

— Дв... что?! — Я так опешила, что едва не ответила машинально.

— Это все документы по приюту? — Аластар Леннарт кивнул на кипы бумаг на моем столе.

— Вас интересуют дела приюта?

Еще даже не открывшегося, кстати.

— Меня интересует, как ты с ними справляешься.

Я прокашлялась, собираясь с мыслями, но выразить мне их не дали.

— Врожденная сообразительность — это хорошо, но образования ничто не заметит, — наставительно произнес Леннарт-старший. — Институт — это не только знания, но еще и опыт, общение, зарядка для мозга, расширение кругозора...

— Осенью я иду в Первую Академию, — наконец смогла вставить я, с ужасом понимая, что будто оправдываюсь.

— Не в ИОВ? — прищурился гость. — Почему?

— ИОВ заточен под магов, а я хотела бы... расширить кругозор.

И он захохотал, запрокинув голову, от души.

Боги, как же похоже они смеются!

— Язва. Мне нравится. Смо...

В этот миг дверь за его спиной распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и в проеме возник взбешенный Леннарт-младший. За прошедшее время я видела его всяким, и злым в том числе, но так сильно ноздри его еще не раздувались.

— Тебя не приглашали! — рявкнул он на отца.

— А ты не постучал, — спокойно ответил тот. — Это кабинет директрисы приюта, негоже вот так вламываться, какие бы отношения вас ни связывали.

Я поджала губы, чтобы не улыбнуться, и, заметив маячившего за дверью Ульфа с крайне обеспокоенным лицом, покачала головой. Он помогал мне во всем, практически стал правой рукой, но сюда ему соваться точно не следовало. Ульф нахмурился, отступил в тень, но не ушел.

— Отношения? — угрожающе переспросил Виктор. — Не лезь в мою личную жизнь!

— Было бы куда лезть, — отмахнулся Леннарт-старший. — Здоровый лоб, а все в игрушки играешься. Выдумал себе любовь, но и дураку ясно, что все несерьезно, раз до сих пор...

— Я ее люблю, — перебил Виктор и повторил отдельно: — Я. Ее. Люблю. Вопрос закрыт?

Они с отцом несколько мгновений буравили друг друга взглядами, наконец последний кивнул:

— Чтоб через два дня были к ужину. Оба. Мать позвала гостей. — Затем оглядел нас по очереди, еще раз кивнул и вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Это было странно, — пробормотала я, склонив голову.

— Это был Аластар Леннарт, великий и ужасный. — Виктор потер лоб, шагнул ко мне и снова замер: — Проклятье, я все испортил!

— Что именно? — Я сама вышла из-за стола к нему навстречу.

— Признался в любви отцу, а не тебе.

Щеки запылали, но я сдержалась и не отвернулась, хотя было невыносимо неловко.

— Я же слышала...

— Все равно не считается. Эй... — Виктор за секунду преодолел разделявшие нас метры, обхватил мое лицо ладонями и повторил: — Я тебя люблю. Кая Кристина Валборг, я тебя люблю.

— Признался под напором, — шутливо проворчала я, не зная, куда деть глаза.

— Ах так? Ладно. Хорошо. — Он отпустил меня и скрестил руки на груди. — В качестве доказательства своих чувств я одним махом исполню два твоих заветных желания.

— Ого. Это каких? — Я скопировала его позу. — Пригласишь тьмагов на гулянку?

Виктор скривился:

— Берг с Монсоном были на той неделе, до сих пор голова гудит.

— Значит?..

— Значит, первое: ты мечтала, чтобы Валборги навсегда сгинули. Сердце замерло.

— Убьешь последнюю из рода? — Снова хотела отшутиться, но прозвучало жалко.

— Хуже. Заманю последнюю из рода в другой клан.

— А второе? — прошептала я, зажмурившись.

— Второе... — Веки опалило его горячее дыхание... Виктор стоял совсем близко. — Избавлю тебя от дневников. За семью отец любого порвет и ради невестки точно расстареется. С ним и записи, и Источники будут в полной безопасности.

Я молчала, и он склонился еще ближе, коснулся губ губами.

— Годится?

— Годится, — тихо ответила я, не открывая глаз. — Я тоже тебя люблю.

— Призналась за взятку.

Сказать «все может быть» я не успела. А на следующий час и вовсе забыла, что умею говорить.

Впервые за три года шесть месяцев и тринадцать дней я была безоговорочно счастлива и не собиралась больше вести отсчет.

КОНЕЦ